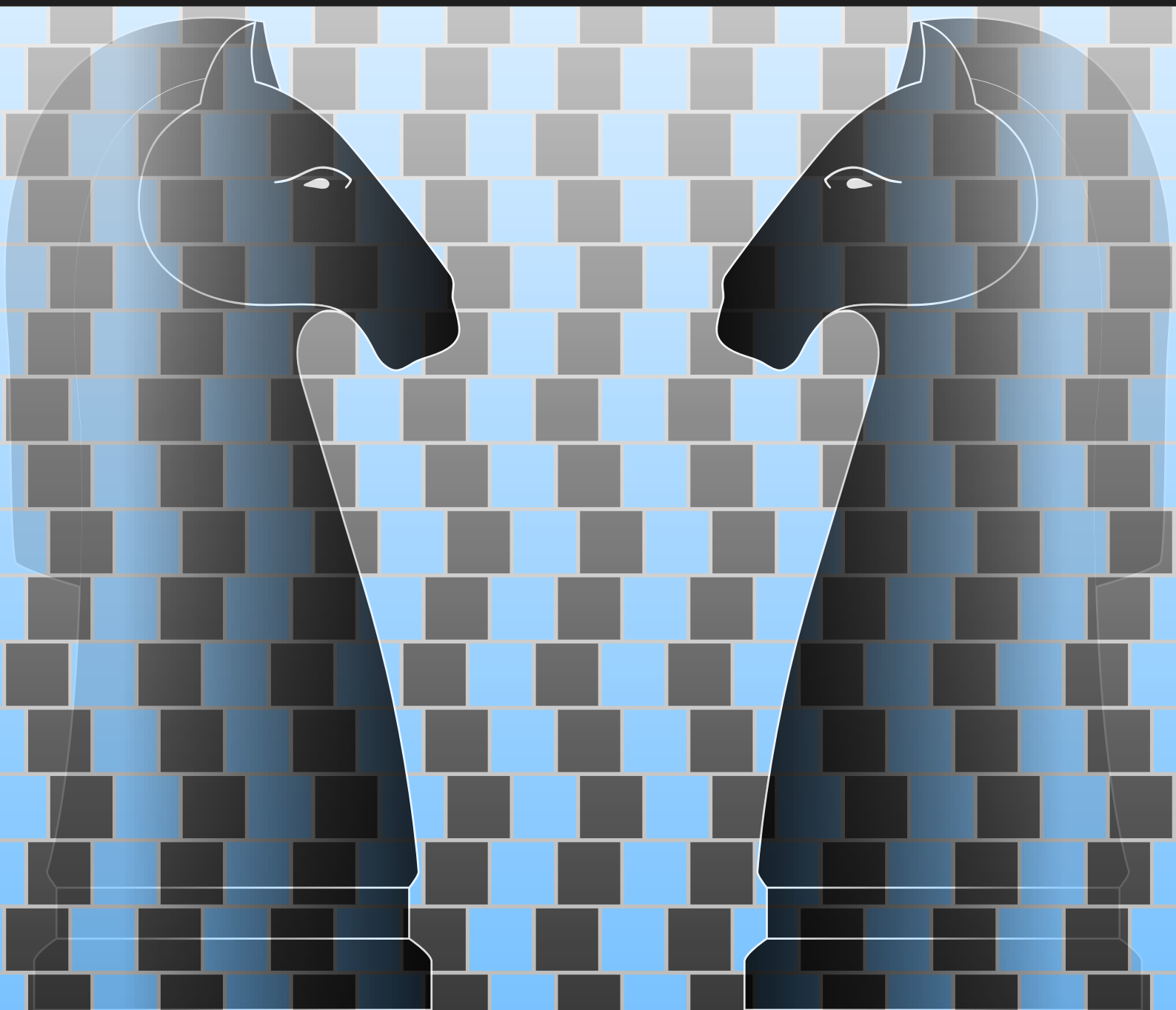

Российский журнал Когнитивной науки

Том 4
№ 1
Март 2017

WWW.COGJOURNAL.RU

ISSN 2313-4518

WWW.COGJOURNAL.ORG

Vol. 4
No. 1
March 2017

The Russian Journal of
COGNITIVE SCIENCE

The Russian Journal of Cognitive Science

<http://www.cogjournal.org/>

ISSN 2313-4518

Russian mass media certificate:

СМИ ЭЛ ФС 77 – 57220

Registered publisher: Ekaterina V. Pechenkova

Editorial office address: Yaroslavskaia ulitsa

13, office 229, 129366 Moscow, Russia

e-mail: info@cogjournal.org

Articles are distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) (CC BY), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author(s) are credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Editor-in-Chief: Ekaterina V. Pechenkova

Editorial Board:

Tatiana V. Akhutina,
Mira B. Bergelson,
Olga V. Dragoy,
Varvara E. Dyakonova,
Maria V. Falikman,
Olga V. Fedorova,
Andrej A. Kibrik,
Andrei V. Kurgansky,
Dmitry V. Lyusin,
Regina I. Machinskaya,
Boris G. Meshcheryakov,
Vladimir F. Spiridonov,
Igor S. Utochkin,
Anna Yu. Shvarts,
Sergei L. Shishkin,
Nataliya A. Varako,
Roza M. Vlasova

Action editors of the current issue:

E. V. Pechenkova, M. V. Falikman,

English copy editor: Kelly Callahan

Russian proofreaders:

P. G. Lebedeva, N. P. Vlasenko

Layout designer: S. M. Zlochevsky

Cover design: E. D. Akopian, A. A. Akopian

Российский журнал когнитивной науки

<http://www.cogjournal.ru/>

ISSN 2313-4518

Свидетельство о государственной

регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 57220

Учредитель: Е. В. Печенкова

Адрес редакции: 129366 Москва,

ул. Ярославская, д. 13, офис 229

e-mail: info@cogjournal.org

Статьи доступны по лицензии [Creative Commons "Attribution"](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Главный редактор Е. В. Печенкова

Редакционный совет:

Т. В. Ахутина,
М. Б. Бергельсон,
Н. А. Варако,
Р. М. Власова,
О. В. Драгой,
В. Е. Дьяконова,
А. А. Кибрик,
А. В. Курганский,
Д. В. Люсин,
Р. И. Мачинская,
Б. Г. Мещеряков,
В. Ф. Спиридонов,
И. С. Уточкин,
М. В. Фаликман,
О. В. Федорова,
А. Ю. Шварц,
С. Л. Шишкин

Редакторы выпуска:

Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман,

Литературный редактор английских текстов: Келли Кэллахэн

Корректоры русских текстов:

П. Г. Лебедева, Н. П. Власенко

Компьютерная вёрстка: С. М. Злочевский

Дизайн обложки: Е. Д. Акопян, А. А. Акопян.

Contents

Editorial

Special Issue: Priming and Set (In Russian)	4
--	---

Research Papers: Theory

Olga A. Arbekova, Alexey N. Gusev About Matching Concepts of Meaningful Set, Task Set, and Operational Set With Modern English-Language Terms (In Russian)	5
Abstract in English	23

Discussion

Alexander Asmolov Effects of Set in Forecasting of the Future: Historical Evolutionary Analysis. Commentary on the papers “Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?” by A. Koyfman and “Comparing Two Paradigms and the ‘Prepersonal Level’ of Priming” by M. Filippova (In Russian)	26
Abstract in English	31
Alexander N. Romaschuk About the Priming of Scientific Terms and the Set towards Solving Scientific Problems (In Russian).....	33
Abstract in English	42
Vladimir F. Spiridonov Priming and Set in Problem Solving. Comments on A. Ya. Koyfman’s “Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?” (In Russian)	44
Abstract in English	50
Natalia S. Kudelkina Every Set is a Priming, but not Each Priming is a Set. Commentary on the papers “Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?” by A. Koyfman and “Comparing Two Paradigms and the ‘Prepersonal Level’ of Priming” by M. Filippova (In Russian).....	52
Abstract in English	58
Roman S. Shilko On the Principles of Analysis and Comparison of Set and Unconscious Semantic Priming. Comments on A. Ya. Koyfman’s “Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?” and M. G. Filippova’s “Comparing Two Paradigms and the ‘Prepersonal Level’ of Priming” (In Russian).....	60
Abstract in English	64

Оглавление

От редакции

Специальная тема выпуска: прайминг и установка	4
--	---

Теоретические сообщения

Ольга Александровна Арбекова, Алексей Николаевич Гусев О соотношении понятий операциональной, целевой и смысловой установки с современными англоязычными терминами	5
Аннотация статьи на английском языке	23

Дискуссия

Александр Григорьевич Асмолов Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ. Комментарий к статьям А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и „доличностным уровнем“ прайминга»	26
Аннотация статьи на английском языке	31

Александр Николаевич Ромащук О прайминге научных терминов и установке на решение научной проблемы	33
Аннотация статьи на английском языке	42

Владимир Ф. Спиридонов Прайминг и установка на материале решения мыслительных задач. Комментарий к статье А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?»	44
Аннотация статьи на английском языке	50

Наталья Сергеевна Куделькина Установка — всегда прайминг, но не всегда прайминг — установка. Комментарий к статье А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?»	52
Аннотация статьи на английском языке	58

Роман Сергеевич Шилко О принципах анализа и сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга. Комментарий к статье А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и комментарию М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и „доличностным уровнем“ прайминга»	60
Аннотация статьи на английском языке	64

Специальная тема выпуска: прайминг и установка

Перед вами специальный выпуск «Российского журнала когнитивной науки», посвященный дискуссии о различных формах эффектов предшествования. Дискуссия была инициирована в зимнем номере в статье А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?», в том же номере была дополнена комментарием М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и „доличностным уровнем“ прайминга», а в текущем номере мы продолжаем ее еще четырьмя статьями-комментариями и двумя теоретическими статьями.

Почему идея сопоставления эффектов прайминга и установки и соответствующих теоретических понятий вызывает столь живой интерес у психологов, занимающихся исследованиями познания? По-видимому, каждому читателю предстоит самому ответить на этот вопрос. Для кого-то это увлекательная интеллектуальная головоломка. Например, что демонстрируют знаменитые фразы Н. Л. Элиавы («ле-ал о-ел») и аналогичные методики дополнения основы слова до целого, используемые современными исследователями имплицитной памяти? Что это — прайминг или установка? У кого-то возникнут идеи новых экспериментальных исследований неосознаваемой обработки информации. Кто-то сможет взглянуть на свои собственные экспериментальные данные в новом свете. А для кого-то представляет интерес само по себе сопоставление понятий, выработанных в разных подходах: за последнее

десятилетие в отечественной психологии был предпринят целый ряд таких попыток^{1,2}, и нам видится в них не столько восстановление исторической справедливости, сколько новые возможности продуктивного диалога между исследовательскими традициями.

Интересно, что даже само по себе понятие установки, широко используемое в разных психологических школах и направлениях вот уже более столетия, требует тщательного соотнесения трактовок и операционализаций — такая попытка представлена в развернутой статье О. А. Арбековой и А. Н. Гусева. Дело обстоит еще сложнее с понятием прайминга, свободно используемым в современной экспериментальной психолингвистике и нейронауках, но порой вызывающим возражения и сопротивление в психологическом научном сообществе, что выражается в разнообразных попытках подобрать ему аналог в более устоявшейся психологической терминологии³, причем в качестве самого первого варианта перевода неизменно предлагается именно термин «установка». Что стоит за этим сопротивлением и насколько необходимы такие усилия? Нам кажется, что мнения, высказанные в ходе дискуссии, высвечивают эту проблему наиболее объемно.

В любом случае нынешняя дискуссия позволяет наметить карту исследовательской области, посвященной эффектам предшествования и преднастройки, и нам хотелось бы верить, что каждый обнаружит в ней для себя что-то новое.

*Екатерина Печенкова,
Мария Фаликман,
редакторы специального выпуска
«Российского журнала когнитивной науки»*

¹ См., напр. *Мещеряков Б. Г.* Мнемические эффекты П. И. Зинченко // *Культурно-историческая психология.* 2009. № 2. С. 5–13.

² *Печенкова Е. В., Фаликман М. В.* Решение перцептивной задачи как взаимодействие между восходящими и нисходящими процессами переработки зрительной информации // *Теоретическая и экспериментальная психология.* 2010. № 3. С. 52–65.

³ См. *Фаликман М. В., Койфман А. Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* 2005. № 3, С. 86–97; № 4, С. 81–90.

теоретические сообщения

О соотношении понятий операциональной, целевой и смысловой установки с современными англоязычными терминами

Ольга Александровна Арбекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Алексей Николаевич Гусев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка сопоставить и найти содержательные аналоги между понятиями смысловой, целевой и операциональной установки, которые были разработаны А. Г. Асмоловым на основе деятельностного подхода, с одной стороны, и понятиями, которые описывают установочную регуляцию в современной зарубежной психологии, с другой стороны. Гипотеза об иерархической уровневой структуре установки позволяет систематизировать различные представления об установках, что особенно актуально в связи с размытостью границ данного понятия. Для каждого из уровней установки приводятся близкие по содержанию терминологические аналоги, обозначаются их сходства и различия. В результате анализа было выявлено, что операциональные установки представлены в зарубежной психологии как моторная установка (*motor set*), сенсорная установка (*sensory set*), и сенсорный прайминг (*sensory priming*). Прямым аналогом целевых установок являются *task set* и *goal set* (последний термин используется реже); с этим же уровнем связаны установка на ответ (*response set*), установка на стимул (*stimulus set*) и установка, вызванная инструкцией (*instructional set*). Наибольшую сложность при соотнесении понятий представляет уровень смысловых установок. В большей степени приближен к представлению о смысловой установке широко используемый в современной зарубежной литературе термин *mindset*. Перцептивную установку (*perceptual set*) нельзя отнести к какому-либо одному уровню, она может быть операциональной, целевой и смысловой.

Контактная информация: Ольга Александровна Арбекова, invental17151@gmail.com; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Алексей Николаевич Гусев; angusev@mail.ru.

Ключевые слова: установка, операциональная установка, целевая установка, смысловая установка, моторная установка, сенсорная установка, прайминг, перцептивная установка, установка на стимул, установка на ответ

© 2017 Ольга Александровна Арбекова, Алексей Николаевич Гусев. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания авторов и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 20 января 2017 г. Принята в печать 28 марта 2017 г.

Постановка проблемы

Изучение установочной регуляции познавательной деятельности человека имеет очень длинную историю. Несмотря на это до сих пор не сложилось общей, разделяемой большинством исследователей теории установки и не были сколько-нибудь четко определены границы данного понятия. По-прежнему в современной психологии широко используется понятие «установка» («Einstellung», «set»). Чаще всего оно обозначает установку в узком понимании — как готовность воспринимать и действовать определенным образом (Узнадзе, 2001; Брунер, 1977; Luchins, Luchins, 1970). Расширительное понимание термина «установка» подразумевает имеющийся у субъекта опыт, полученный на предыдущем этапе его жизнедеятельности, который является основой готовности к решению новых жизненных задач. Например, как набор компетенций, которыми должен обладать ребенок перед школой (Tannock, Lyons, 2010). С другой стороны, в современной англоязычной литературе существует множество терминов, отражающих различные виды установок, например, установка на определенный ответ (response set), установка на стимул (stimulus set), моторная установка (motor set), установка на выполнение задачи (task set), общая направленность сознания (mindset) и мн. др., что позволяет исследователям более узко очертить предмет исследования.

В истории изучения феномена установки А. Г. Асмолов выделяет три основных этапа (Асмолов, 2002). Первый этап знаменуется открытием самого явления установки С. Экснером и Л. Ланге, началом разработки данной проблематики (Lange, 1888; Кюльпе, 1981). На втором этапе понятие установки приобретает статус объяснительного принципа, повторяя судьбу таких фундаментальных идей, как гештальт или рефлекс. Д. Н. Узнадзе создает теорию установки в контексте преодоления постулата непосредственности (Узнадзе, 2001; Прангишвили, 1973; Чхартшвили, 1971; Имедадзе, Сакварелидзе, 2013). Таким образом, через идею установки начинают объясняться различные явления, но сама она становится постулатом, не требующим объяснения. Рассмотрение установки как явления, с одной стороны, и установки как объяснительного принципа, с другой стороны, приводит к противоречиям, попытка преодолеть которые ведет к становлению нового этапа рассмотрения понятия установки. На третьем этапе она вновь из объяснительного принципа становится предметом психологического исследования, и для изучения установочных явлений делается попытка выйти за границы самого феномена и обратиться к анализу предметной деятельности (Асмолов, 1979). Таким образом, можно заметить, что феномен установки пронизывает историю психологии.

Современные исследования установочной регуляции пошли скорее не по пути создания единой теории, а по пути все большей специализации. Возможно, это связано с историческим контекстом. Философско-ориентированная психология перестала представлять собой мейнстрим, главенствующее направление, как это было при доминировании немецкой схемы исследова-

ния до Второй мировой войны, пока Германия занимала лидирующее место в науке (Ушаков, 1995). После 30–40-ых годов на лидирующие позиции вышла Америка. Именно для американской схемы построения психологических исследований характерен принцип конвейера, заключающийся в передаче и перепроверке знаний. Данный принцип подразумевает использование операционализируемых понятий, позволяющих создавать модели среднего уровня, проверяемые в эксперименте. Д. Н. Ушаков говорит о характерной для западной психологии экспериментоцентрической системе понятий, которая позволяет строго очерчивать области исследования и создавать огромное количество экспериментальных планов. На основе эмпирических данных, полученных в эксперименте, делаются попытки воссоздать целостный образ человека. Напротив, для отечественной психологии в большей степени характерна работа в обратном направлении: от попытки выстроить целостный образ человека к проработке экспериментальных идей. Как подчеркивает Д. В. Ушаков, идеал «конвейерной» психологии, начиная с бихевиористской революции, захватил почти всю науку. Можно наблюдать, что так называемый *Zeitgeist*, или дух времени, который сегодня в науке заключается в предпочтении все большей специализации вместо создания единой теории, не обошел стороной и проблематику установочных явлений. Изучение установок столь разнопланово, что иногда области исследования феномена не пересекаются между собой.

В связи с этим важным методологическим шагом представляется рассмотрение гипотезы А. Г. Асмолова об иерархической уровневой структуре установки (Асмолов, 1979), позволяющей систематизировать различные представления об установках и соединить в одной понятийной схеме различные направления. Разработка подобной схемы имеет большое эвристическое значение, которое особенно актуально сегодня, среди разрозненных, параллельно идущих исследований установочных явлений. Достоинством теоретико-методологической схемы, предложенной А. Г. Асмоловым, является идея системности установочной регуляции деятельности, которая подразумевает и определенное соотношение различных видов установки, и их иерархию, то есть создает систему координат, весьма перспективную для изучения их взаимодействия и взаимовлияния. При этом нельзя сказать, что преимущества и потенциал данного подхода широко используются; в целом гипотеза Асмолова в большей степени осталась теоретической концепцией. Можно найти лишь небольшое количество эмпирических проверок данной модели; нет соотнесения уровней установочной регуляции, предложенных А. Г. Асмоловым, и терминов, используемых в современной зарубежной литературе.

Целью данной статьи является сопоставление понятий смысловой, целевой и операциональной установки, разработанных на основе деятельностного подхода, с терминами, обозначающими установочную регуляцию в современной зарубежной психологии, попытка найти терминологические аналоги, проанализировать соответствующую им феноменологию и обозначить сходства и различия. Для этого вначале мы обратимся к краткому рассмотрению уровневой

структуры установки, предложенной А. Г. Асмоловым, а затем соотнесем эти уровни с терминами и понятиями, описывающими установочные явления в зарубежных исследованиях.

Гипотеза А. Г. Асмолова об иерархической уровневой структуре установки

А. Г. Асмолов рассматривает установку как психологический механизм стабилизации деятельности. Ответ на вопрос о факторах, вызывающих различные установки, А. Г. Асмолов находит в самом психологическом строении деятельности. Согласно А. Н. Леонтьеву, деятельность включает в себя следующие уровни: уровень психофизиологических реакций, уровень операций, уровень действий, уровень деятельности (Леонтьев, 1983). Асмолов пишет:

«Содержание установок зависит от того, какое место в структуре деятельности они занимают. Соотнесение различных форм установок с объективными факторами и структурными моментами деятельности позволяет предположить, что различные формы установок образуют иерархическую уровневую структуру» (Асмолов, 2002, с. 75).

Таким образом, к факторам, вызывающим формирование установок, относятся условия осуществления деятельности, ее цель и мотив. Благодаря соотнесению различных установок с иерархическим строением деятельности и вызывающими их факторами автор приходит к гипотезе об иерархической уровневой природе установки и аналогично выделяет четыре уровня установочной регуляции: уровень психофизиологических механизмов, уровни операциональной, целевой и смысловой установок (Асмолов, 1979).

Отдельно рассмотрим уровень психофизиологических реализаторов установок, поскольку установка не может быть реализована в отрыве от психофизиологических механизмов. Еще на заре изучения установочной регуляции в Лейпциге Л. Ланге, говоря о моторной установке, подчеркивал важность предварительного иннервационного напряжения, тонической настройки (Lange, 1888). На состояние нервно-мышечной периферии — тонус, как на физиологическую настройку и состояние готовности, указывали Н. А. Бернштейн (1990) и К. Прибрам (1975). Признавая важность данного уровня установочной регуляции, без которого ее проявление невозможно, основное внимание в данной статье мы сосредоточим на рассмотрении других трех уровней установки. Краткое сравнение операциональной, целевой и смысловой установок представлено в табл. 1.

Подчеркнем, что все установки выполняют функцию стабилизации деятельности и незаметны при ее нормальном протекании. Они проявляются в тех случаях, когда деятельность не может протекать как раньше в связи с препятствием: нарушение, прерывание деятельности, неясность ситуации, неопределенность стимуляции. Поэтому основным методическим приемом для эмпирического изучения установок является

искусственное нарушение деятельности, например, с помощью создания ситуации неопределенности. Данный прием особенно эффективен для проявления операциональной и целевой установок.

Основанием для выделения операциональной установки стало ее проявление в обыденной жизни, а также экспериментальные данные. В повседневной жизни она связана с «привычным» планом поведения, с привычными ситуациями. Многократное выполнение одного и того же поведенческого акта в определенных условиях приводит к тому, что при повторении этих условий актуализируется ранее выработанная установка (Узнадзе, 2001). Операциональные установки осознаются в том случае, когда нарушаются условия для их осуществления. Типичным примером установки операционального уровня является фиксированная установка, подробно изученная в школе Д. Н. Узнадзе (Узнадзе, 2001; Прангшвили, 1973). Установки, полученные методом «фиксации установки», приводят к различным искажениям восприятия или иллюзиям.

Целевая установка наиболее явно обнаруживает себя в случае наличия препятствий, заключающихся либо в специальном нарушении, прерывании действия, либо в неопределенности предъявляемой стимуляции. Она проявляется в виде тенденции к завершению прерванного действия или в виде ошибок и так называемых системных персевераций. Также целевая установка может отражаться в улучшении или ухудшении результатов выполнения задачи, например, скорости нахождения целевого объекта, времени выполнения задания и т. п.

Смысловая установка проявляется в действиях человека, выражая тенденцию к сохранению общей направленности деятельности (Асмолов, 2002). К подобным проявлениям можно отнести оговорки, обмолвки, ошибочные действия, «лишние» движения. Наглядным является пример из воспоминаний З. Гердта:

«Когда я был маленький, и „Интернационал“ пели все, и все слова знали все, и горели взоры, и до мировой справедливости было рукой подать, а слово „воспрянет“ было мне недоступно, — я искренне, с чувством скорой всеобщей правды и добра пел: „С Интернационала-а-а-алом воз пряников в рот людской“. И я видел этот рот, этот воз и, кажется, даже добродушное лицо возницы» (Правдина, 2003, с. 81).

Проанализировать действие смысловой установки, «уловить» ее влияние достаточно сложно. Наиболее перспективным способом зафиксировать эффект смысловой установки нам представляется исследовательский прием, когда сравниваются испытуемые с полярными личностными смыслами или наличием особого рода переживаний, как, например, в исследовании больных нервной анорексией (Асмолов, Курячий, 1979). В исследовании Асмолова и Курячего одна из групп испытуемых была представлена больными нервной анорексией, вторая — людьми, проходящими курс лечения голодом, и третья — контрольная группа. Им предлагалось задание: вставить пропущенные буквы так, чтобы получилось слово, по возможности на тему «Природа», хотя слова были подобраны так, что можно было полу-

Таблица 1. Сопоставление смысловой, целевой и операциональной установок

	Смысловая установка	Целевая установка	Операциональная установка
Определение	Готовность к действию в связи с актуализацией мотива деятельности. Смысловая установка представляет собой одну из форм выражения личностного смысла.	Готовность субъекта совершить то, что сообразно стоящей перед ним цели.	Готовность к осуществлению определённого способа действия в соответствии с условиями, в которых оно протекает.
Функция	1. Стабилизация процесса деятельности в целом. 2. Фильтрующая функция по отношению к установкам нижележащих уровней.	Стабилизация действия за счет фокусирующей роли цели.	Стабилизация формы осуществления действия в соответствии с конкретными условиями, в которых оно протекает.
Возможность изменения	Изменение смысловых установок происходит не прямо под влиянием какой-либо информации, а опосредовано изменением мотива деятельности, то есть обусловлено изменением реальных жизненных отношений личности к действительности. «Смысловые установки личности перевоспитываются, а целевые и операциональные установки переучиваются» (Асмолов, 2002, с. 89).	К изменению целевой установки приводит смена цели действия. Это не исключает персевераций и ошибок, вызванных предыдущей установкой, особенно когда «смена целевых установок не поспевает за резким изменением действия, сменой одного действия другим» (Асмолов, 2002, с. 95).	Процесс изменения операциональной установки более ригиден. Например, генерализация установки приводит к тому, что по завершении действия, в котором эта установка вырабатывается, она не прекращает своё влияние, а более того, расширяет спектр своего влияния на ряд близких заданий (Узнадзе, 2001). Такая функциональная фиксированность может являться препятствием при обучении чему-либо новому, поиске нестандартных решений (Майер, 1965; Дункер, 1981).
		В отличие от смысловой установки, установки целевого и операционального уровней подвержены прямому влиянию инструкций.	
Степень осознания	Может быть осознаваема и неосознаваема.	Осознаваема.	Неосознаваема.
Примеры	Примеры А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца по восстановлению функции руки после ранения; ошибочное восприятие, ошибочные действия, оговорки и др. проявления «психопатологии обыденной жизни».	Тенденция к завершению прерванного действия (феномен Зейгарник), ошибки и системные персеверации, описанные в клинической психологии.	Искажения и иллюзии восприятия (иллюзия Шарпантье, объемно-весовая иллюзия), феномен функциональной фиксированности и т. д.
Место в иерархии	Ведущий уровень.	Нижележащий уровень по отношению к смысловой установке.	Нижележащий уровень по отношению к смысловой и целевой установкам.

чить также слово на тему «Пища». Контрольная группа и группа испытуемых, проходящая лечение голодом, вполне успешно справились с заданием и подавляли импульсивную установку ответить «пищевым» словом. В это же время у больных анорексией, для которых мотив произвольного голодания стал ведущим, количество «пищевых» слов было значимо больше. То есть в этом случае фиксированная смысловая установка, связанная с голоданием, подавляла целевую установку, вызванную инструкцией. В современных зарубежных исследованиях проблемы с переключением установок (set-shifting) рассматриваются как один из факторов риска при развитии пищевых расстройств (Roberts et al., 2007).

Отдельно затронем вопрос о взаимоотношениях между установками разных уровней. Выделим два аспекта. С одной стороны, это переход конкретной установки от одного уровня к другому, который происходит вслед за соответствующим изменением уровня одной из структурных составляющих деятельности, например, когда за счет автоматизации действие становится опе-

рацией. С другой стороны, это гибкие отношения между уже сложившимися разноуровневыми установками, поскольку деятельность человека полимотивирована и в один момент времени в ней реализуется множество различных аспектов: учет текущих условий, достижение конкретной цели, соотнесение с долгосрочными целями и приоритетами и т. д. Все это может приводить к сложному взаимодействию установок различных уровней. Таким образом, под взаимодействием мы понимаем совместное влияние установок разного уровня на процесс и результат деятельности, в ходе которого возможно усиление или ослабление действия установки более низкого уровня со стороны установки более высокого уровня.

В данном контексте для нас представляется важным выделение Г. Я. Шапирштейном разных видов функциональных взаимодействий между установками разного уровня (Шапирштейн, 1988):

1) **Взаимодополнение:** различные установки направлены на одинаковое преобразование предмета в процессе деятельности;

2) Конфликт: различные установки задают взаимоисключающее преобразование;

3) Согласование: разрешение конфликта между установками за счет влияния установок вышележащего уровня. Так, например, установки целевого уровня оказывают управляющее воздействие на установки операционального уровня, благодаря влиянию целевой установки конфликт операциональных установок может быть преобразован в согласование. Согласование установок предоставляет возможности для адекватной реализации каждой из установок, первоначально находящейся в конфликте.

Более подробно иерархические отношения между установками, согласно представлению А. Г. Асмолова, можно описать следующим образом. Ведущим уровнем являются смысловые установки, они принимают участие в выборе целей действия и, таким образом, влияют на возникновение целевых установок. Также смысловые установки выполняют функцию фильтрации по отношению к операциональным установкам. Целевые установки занимают особое место, так как они осознаваемы, всегда являются актуальными и «фокусируют» установки смыслового и операционального уровней, выполняют роль интегратора этих установок. Операциональные установки не могут выступать в полной независимости от установок вышележащих уровней.

Анализ терминов, обозначающих установочную регуляцию в современной зарубежной литературе, и их соотнесение с понятиями операциональной, целевой и смысловой установки

Сопоставление концепции А. Г. Асмолова с теоретическими представлениями и новыми эмпирическими данными об установке в современной зарубежной литературе представляет интерес в свете следующих вопросов:

Возможно ли соотнести используемые в современных исследованиях понятия установки с различными уровнями установочной регуляции?

Является ли актуальным изучение установок разного уровня и их взаимодействия?

Отдельный интерес для нас представлял терминологический анализ: какие термины сопоставимы с операциональной, целевой и смысловой установкой, в чем их сходства и различия, есть ли прямые аналоги. Подчеркнем, что при проведении данного анализа важным фактором для нас являлось использование этих терминов в современных исследованиях. Понимая, что прямым переводом операциональной установки является «operational set», а смысловой установки — «meaningful set», приходится признать, что исследований и, соответственно, статей, посвященных данным видам установки, крайне мало. В то же время можно наблюдать, что многие исследователи изучают очень похожие по своему содержанию феномены, используя другие термины.

Сразу стоит отметить, что в анализ вошли не все разновидности установки. Это связано с очень большим разнообразием видов установки и отсутствием при этом четких критериев для их выделения. Для анализа были выбраны наиболее широкие и уже установившиеся понятия, которые, с одной стороны, близки понятиям, предлагаемыми А. Г. Асмоловым, с другой стороны, используются в современных исследованиях. Так, например, более узкое понятие «counterfactual set» — установка на контрфактуальное мышление — рассматривается в рамках обсуждения более широкого понятия «mindset», но не выносится как отдельный предмет обсуждения.

Уровень операциональных установок

Операциональная установка представлена в зарубежной психологии как моторная установка, сенсорная установка, перцептивная установка и сенсорный прайминг.

Моторная установка (motor set) — это готовность двигательной системы к осуществлению определенного действия. В ожидании стимула индивид формирует двигательный ответ, чтобы быть готовым к быстрому реагированию. Например, бегун тренируется в совершенствовании моторной установки: после стартового сигнала начать движение настолько быстро, насколько это возможно (Levitin, 2002). Игрок в гольф готовится ударить мяч, принимая определенную позу и определенным способом держа клюшку. То есть моторная установка выполняет роль преднастройки к определенному движению и обязательно учитывает аспекты, связанные с конкретными условиями, в которых оно должно быть выполнено в текущий момент. На наш взгляд, это характерно для установок операционального уровня. Пример с моторными установками спортсменов интересен нам и тем, что именно в нем можно наблюдать гибкие отношения между разноразноуровневыми установками, а также переход от одной установки к другой в зависимости от переходов между составляющими структуру деятельности спортсмена. Так, на самом первом этапе формирования определенной моторной установки, например правильной стойки игрока в гольф для удара по мячу, сам процесс формирования движения выходит на первый план, он осознаваем (можно провести параллель с уровнем *D* — уровнем предметных действий, по Н. А. Берштейну). Моторная установка, а точнее, создание правильной моторной установки является центром данной деятельности начинающего спортсмена, это ее цель. В данном случае ее можно отнести к уровню целевой установки. По мере формирования двигательного навыка отработка правильной стойки становится действием, включенным уже в более широкую деятельность (например, забить мяч в лунку вместо правильно ударить по мячу), постепенно автоматизация движения приводит к тому, что данная моторная установка становится операциональной (а если проводить аналогию с классификацией Н. А. Берштейна, то можно заметить, что для этой конкретной моторной установки уровень *D* перестает быть ведущим уровнем построения движения и ведущими становятся уровни *C* (уровень пространственного поля), *B* (уровень «синергии и штампов»). Обычно,

приводя в качестве моторной установки примеры двигательных навыков спортсменов, имеют в виду не весь описанный нами процесс их становления, а уже хорошо автоматизированный и ставший неосознаваемым навык, который соотносится с операциональной установкой.

Заметим, что основным критерием отнесения установки к тому или иному уровню является именно ее соотношение с местом в структуре той деятельности, в которой она проявляется. Другие же характеристики установки, например длительный или короткий период ее формирования, не являются основополагающими. Так, например, моторные установки спортсменов требуют длительного и целенаправленного периода формирования в процессе постоянных тренировок. Наряду с этим существуют моторные установки, для которых не требуется долгий период фиксации. Подобные установки рассматриваются при изучении эффекта повторения ответа (*response repetition*). Повторение ответа предполагает ситуацию, в которой ответ на текущую пробу (*n*) тот же самый, что и ответ на предыдущую пробу (*n-1*). Обычно повторение ответа приводит к более короткому времени реакции, чем чередование ответа. Дж. Адам и И. Кох в своем исследовании повторения ответа сравнивали действие двух моторных установок: тенденция отвечать быстрее при совпадении нового ответа с предыдущим в случае, если при выборе ответа нужно нажимать на клавиши пальцами одной руки или же пальцами обеих рук (Adam, Koch, 2014). В результате было продемонстрировано более значительное сокращение времени реакции при повторении ответов в случае установки одной руки (*one-hand set*), чем в случае использования обеих рук. Более того, преимущество по времени в случае установки, созданной на одной руке, не зависит от типа стимула и от интервала между стимулом-подсказкой и целевым стимулом, в то время как установка для обеих рук в значительной степени определяется этими двумя факторами. Это различие в эффекте повторения ответов для моторных установок для одной и двух рук авторы объясняют нейроанатомическими различиями в выборе ответов.

Моторная установка отвечает за стабилизацию выполнения действия в конкретных заданных инструкцией условиях, при нормальном протекании деятельности не осознается. Все это характеризует ее как установку операционального уровня.

Сенсорная установка (*sensory set*) как настройка на ожидаемый раздражитель, наряду с моторной установкой, была выявлена еще в Лейпцигской лаборатории В. Вундта. Л. Ланге стал различать две формы реакции: моторную и сенсорную — в зависимости от того, на что направлено внимание испытуемого (Lange, 1888). Если испытуемый был предварительно настроен на стимул, то обнаруживалась сенсорная реакция, он показывал меньшее время реакции в ответ на предъявление стимула. Сравнение сенсорной и моторной установок, их влияние на время реакции и их взаимодействие на протяжении долгого времени оставались актуальными вопросами (McGown, 1976; Henry, 1960). Неосознаваемость сенсорной установки, ее функция, заключающаяся в стабилизации выполнении действия, так же как

и в случае моторной установки, позволяет причислить сенсорную установку к операциональному уровню.

Перцептивная установка (*perceptual set*) — это готовность интерпретировать стимульные воздействия определенным способом. Стоит отметить, что причины, ведущие к тому, что человек воспринимает мир, отдельные объекты определенным образом могут быть самыми разными, связанными как с мотивацией, личностными смыслами, поставленной целью, так и с привычкой замечать что-либо. В связи с этим перцептивная установка представляется нам наиболее интересным предметом обсуждения, так как она в зависимости от конкретной ситуации может быть и операциональной, и целевой, и смысловой установкой.

Одними из первых примеров, которые можно привести в качестве перцептивной установки, являются классические эксперименты школы Д. Н. Узнадзе по созданию фиксированной установки (Узнадзе, 2001). Другим ярким примером перцептивной установки можно считать объемно-весовую иллюзию (*size-weight illusion*) (Masin, Crestoni, 1988). Она появляется при сравнении двух объектов разного размера, но идентичных по весу. Обычно меньший из двух объектов ощущается более тяжелым, чем больший объект. И, наконец, согласно третьему хрестоматийному примеру, если наблюдателю предъявлять двузначную фигуру «утка-кролик» после предварительного просмотра похожего изображения кролика, то с большей вероятностью он вначале увидит именно кролика, и наоборот: после просмотра изображения утки он с большей вероятностью заметит утку. Что объединяет эти примеры? Во всех случаях перцептивная установка неосознаваема, проявляет себя в виде иллюзий или искажений восприятия. Но самое главное то, что данные установки представляют собой готовность к осуществлению определенного перцептивного действия, формирующегося в тех конкретных условиях, в которых деятельность протекает. Здесь не важны личностные смыслы (что больше нравится испытуемому — утка или заяц) — важно, какое именно изображение (утка или заяц) предъявлялось до контрольной пробы и сколько раз. Цель определить, в какой руке шар тяжелее, направляет испытуемого, но в итоге не она повлияет на то, какой шар покажется тяжелее или больше по размеру. На это повлияют конкретные условия выполнения задачи сравнения, например, в какую руку давался более тяжелый шар и какое количество раз. По нашему мнению, все это является основанием для того, чтобы отнести описанные примеры к операциональной установке.

Теперь обратимся к известнейшему примеру влияния целевой установки — о том, как охотник, долгое время ждавший в засаде кабана, случайно подстрелил ребенка. Этот случай описан еще К. Марбе, и он также демонстрирует перцептивную установку (Асмолов, 2002). В данном случае, в отличие от операциональной установки, целевая установка была осознаваема субъектом, он представлял себе образ кабана, представлял себе цель и то, что должен совершить для ее достижения. То есть можно говорить о готовности субъекта совершить то, что сообразно стоящей перед ним цели. И в то же время невозможно представить, что здесь

речь идет о смысловой установке, о том, что ценность охоты и значимость убитого кабана превосходили бы для охотника ценность жизни ребенка. Нет, в данной ситуации охотник был нацелен на решение строго определенной задачи, и целевая перцептивная установка выполняла функцию стабилизации конкретного действия.

Наконец, перцептивная установка может быть отражением личностных смыслов субъекта. Именно о перцептивной установке говорится в цикле экспериментальных работ, выполненных в школе New Look (Bruner, Postman, 1947; Брунер, 1977). В подобных экспериментах искажения восприятия (например переоценка детьми величины монет по сравнению с величиной соответствующих кружков) возникали в связи с тем, что предъявляемый стимульный материал имел для испытуемых определенную значимость. Дж. Брунер и Л. Постман экспериментально изучали феномены перцептивной защиты и перцептивной сенсibilизации, которые выражались во флуктуации порога опознания эмоционально-значимого материала (Bruner, Postman, 1947). Примеры смысловой перцептивной установки приводит и З. Фрейд в «Психопатологии обыденной жизни» (Фрейд, 2013). Ситуация с ученым, который ошибочно слышит в обыденной речи важные для него термины, как и приведенный выше пример ошибочного восприятия слов песни Гердтом, отражает в большей степени его личностные смыслы, чем объективный контекст, в котором прозвучали определенные фраза или слово (Асмолов, 2002; Соколова, 2005). В приведенных примерах перцептивная установка является формой выражения личностного смысла, испытуемые видят или, наоборот, не видят (феномены перцептивной бдительности и перцептивной защиты, соответственно) именно то, что для них значимо, что имеет личностный смысл. В данном случае можно наблюдать, как смысловая установка проявляет себя в восприятии.

Таким образом, сложно утверждать, что перцептивная установка наиболее близка к какому-либо одному уровню установки, так как можно выделить операциональные, целевые и смысловые перцептивные установки.

Прайминг (priming). Наиболее спорным при поиске терминологических аналогов операциональной установки является вопрос о том, можно ли отнести прайминг к уровню операциональной установки, да и к самому понятию установки. Являются ли эти понятия тождественными? Наиболее подробно данный вопрос разбирается в статье А. Я. Койфман (Койфман, 2016). Прайминг (от англ. *to prime* — инструктировать заранее, натаскивать, давать установку и т. п.) — это эффект изменения скорости или точности решения задачи (перцептивной, мыслительной или мнемической) или вероятности ответа определенного типа после предъявления информации, связанной с содержанием или с контекстом этой задачи, но не соотносящейся прямо с ее целью и требованиями (Фаликман, Койфман, 2005; Койфман, 2016).

Одним из различий между данными понятиями является то, что если установка соотносится с человеком в целом (и это позволило Д. Н. Узнадзе возвести данное понятие в ранг важнейшего объяснительно-

го принципа), то прайминг является феноменом имплицитной памяти и рассматривается вне контекста целостного субъекта. Это представляется нам особенно интересным, так как ставит вопрос о функциях обсуждаемых феноменов. А. Г. Асмолов неоднократно подчеркивает, что основной функцией установки является стабилизация деятельности (Асмолов, 2002). Мы не видим достаточных оснований сказать то же самое о прайминге, так как само понятие деятельности подразумевает субъекта восприятия, субъекта деятельности. Но вполне целесообразным представляется сказать, что функцией прайминга может являться стабилизация действия. Это уже подводит нас к тому, чтобы соотносить прайминг с уровнем операциональной установки, функция которой заключается именно в стабилизации действия в определенных условиях.

Одну из сложностей в соотношении установки и прайминга составляет то, что границы понятия «прайминг», как и понятия «установка», являются размытыми. Поэтому для их сравнения стоит обратиться к конкретным видам прайминга и установки. Так, наиболее близким к операциональной установке является сенсорный прайминг (прайминг цветом, размером, формой). Сенсорный прайминг наблюдается в задачах зрительного поиска. Если целевой объект отличается от остальных объектов по какому-либо физическому признаку, то он «выскакивает» из стимульного поля, испытуемый быстро находит его и время поиска не зависит от общего количества стимулов. Например, в исследовании В. Малькович и К. Накаямы показано, что в данной задаче можно наблюдать прайминг-эффект (Maljkovic, Nakayama, 1994). Если в нескольких последовательных пробах повторяется цвет «выскакивающего» целевого объекта, то в каждой очередной пробе испытуемый отвечает быстрее на несколько десятков миллисекунд. Другими словами, у испытуемого формируется готовность к восприятию объекта определенного цвета. Авторы заключают, что имеет место прайминг признака («прайминг выскакивания»). Более того, как можно видеть, процедура создания прайминга в данном случае близка процедуре создания фиксированной установки. Это позволяет нам говорить о том, что за сенсорным праймингом и операциональной установкой, по-видимому, стоит один механизм.

Наиболее ярким примером прайминга является семантический прайминг. Этот эффект основывается на связи или сходстве объектов по значению или на их принадлежности к одной семантической категории («стол»–«шкаф») или категориям разного уровня («стол»–«мебель») (Койфман, 2016). Принадлежность предметов к определенной категории использовалась и в исследованиях установочных явлений. Так, например, в исследовании Г. Я. Шапирштейна испытуемым предлагались ряды слов с пропущенными буквами, образующие три темы: пищевую, юридическую и тему «Дерево и его части» (Шапирштейн, 1988). Критическим объектом являлось слово «су_», которое можно было завершить как «сук», «суп» или «суд». Установочные объекты размещались на бланке в два столбика, которые заканчивались критическим словом. На одном бланке размещались две разные темы. Всего было использовано шесть образцов бланков, различающихся

по сочетанию тем. В первой группе испытуемым предлагалось вставить недостающие буквы. Во второй группе инструкция была дополнена заданием обнаружить закономерность в порядке расположения и составе предлагаемых пар слов до завершения задания. В контрольной группе для заполнения пропущенных букв предъявлялись бланки с напечатанными в одну строчку двумя словами: су_ и су_ (без рядов слов с пропущенными буквами, образующих какую-либо тему и представляющих собой установочную серию). При заполнении бланка у испытуемых была возможность заполнить пропуски в контрольной пробе девятью различными вариантами, три из которых — случаи одинакового заполнения левого и правого слова (одинаковые ответы, например «суп–суп»), а шесть — образуют три симметричные пары, например ответы «суп–суд» и «суд–суп» для бланка со словами пищевой и юридической тем. Одна из симметричных пар могла совпадать с пространственной ориентацией тем в установочных пробах (совпадающий ответ), а вторая — противоположна ей (противоположный ответ). Например, если в установочных пробах в левом столбике была представлена пищевая тема, а в правом — юридическая, то ответ «суп–суд» считался совпадающим, а «суд–суп» — противоположным. Как совпадающие, так и противоположные ответы соответствовали темам установочных проб (соответствующие ответы). Как показали результаты, частота соответствующих ответов в первой и второй группах больше частоты суммы ответов «суд–сук» и «сук–суд» контрольной группы, которые образуют максимальную сумму из числа симметричных ответов, полученных в ней. Частота одинаковых ответов в первой группе больше, чем частота этих ответов в контрольной группе, на том же уровне значимости. При этом соотношение совпадающих и противоположных ответов в первой группе — 55 % и 45 % от числа соответствующих ответов всей группы, также встречаются одинаковые ответы, и отсутствует зависимость пространственной ориентации ответов от пространственной ориентации тем. Частота соответствующих ответов во второй группе больше частоты соответствующих ответов в первой группе, 92 % от числа соответствующих ответов являются совпадающими, 8 % ответов — противоположными, других ответов не получено; наблюдается прямая зависимость ответов от пространственной ориентации тем в установочных пробах. Если для второй группы анализ стимульного материала происходил благодаря специально поставленной с помощью инструкции цели, то у испытуемых первой группы такой цели не было, и то, что установочные слова могли относиться к некоторой теме и иметь определенную пространственную ориентацию, составляло для них условия, в которых была дана цель. Полученные результаты автор объясняет тем, что для каждой группы отражение рассматриваемых свойств стимульного материала носило своеобразные черты. Для первой группы оно происходило на неосознаваемом операциональном уровне деятельности, а для второй — на целевом. Более того, во второй группе при работе с критическими объектами было обнаружено влияние уже достигнутой, но снятой цели. Несмотря на то что испытуемые выполнили одну из двух задач —

определили закономерность расположения слов до завершения задания, и им оставалось только заполнить недостающие буквы, независимо от найденной закономерности (это не оговаривалось в задании) участники эксперимента в контрольной пробе давали ответ в зависимости от пространственной ориентации тем. Наиболее ярко эта фиксация уровня отражения указанных свойств стимульного материала проявила себя у десяти испытуемых, которые самостоятельно исправили первоначально не совпадающие ответы на совпадающие. Г. Я. Шапирштейн видит в этом факт инерционного последствия цели, а также факт регулирующего влияния целевой установки.

Тем не менее, как отмечает А. Я. Койфман, экспериментальные схемы, применяемые для изучения установки и семантического прайминга, значительно различаются. Если объект, свойство которого должно быть зафиксировано в установке, в период фиксации представлен в сознании субъекта и включен в его деятельность, то прайм, как правило, скрыт от испытуемого, остается вне его сознания (Койфман, 2016). Возможность осознания прайма контролируется с помощью маскировки, а также снижения интенсивности стимула-прайма или сокращения длительности его предъявления. Для обнаружения эффекта прайминга необходимо большое количество проб, его нельзя выявить в отдельной пробе или небольшой серии проб, как при оценке эффекта фиксированной установки. В целом традиция исследований неосознаваемого семантического прайминга тесно связана с моделями семантической памяти, которые изучаются вне контекста обращения к целостной личности. Могут ли приведенные различия в экспериментальных процедурах свидетельствовать о различных механизмах действия установки и прайминга? По нашему мнению, на данный вопрос сложно дать положительный ответ, так как исследования целевой и смысловой установок могут отличаться от исследования операциональной установки еще больше, чем между собой различаются экспериментальные исследования прайминга и установки. Однако это не доказывает различную природу этих феноменов, а лишь помогает соотнести их с тем или иным структурным компонентом деятельности.

Появляются исследования, в которых изучается совместное влияние установок и семантического прайминга на выполнение одной и той же задачи, а также влияние установок на прайминг (Eckstein, Perrig, 2007; Martens et al., 2011). С нашей точки зрения, это не обязательно должно являться аргументом в пользу разведения установки и прайминга, так как подобные исследования соотносятся с работами, посвященными взаимодействию установок разных уровней или различных установок одного уровня.

Мы полагаем, что в широком контексте прайминг можно отнести к уровню операциональной установки. Напомним, что операциональная установка, согласно гипотезе А. Г. Асмолова, является нижележащим уровнем и не может влиять на другие установки напрямую. В связи с этим особенно интересным представляются работы по изучению прайминга и мотивации, в которых не мотивационный аспект должен повлиять на прайминг-эффект, а, наоборот, с помощью прайминга

делаются попытки изменить мотивацию испытуемого. Обратимся к исследованию Р. Рэйдела (Radel et al., 2009), посвященному отношению прайминга и мотивации и состоявшему из двух частей (данное исследование разбиралось в статье А. Я. Койфман (Койфман, 2016)). В первой части испытуемым предъявлялись праймы трех типов (в зависимости от принадлежности к одной из групп): слова, связанные с внутренней мотивацией («желание», «свобода», «выбор»), внешней мотивацией («долг», «принуждение»), а также случайные наборы букв (контрольное условие). Во второй части испытуемые осваивали кистевой тренажер. Лучшие результаты и большую вовлеченность во второй части показали испытуемые, праймированные на внутреннюю мотивацию; промежуточное положение заняли испытуемые из контрольной группы. Вследствие этого прайминг рассматривался как источник влияния на общую мотивационную направленность. То есть

здесь поднимается вопрос о влиянии прайминга на изменение мотивационной направленности, что влечет за собой следующий вопрос: можно ли рассматривать прайминг как смысловую установку? На наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что в данном случае мы имеем дело со смысловыми установками. Согласно А. Г. Асмолову, смысловые установки представляют выражение личностного смысла, а их изменение происходит не под влиянием изолированной от деятельности вербальной информации, а опосредованно изменением деятельности субъекта. Следовательно, подобный вербальный прайминг не мог повлиять на изменение значимости задания для испытуемого и изменить его смысловые установки в отношении выполняемой деятельности. Можно ли заключить, что результаты обсуждаемого эксперимента опровергают наши представления о смысловой установке? Отметим, что описанные в эксперименте праймы, направленные на внутреннюю мотивацию, имеют положительную эмоциональную окраску, а праймы, направленные на внешнюю мотивацию, — наоборот, негативную. Поэтому сложно ответить на вопрос, что действительно повлияло на полученные результаты: изменение мотивации или эмоциональное состояние испытуемого. В связи с некоторой спорностью сделанных выводов нельзя однозначно утверждать, что полученные результаты опровергают гипотезу Асмолова, необходимы дальнейшие исследования. Несмотря на это, отметим, что описанное исследование представляет для нас особый интерес. Данная работа демонстрирует, что, хотя первоначально границы понятия «прайминг» были связаны в большей степени с операционными характеристиками памяти, сейчас они оказываются узкими, и исследователи, изучая отношения прайминга и мотивации, пытаются выйти за эти рамки и приблизиться к исследованию целостного человека. О том, что прайминг все же имеет отношение к личности воспринимаемого, также пишет М. Г. Филиппова (2016).

Несмотря на появление исследований, в которых с праймингом соотносятся эмоциональные и мотивационные аспекты, основные различия между праймингом и разноуровневыми установками (по Асмолову) в их текущем понимании заключаются в их месте в структуре деятельности и в их отношении к субъек-

ту деятельности. В этом же контексте А. Я. Койфман подчеркивает: «Прайминг же остается на доличностном уровне, работает помимо личности» (Койфман, 2016, с. 54). Напротив, несмотря на то, что операционные установки на первый взгляд могут показаться не зависящими от личностных факторов, экспериментально доказано, что на них оказывают влияние установки вышележащих уровней — целевые и смысловые (Шапирштейн, 1988; Арбекова, Гусев, 2015). Это делает невозможным рассмотрение операционных установок в отрыве от целостности субъекта познания.

Подытоживая, отметим, что, несмотря на то что по сходству механизма и функций нам представляется возможным отнести прайминг к уровню операционной установки, есть один важный аспект, который видится нам достаточным основанием для их разведения. А именно то, что в целом различия между понятиями «прайминг» и «установка» отражают различия и в подходах к организации исследования. Так, понятие «установка» стало объяснительным принципом благодаря Д. Н. Узнадзе, который обращается к данному термину для преодоления постулата непосредственности. Именно с работ Д. Н. Узнадзе в начале XX века установка из частного психологического явления (например как у Кюльпе) становится понятием, отражающим целостного человека. Построение таких понятий характерно не только для советской психологии, но и в первую очередь для немецкой психологии до середины XX века, задававшей вектор исследований для других стран, то есть до того, как мейнстримом (главствующим направлением) стал конвейерный принцип в науке, обсуждавшийся выше. Термин «прайминг» появился в 1971 г. уже в когнитивной психологии, для которой характерен описанный конвейерный принцип организации эмпирических исследований. Прайминг является операционализируемым понятием, которое легкостью укладывается в экспериментоцентрическую систему понятий, позволяющую строить модели среднего и низкого уровней, проверяемые в эксперименте.

Можно предположить, что во многом именно с этим связаны сложности сопоставления данных терминов, так как они влекут за собой не просто сопоставление вполне определенных феноменов, но и сопоставление целых традиций, по сути, эпох, принципиально отличающихся друг от друга. Таким образом, рассматривая эту проблему в широком контексте, прайминг можно отнести к операционной установке. Основной вопрос заключается в целесообразности этого действия. Термины «прайминг» и «установка», хотя и являются близкими в некоторых аспектах, зародились в разных психологических традициях и отражают именно их, поэтому имеют право рассматриваться в диалоге без соподчинения одного понятия другому. Возможно, подобный диалог сможет дать нам гораздо больше, чем попытка объяснить одно понятие через другое или подвести более узкое понятие под более широкое.

Уровень целевых установок

Целевым установкам наиболее близки понятия «установка на задание», «установка на выполнение задания» (task set, термин «goal set» используется реже). С этим

же уровнем связаны часто используемые термины «response set» — установка на (определенный) ответ, «stimulus set» — установка на стимул, «instructional set» — установка, заданная инструкцией. Отметим, что термины «task set» и «goal set» являются прямым переводом термина «целевая установка», это его наиболее очевидные аналоги; их сопоставление с уровнем целевой установки обычно не вызывает никаких вопросов, поэтому перейдем к обсуждению менее явных аналогов.

Установка на ответ (response set). Можно выделить несколько акцентов в использовании этого понятия. Установка на ответ представляет собой тенденцию испытуемого систематически отвечать на вопросы определенным образом независимо от содержания самого вопроса. Так, участник исследования, получив тест, может проявлять тенденцию отвечать на вопросы личностного теста только в социально-одобряемом направлении либо выбирать первую из предложенных альтернатив в задачах с множественным выбором и т. п. Такое понимание в большей степени используется в психологии личности и социальной психологии и часто затрагивает область психодиагностики. Пример того, как тенденция давать определенный ответ сказывается на результатах личностных опросников, можно наблюдать в исследовании Р. Ланге и соавторов (Lange et al., 2002). Показано, что в ответах женщин депрессия выражена иначе, чем у мужчин, в том числе это проявляется в установке на депрессивный ответ (depressive response set). Мужчины и женщины с одинаковой степенью выраженности депрессии систематически отвечают по-разному на одни и те же пункты опросников. Как показали результаты исследования, это не связано с тем, что установка на депрессивный ответ является побочным продуктом более частой и сильной депрессии у женщин. По мнению авторов, данный факт является следствием различий установок на ответ, связанных с тем, что женщины в большей степени волнуются о своем плохом состоянии, чем мужчины с такой же степенью депрессии.

В нашей классификации подобное понимание установки на ответ сложно строго отнести к какому-либо определенному уровню. С одной стороны, на первый план выходит некоторый способ действия (социально-желательные ответы, предпочтение одного ответа другому или одной стратегии другой и т. п.), что позволяет говорить о соотношении ее с операциональным уровнем. С другой стороны, к проявлениям установки на ответ стоит подходить индивидуально: в одном случае это действительно могут быть просто социально-желательные ответы, но в другом, как, например, в вышеописанном исследовании, установки на ответ указывают на различную личностную значимость проявлений депрессии для мужчин и женщин.

Стоит отметить, что, хотя прямым переводом «response set» является «установка на ответ», данный термин используется не только в значении установки, но и в значении «набор ответов». Так, множество психологических экспериментов требуют от испытуемых, чтобы они реагировали на сотни проб, используя маленький набор ответов, который может состоять,

например, из двух вариантов: «1» и «2», «старый» и «новый», «высокий» и «низкий» и т. д. (Donkin et al., 2009). Такое понимание «response set» также распространено в экспериментальной психологии. Стоит отметить, что термин «response set» может использоваться в экспериментальной психологии не только в значении «установка на ответ», но и в значении набора допустимых ответов испытуемого в данных экспериментальных условиях (Risko, 2010). Например, в задаче Струпа, если, согласно инструкции, необходимо называть цвет чернил (например красные или зеленые), которыми были написаны слова, то набор ответов состоит из ответов «красный» и «зеленый». Подчеркнем, что необходимо отличать установки на ответ от установок на стимул. Установка на ответ, как, например, в приведенном примере («красный» и «зеленый»), и установка на стимул (красный и зеленый цвета) могут совпадать, но это не является правилом. Например, участники могут быть проинструктированы отвечать «зеленый», когда видят красный цвет чернил, и «красный», когда видят зеленый.

Некоторые исследователи понимают задачу Струпа как задание, которое демонстрирует значимость установки на ответ (Lamers et al., 2010). Г. Клейн показал, что те цветные слова, которые могли подходить как ответ, вызывали более сильную интерференцию, чем цветные слова, которые не использовались в эксперименте как ответ (Klein, 1964). Например, если цвет чернил был красным и зеленым, то ответ испытуемого, в котором он должен был назвать цвет чернил, был намного дольше для слова «зеленый», написанного красными чернилами, чем для слова «голубой», написанного красными чернилами. М. Ламерс и соавторы в экспериментальном исследовании проверяли различные гипотезы о механизме установки на ответ (Lamers et al., 2010). Полученные результаты (вслед за Д. Бродбентом) позволяют предположить, что влияние установки на ответ является результатом избирательности внимания к подходящим ответам.

Для нас особый интерес представляет то, что избирательность внимания к подходящим ответам или подавление неподходящих ответов могут быть вызваны как инструкцией (например, с помощью информирования участников о стимулах, на которые они должны отвечать), так и через опыт взаимодействия с этими стимулами в течение самого эксперимента. Также установка на ответ предполагает определенное пространство ответов, а задавая группу определенных ответов испытуемому, мы способствуем формированию у него более точного образа желаемого результата — цели, то есть формируем конкретную направленность действий испытуемого и тем самым способствуем стабилизации его действий по выполнению задания. Это позволяет нам отнести установку на ответ (как она понимается в экспериментальной психологии) к уровню целевой установки.

Напомним о важности различия установки на стимул и установки на ответ. Установка на ответ касается выбора из словаря подходящих ответов. Установка на стимул касается в основном выбора признаков, относящихся к восприятию, таких как местоположение в пространстве, цвет, форма, очередность во времени.

Установка на ответ и установка на стимул вместе составляют установку на задание (Risko, 2010).

Установка на стимул (stimulus set) определяется через некоторые отличительные (особые) и заметные физические свойства, присущие стимулам (Broadbent, 1970; Keren, 1976). А. Хейден описывает установку на стимул как ранний, докатегориальный выбор, который осуществляется на раннем этапе отбора информации, в то время как установка на ответ — поздний, категориальный выбор, который осуществляется уже на выходе (Heijden, 2004). Для лучшего различения этих двух видов установки обратимся к различию в инструкциях, которые даются, чтобы создать ту или иную установку. Д. Бродбент приводил следующий пример для создания установки на стимул в ситуации селективного прослушивания: «Слушайте этот голос и повторяйте все, что он говорит, независимо от любых других звуков, которые Вы слышите» (цит. по: Heijden, 2004, р. 52). Установка на ответ создается другой инструкцией: «Слушайте это смешение голосов и повторите любые цифры, которые вы слышите» (там же). Первая инструкция контролирует источник стимулов, влияющих на ответ, но не словарь, используемый в ответах, вторая — контролирует словарь ответов, но не источник стимулов.

Согласно Бродбенту, испытуемые могут различать релевантные и нерелевантные стимулы двумя путями (Broadbent, 1970; Broadbent, Gregory, 1964). Во-первых, выбор может определяться словарем ответов, тогда нерелевантные стимулы не будут соответствовать ни одному из подходящих ответов. Например, если испытуемый указывает только цифры в смешанном ряду цифр и букв, любой буквенный стимул не будет входить в класс ответов. Это иллюстрирует выбор на основе установки на ответ. Во-вторых, релевантный и нерелевантные стимулы могут быть разделены на основе физических факторов. Например, испытуемого просят сообщать о красных цифрах в смешанном ряду красных и черных цифр, где черные стимулы являются нерелевантными только из-за их цвета. Этот выбор с помощью установки на стимул предлагается теорией фильтра (Broadbent, 1970).

Хотя установка на стимул связана со словарем ответов не так сильно, как установка на ответ, поскольку обращает внимание испытуемого на отдельные характеристики предъявляемой стимуляции, данные свойства являются не побочными условиями, а прямым основанием для разделения релевантных и нерелевантных ответов и, соответственно, для выполнения задания. Поэтому установку на стимул также можно отнести к установкам целевого уровня.

Установка на задание (task set) — это структура когнитивных процессов, которые активно поддерживают выполнение задания (Sakai, 2008). Установка на задание определяют также как набор характеристик, которые управляют специфическими для данного задания процессами, например, воспроизведением, выбором ответа, реализацией ответа (Schneider, Logan, 2007).

Установка на задание часто изучается в рамках вопроса о переключении внимания испытуемого между задачами. Говоря о вкладе различных когнитивных операций в так называемую стоимость переключения,

исследователи отмечают, что активация предыдущего релевантного задания и/или подавление предыдущего нерелевантного задания переносится на последующую пробу, и этот феномен относится к проявлениям экспериментального эффекта инерции установки на задание (TSI — task set inertia) (Allport et al., 1994). Эти эффекты предыдущей пробы приводят к конфликту при смене заданий.

Х. Эльхлеп с соавторами изучали психофизиологические механизмы этих конфликтов при смене заданий; предметом их исследования являлась связь изменений биопотенциалов головного мозга с конфликтом установок на задание (Elchler et al., 2013). Так, например, конфликт заданий и его электрофизиологический коррелят могут появляться даже при отсутствии конфликта на уровне ответа. Также был обнаружен нейроанатомический коррелят установки на задание в префронтальной коре (Sakai, 2008).

М. Кис и соавторы также отмечают, что в некоторых современных моделях внимания высокоуровневые нисходящие процессы (top-down processes) рассматриваются как механизмы управления селективностью внимания и, в данном контексте, установками на выполнение задания (top-down task sets) (Kiss et al., 2013).

Стоит отметить, что исследователей интересует вопрос о влиянии подпороговых (то есть неосознаваемых) стимулов на установочную регуляцию. Недавние исследования показали, что подпороговые стимулы могут влиять на высокоуровневые когнитивные процессы, например подавлять когнитивный контроль или процесс создания установки на задание (Hughes et al., 2009). Например, целью исследования С. Вайбеля и соавторов стал поиск доказательства того, что неосознаваемый прайминг может инициировать установку на задание; более того, исследователи, используя маскировку стимула, решили сделать прайм неосознаваемым в 100% проб (Weibel et al., 2013). В данном исследовании испытуемым предлагалось два задания: делать заключения о семантических характеристиках слова — определить, относится ли предъявленное слово к понятию живого или неживого (данное задание обозначалось буквой «А» — «animate»), или же отвечать на вопрос о фонетических характеристиках слова, а именно состоит ли слово из одного или двух слогов (задание «S»). То, какое задание испытуемый должен выполнять в каждой пробе, определялось в случайном порядке, перед целевым словом на экране предъявлялась буква «А» или «S», обозначающая задание и являющаяся по сути инструкцией. В начале каждой пробы предъявлялся прайм (буква «А» или «S»), затем маска, состоящая из четырех букв, окружающих предыдущее местоположение прайма, далее инструкция — собственно, буква «А» или «S» (буква была того же размера, что и прайм, но голубого цвета, и ее расположение никогда точно не повторяло расположение прайма), и наконец целевое слово. На основе полученных результатов авторы пришли к заключению, что в случае, когда временной интервал между праймом и инструкцией был достаточно длительным (84 мс) и прайм был конгруэнтен инструкции, это приводило к увеличению скорости ответов, в отличие от проб, в которых прайм был неконгруэнтен инструкции. Полученные выводы

подтверждают предположение о том, что неосознаваемая информация может влиять на когнитивный контроль на уровне активных в данный момент установок на задание. Как перспективу дальнейших исследований авторы видят поиск конкретных нейронных механизмов создания установки на задание.

Установка, созданная инструкцией (instructional set), выделяется как отдельный вид установки, что подчеркивает значимость инструкции и ее влияние на получаемые в результате исследования результаты. Т. Бошен и Е. Уотерс показали, что на структуру полученных баллов или шкалу оценки могут влиять манипуляции инструкцией (Beauchaine, Waters, 2003). Их исследование было связано с условиями, в которых оцениваемые респондентами люди были им неизвестны. Тем не менее, обратившись к более экологически валидным условиям, при которых испытуемые выбирают для оценки знакомый объект, Р. Макграф и соавторы получили противоположные результаты (McGrath et al., 2009). В их исследовании 608 студентов заполняли пять опросников (в том числе тест Г. Айзенка на экстраверсию и нейротизм), при этом респонденты должны были оценить себя и значимого другого. Студенты случайным образом делились на две группы в зависимости от задаваемой инструкцией установки: в одной группе инструкция подталкивала их к предпочтению крайних оценок при заполнении опросника, в другой — к использованию всего диапазона оценок: от низких к средним и высоким. Результаты показали, что широкий разброс использованных в ответах баллов оказался характерным для обеих групп респондентов. Авторы пришли к выводам, что в обычных условиях (при оценке знакомых людей, то есть в более экологически валидной для испытуемых ситуации, нежели оценивание совсем неизвестных людей) при использовании шкал оценки установка, задаваемая инструкцией, не влияет на структуру полученных данных. Знакомство с оцениваемым объектом (сам испытуемый или его знакомый) представляется в данных условиях более сильным фактором, чем установка, созданная инструкцией. В целом инструкция направлена на то, чтобы создать у испытуемого определенный образ результата, сделать цель более четкой и ясной, поэтому можно причислить установку, заданную инструкцией, к уровню целевых установок.

Подчеркнем, что это исследование интересно для нас в сопоставлении с представлениями об уровневой природе установок. Ведь оценивание незнакомых, ничего не значащих для респондента людей оказывается подвластным установке, создаваемой инструкцией, которая нами может быть отнесена к уровню целевой установки. Но эта установка перестает действовать, когда объектом оценки является сам испытуемый или значимый для него человек. Можно предположить, что оценивание себя или близкого человека сложно отделить от истории отношений, от их эмоциональной наполненности, это очень пристрастный и субъективный процесс, который не может остаться только в рамках заданной инструкции и не быть наполненным личностным смыслом. На наш взгляд, в данном случае процесс установочной регуляции выходит за рамки действия только целевой установки,

так как не может не задействовать смысловую установку. С точки зрения иерархии установочной регуляции деятельности, очень логичным представляется то, что целевые установки теряют свою силу в случае конфликта с вышележащим уровнем — со смысловыми установками.

Уровень смысловых установок

Наибольшая сложность в нашем анализе возникает при попытке найти терминологические аналоги уровню смысловых установок. В зарубежных работах часто используется довольно широкий термин «mindset» — установка как общая направленность сознания, как тип мышления, склад ума. В отдельных своих значениях он в большей степени приближен к представлению о смысловой установке, хотя нельзя не отметить некоторые важные различия. Если смысловая установка имеет в своей основе личностную значимость чего-либо для отдельного человека и в большей степени опирается на его индивидуальный опыт, то «mindset» охватывает больший спектр разнообразных явлений, даже его написание варьируется в различных статьях (mindset, mind-set, mind set). В дальнейшем будет использовано наиболее распространенное написание этого термина — «mindset». Стоит отметить, что нередко mindset используется также в значении, близком к установке как attitude, и связывается с социально-психологическими исследованиями представлений, образа мышления и действий, характерных для определенной группы людей. Например, к такому виду установок относится ориентация на самооффективность или эффективность группы в целом (Pina-Neves et al., 2013), установки, связанные с культурными различиями, а именно: индивидуализм и коллективизм (Wang et al., 2013), ориентирование на правила или последствия действий (Cornelissen et al., 2013).

Все же mindset представляется нам ближайшим к смысловой установке понятием, так как именно данный термин используют в современных исследованиях, связанных с личностным значением чего-либо для человека. Ярким примером, в котором mindset определяется подобным образом, является исследование А. Крам, Е. Лангер, изучавших эффект плацебо (Crum, Langer, 2007). У 84 горничных были измерены показатели физического состояния до эксперимента, затем экспериментальной группе рассказали о том, что работа, которую они выполняют, является хорошим упражнением и соответствует рекомендациям здорового образа жизни. Контрольной группе подобная информация не сообщалась. В результате через четыре недели, несмотря на то, что поведение испытуемых не претерпело изменений, информируемая группа воспринимала себя гораздо более физически подготовленной, чем ранее; более того, по сравнению с контрольной группой у них уменьшились показатели веса тела, артериального давления и индекс массы тела. То есть значимость для человека того, что он делает, оказывает прямое влияние на восприятие происходящего, вплоть до психофизиологического и физического уровней. Таким образом, в данном исследовании mindset представлена как установка, благодаря которой в центре внимания оказывается то, как воспринимает человек что-либо

в зависимости от своих личных представлений, от значимости предмета для него. А это, в свою очередь, аналогично пониманию смысловой установки.

Стоит отметить, что понятие «mindset» является многозначным, и далеко не во всех своих проявлениях его можно соотнести со смысловыми установками. То, насколько широко это понятие, можно проиллюстрировать с помощью обзорной статьи, в которой приводится подробный анализ феномена «behavioral mindset» — установок, регулирующих поведение (Wyer, Xu, 2010). Установки представлены на следующих уровнях:

- *Понимание* (способность понимать, осмысливать), например, целостность против анализа по частям при интерпретации различных частей информации об объекте; интерпретация компонентов информации в зависимости от других компонентов или независимо от них; репрезентация мира на основе визуальных образов или на основе семантических значений. Описанные подобным образом проявления «mindsets» в нашей терминологии являются более близкими к когнитивным стилям, чем к установкам как таковым.

- *Оценивание*, например, продуцирование альтернативных историй, почему существующая ситуация могла не случиться, либо отрицание того, что в действительности произошло.

- *Принятие решений*, например, совершение различных выборов или выбор одного и того же; акцентирование на способах достижения цели или на самой целесообразности этого достижения. В случае оценивания и принятия решения mindset рассматривается в большей степени как некоторая стратегия мышления.

- *Motivation-activated mindsets (установки, вызванные мотивацией)*. Этот уровень представляет для нас наибольший интерес, так как в большей степени соотносится со смысловыми установками. Здесь авторы выделяют: 1) mindset в области покупательского поведения — как решение приобрести или не приобрести товар; 2) внимание к позитивным последствиям действий как основание для решения или внимание к избеганию негативных последствий; 3) избегание неопределенности. Несмотря на название, апеллирующее к мотивации, описанные установки при сопоставлении с уровнями установочной регуляции деятельности по А. Г. Асмолову в большей степени оказываются близкими к установкам операционального уровня, так как связаны с тем, каким образом обычно выполняется действие или принимается решение, а не с тем, какой значимостью оно обладает.

Согласно гипотезе об уровневой природе установок А. Г. Асмолова, смысловые установки принимают участие в выборе целей и, таким образом, участвуют в целеобразовании. В то же время Р. Вайер и А. Ксю говорят о том, что цели, которых желает достичь человек, активируют mindset, что в большей степени согласуется с фокусирующей ролью целевых установок (Wyer, Xu, 2010). Очевидно, что это связано с несколько иным пониманием mindset, чем, например, в исследовании эффекта плацебо у горничных, где это понятие было связано с личностным смыслом обсуждаемого предме-

та (физических упражнений) для участников эксперимента и, таким образом, сближало его со смысловыми установками.

В другом исследовании mindsets рассматривались как моральные установки и изучались факторы, влияющие на них, а именно абстрактное и конкретное мышление. С помощью экспериментального приема у испытуемого формировали установку на конкретное или абстрактное мышление и оценивали, как это, в свою очередь, повлияет на заполнение опросника о моральных суждениях (Napier, Luguri, 2012). Стоит отметить, что авторы не использовали специальные задания и тесты для определения того, какой тип мышления преобладает у испытуемого. Вместо этого был применен методический прием, очень близкий к способам создания фиксированной установки в школе Д. Н. Узнадзе. Авторы предлагали испытуемым батарею заданий, направленных на конкретизацию ответа или, наоборот, его обобщение, создавая тем самым установку на определенный способ мышления — конкретное или абстрактное. Таким образом, авторы фактически формировали установку операционального уровня (в нашем понимании) для исследования установок более высокого уровня, определяющих моральные суждения. Выяснилось, что те испытуемые, у которых в первой части исследования была создана установка на абстрактное мышление, при заполнении опросника о моральных суждениях в меньшей степени руководствуются представлениями о шаблонных сценариях, стереотипах, для их ответов характерно оценивание на основе индивидуальных представлений и позиций, попытка понять суть проблемы и обращение к вневременным аспектам. Проводя аналогии с представлениями об иерархической уровневой природе установок, можно отметить следующее. В данной работе рассматривается влияние операциональных установок (в данных условиях испытуемые буквально тренируются мыслить определенным образом — установка на определенный способ мышления) на проявление смысловых установок. Полученные результаты особенно интересны для нас в свете представления об иерархической природе установки, так как, согласно гипотезе Асмолова, вышележащий уровень может оказывать влияние на нижележащий, то есть смысловые установки — на операциональные. По результатам данного исследования нельзя утверждать, что операциональная установка (установка на определенный тип мышления) напрямую повлияла на изменение смысловой (моральных суждений испытуемого), — скорее, можно предположить, что операциональная установка создавала лучшие или худшие условия для реализации смысловой установки. Так, установка на абстрактное мышление способствовала проявлению смысловой установки и отражению в ответах испытуемого его личных моральных установок. А установка на конкретное мышление приводила к социально-желательным, шаблонным ответам. Последнее в нашем понимании относится к уровню операциональной установки и может быть не связано с проявлением личностных смыслов.

Повторим, что, согласно представлениям Асмолова, в иерархической структуре установок смысловой установке отдается ведущая роль. Означает ли это, что

в любых условиях наибольшее влияние будет оказывать именно смысловая установка и все эмпирические исследования, в которых роль смысловой установки будет меньше, чем роль целевой или операциональной, противоречат рассматриваемой гипотезе об иерархической природе установки? С нашей точки зрения, данный вопрос не так однозначен. Сложно найти или создать в лабораторных условиях ситуации, в которых одновременно действовали бы установки всех трех уровней, связанные с одним и тем же предметом и при этом равные по своей силе. Так, в описанном выше эксперименте нельзя сказать, что моральные суждения, наиболее соответствующие смысловой установке, прямо противопоставляются операциональной установке в виде фиксированного способа мышления, наблюдается конфликт установок или их соподчинение. Деятельность полимотивирована, параллельно могут сосуществовать установки разной степени выраженности, разные по содержанию, по времени формирования и по актуальности.

Похожий методический прием (Napier, Luguri, 2012), как в исследовании моральных установок и мышления, для создания установки использовали А. Галинский и Л. Крей (Galinsky, Kray, 2004), предметом изучения которых была «counterfactual mindset» — установка на контрфактуальное мышление, то есть на размышление о том, что могло бы случиться (по принципу со-слагательного наклонения). Подобные размышления хорошо описываются выражением «если бы только» и представляют альтернативную реальность развития событий в прошлом. Способы задания данной установки близки к уже описанным: испытуемым перед основной серией предлагается предварительное задание — разобрать случай, где главный герой попадает в ситуацию, условия которой стимулируют установку на контрфактуальное мышление (Galinsky, Kray, 2004). Эти исследования являются примерами тех случаев, когда mindset по своему содержанию предстает наиболее близкой к уровню операциональной установки. Установка на контрфактуальное мышление в большей степени связана со способом действия в сложившейся ситуации, чем с постановкой новых целей или реализацией уже поставленных, также возникает чаще всего в определенных условиях: когда событие было близко к свершению, но так и не произошло, и в случае, когда прошедшее событие пошло по неожиданному пути.

В заключение еще раз подчеркнем, что нельзя поставить знак равенства между смысловой установкой и mindset в связи с тем, что термин «mindset» настолько широк, что зачастую включает в себя явления, не связанные с уровнем смысловой установки. Но в то же время при поиске новых исследований смысловой установки в зарубежной литературе именно термин mindset помогает найти наиболее актуальные работы.

Взаимодействие установок различных уровней

Можно предположить, что гибкие отношения между разноуровневыми установками, переход от одной установки к другой так же возможны, как и переходы между составляющими структуру деятельности (например, от действия к деятельности и т. п.). В то же время деятельность человека полимотивирована и сложно

детерминирована, и в один момент времени в ней реализуется множество различных аспектов: ситуативный, учет текущих условий, достижение конкретной цели, соотнесение с долгосрочными целями и приоритетами, учет разных мотивов, а также их иерархии и т. д. Все это может приводить к сложному взаимодействию установок различных уровней. Под взаимодействием мы понимаем эффекты их совокупного влияния на процесс и результат деятельности, выражающиеся в том, что манифестация актуальной установки одного уровня может усиливать или уменьшать влияние установки другого уровня.

Стоит отметить, что взаимодействие установок не столько представляет собой малоизученную проблему, сколько вообще на протяжении долгого времени не являлось предметом отдельного исследования. В истории изучения установки этот вопрос был скорее следствием выделения разных видов установочной регуляции. Например, если в школе Д. Н. Узнадзе выделены первичная и фиксированная установка, то, естественно, вставал вопрос, как они соотносятся между собой и т. д. (Узнадзе, 2001; Чхартишвили, 1971).

Экспериментальных исследований взаимодействий установок в рамках теоретической модели А. Г. Асмолова крайне мало (Шапирштейн, 1988; Асмолов, Курячий, 1979; Арбекова, Гусев, 2015). Полученные Г. Я. Шапирштейном выводы свидетельствуют об одновременном соучастии различных установок (целевых и операциональных) в процессе деятельности.

Результаты проведенного нами исследования, в котором изучалось влияние установок разного уровня — операциональной, целевой и смысловой, а также эффектов их взаимодействия на время зрительного поиска, показали, что в ситуации зрительного поиска целевая установка может оказывать более сильное воздействие и выходить на первый план (Арбекова, Гусев, 2015). Испытуемым в виртуальной среде предлагалась задача найти книгу в условиях неопределенности, которая достигалась за счет инверсии зрительной сцены. Операциональная установка на характеристики иско-мой книги (цвет букв, фона и тип шрифта) формировалась с помощью предварительного задания из 15 проб аналогично экспериментам по фиксации установок в школе Д. Н. Узнадзе. Целевая установка задавалась с помощью инструкции: одной группе испытуемых сообщалось точное название учебника, а другой группе давалась более общая инструкция. Смысловая установка контролировалась с помощью подбора испытуемых-студентов, имеющих опыт прохождения курса, учебник по которому нужно было найти, и тех испытуемых, у которых в процессе обучения не было данного курса. В рамках межгруппового дизайна варьировались наличие или отсутствие каждого из уровней установок, а также все их сочетания (8 групп). Полученные результаты показали, что смысловая установка не привела к уменьшению времени поиска. Целевая установка уменьшила время поиска в наибольшей степени в сравнении с операциональной установкой. Не было установлено эффектов взаимодействия при различных сочетаниях установок двух разных уровней. На уровне тенденции наблюдался эффект взаимодействия установок трех уровней, который заключается в том, что

смысловая установка нивелировала влияние операциональной установки при отсутствии целевой установки.

Хотя анализ единичных случаев показал, что возможно ускорение или замедление времени поиска целевого объекта в зависимости от личностного смысла, а также иллюзорные искажения объекта, в целом мы объясняем полученные результаты тем, что в нашей задаче уровень смысловой регуляции деятельности, очевидно, не был ведущим. Необходимо отметить, что в соответствии с традицией, идущей от А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца (Леонтьев, 1983; Запорожец и др., 1967), выполнение подобной задачи зрительного поиска можно определить как перцептивное действие. Поэтому резонно предположить, что при анализе психологической структуры данной перцептивной задачи наибольшую силу имеет целевая установка. Более того, именно действие является единицей деятельности, что влияет на то, что целевая установка, как отмечает А. Г. Асмолов, занимает особое место в структуре установочной регуляции (Асмолов, 2002). Это связано с ее особой ролью интегратора установок смыслового и операционального уровней. То, что целевая установка осознаваема, также способствует тому, что она может занять ведущий уровень. Целевая установка всегда является актуальной установкой и фокусирует действия других уровней. Как показывают результаты, в проведенном нами исследовании именно целевая установка внесла наибольший вклад в дисперсию эмпирических данных. Влияние смысловой установки наблюдалось в ситуации сложного межфакторного взаимодействия, то есть смысловые установки не проявились напрямую, но тем не менее наблюдался так называемый эффект соподчинения установок (Шапирштейн, 1988), а именно: смысловая установка разрушила преимущество операциональной (при отсутствии целевой), подтвердив тем самым свое иерархически более высокое положение по отношению к операциональной установке. Таким образом, с нашей точки зрения, нельзя утверждать, что влияние смысловой установки на скорость поиска всегда будет стабильным, позитивным, предсказуемым и однозначным. Смысловые установки трудноуловимы, не всегда они могут обладать такой же силой и степенью выраженности, как целевые установки. Но в этом случае можно говорить о том, что есть ситуации, в которых стоящие выше смысловые установки оказываются менее выраженными по своей силе, с одной стороны, и менее актуальными для выполнения определенной задачи, с другой стороны, что лишает их явного иерархического преимущества. На наш взгляд, вопрос об иерархических отношениях между установками является более сложным и не подразумевает ярко выраженной иерархии. Но стоит подчеркнуть, что это авторская позиция, которая может расходиться с представлением А. Г. Асмолова.

Изучение эффектов взаимодействия различных установок в последние годы становится все более популярным, что можно видеть по росту числа публикаций, посвященных данной тематике (см. обзор в работе Арбекова, Гусев, 2015). Возможно, причиной этого является практический запрос, ведь исследования, обращаясь к вопросу взаимодействия установок, связаны с изучением успешности целенаправленных действий человека, с рядом проблем клинической пси-

хологии и т.п. Так, например, предметом изучения Р. Вайер и А. Ксю является вопрос, как поведенческие установки (behavioral mindset) проявляют себя в целенаправленной деятельности, то есть там, где создается целевая установка (Wyer, Xu, 2010). В представлении этих авторов поведение человека, ведущее к достижению цели, может приводить к закреплению установки (mindsets) на определенные стратегии достижения различных целей в прямо не связанных друг с другом ситуациях. Хотя стратегии, обусловленные поведенческими установками, обычно используются осознанно и обдуманно, сами причины их выбора представляются неосознаваемыми. Один из акцентов, который делают данные авторы, связан с эффектом генерализации установки. Они описывают, что возникновение установки зависит от схожести новых условий с теми, в которых данная установка была создана. Но, как показывают исследования, установка и образцы поведения, закрепившиеся в прошлом, появляются также и в ситуациях, в определенной степени отличающихся от первоначальных (там же). Это явно перекликается с выделением генерализации как одного из этапов развития фиксированной установки, подробно изученной в школе Д. Н. Узнадзе (Узнадзе, 2001). Подчеркнем, что тот факт, что для проявления поведенческих установок важны условия, в которых протекает деятельность, также сближает это понятие с уровнем операциональных установок. В терминах А. Г. Асмолова в указанном выше исследовании рассматривается влияние целевых установок на закрепление определенных поведенческих установок, которые в контексте гипотезы Асмолова можно отнести к операциональным.

Интерес к взаимодействию установок отражается и в изучении так называемого феномена «set-shifting». Этот термин мы переводим как *переключение установок*, переключение между установками — феномен, обозначающий способность субъекта переключаться между сложными заданиями, операциями и ментальными установками и являющийся одним из главных компонентов регуляторных функций (Miyake et al., 2000). Авторы отмечают, что сложности в переключении между установками могут проявляться как когнитивная ригидность, например доминирование конкретного подхода к решению проблемы, стимульно-реактивное поведение, или как ригидность ответной реакции, которая выражается в виде стереотипного поведения или персевераций. Подчеркнем, что в некоторых вышеописанных исследованиях когнитивная гибкость-ригидность, либо ориентация на целостный или детализированный анализ информации, сама рассматривалась в качестве установки, хотя такое понимание очень близко к личностным диспозициям.

В данной работе, наоборот, особенности взаимодействия между различными установками рассматриваются как причина когнитивной ригидности и, более того, могут способствовать развитию некоторых психических нарушений. Так, проблемы с переключением установок рассматриваются как часть факторов риска для развития пищевых расстройств. Это было показано в метаанализе, проведенном в 2007 г. М. Робертсом и соавторами на 15 исследованиях, содержащих группу испытуемых с пищевыми расстройствами

(в основном с анорексией) и контрольную группу и использовавших минимум один из шести тестов (в том числе задание, по процедуре близкое к созданию классической фиксированной установки), позволяющих измерить способность человека гибко переключаться между различными установками. Исследователи обнаружили, что проблемы с переключением установок очень характерны для людей с пищевыми нарушениями (Roberts et al., 2007). Более того, они обнаружили, что дефицит способности переключения установок специфичен не только для пищевых нарушений, его также можно найти при различных психических нарушениях, например, при психотических состояниях, СДВГ и др. Отклонения в способности переключения установок также находят у ближайших родственников (родители, сиблинги, дети) людей с биполярным расстройством или с шизофренией. Таким образом, авторам представляется, что слабая способность к переключению между установками сильно увеличивает риск многих форм психических заболеваний.

Г. Биссонетт и соавторы также отмечают, что нарушение в переключении между установками и негибкость в принятии решений — проблемы, часто наблюдаемые в течение нормального старения и при некоторых психических нарушениях (Bissonette et al., 2013). Предметом их изучения стала нейропатология негибкого поведения, для исследования которой на животных была разработана модель переключения между установками и создана соответствующая методика, подобная Висконсинскому тесту сортировки карточек (Wisconsin Card Sorting Task), в котором задействуются различные когнитивные функции: рабочая память, внимание, распознавание ошибок и т. д. Исследователи пришли к выводу, что нормальная работа во время переключения между заданиями опирается на функционирование префронтальной коры и передней поясной коры.

Отметим, что близким понятием к «set-shifting» является более разработанное понятие «task-switching» — переключение задач. Для изучения этого явления характерно сравнение времени выполнения двух относительно простых когнитивных заданий в условиях повторения одного и того же задания и в условиях чередования заданий (Величковский, 2009). Исследование переключения задач привело к выделению показателя стоимости переключения (switch cost) — это дополнительные временные затраты, связанные с необходимостью переключаться между заданиями (Monseil, 2003). Обычно возникновение стоимости переключения объясняется действием процессов когнитивного контроля, что особенно сближает понятия «set-shifting» и «task-switching». Иногда они используются как синонимы. Чаще феномен set-shifting описывается в работах, посвященных темам когнитивной ригидности и различным психическим нарушениям, в то время как переключению задач посвящено множество исследований, связанных с ситуациями переключения, в норме характерными для любого человека. Кроме того, можно предположить, что переключение задач чаще всего должно изучаться на уровне целевой или операциональной установки, а феномен set-shifting может рассматривать переключение между установками трех различных

уровней. Но по факту, как и в случае изучения переключения задач, в изучении set-shifting чаще встречается рассмотрение установок одного уровня, например целевых (Filoteo et al., 2014), так же рассчитывается стоимость переключения и часто используется тот же стимульный материал, что и при изучении переключения задач, что приближает set-shifting к task-switching.

Как мы можем видеть, вопрос о взаимодействии установок и возможности гибко переключаться между ними приобретает весьма актуальное звучание. Некоторые авторы пытаются изучить феномен set-shifting, затрагивая переключение между установками различных уровней. Так, Д. Джонсон использовал прием переключения между нейтральными и эмоционально нагруженными установками для того, чтобы изучать способность индивида сознательно направлять свое внимание к эмоциональным ментальным репрезентациям или от них (так называемый феномен emotional attention set-shifting (смещение эмоционального внимания)) и тем самым контролировать свое эмоциональное состояние (Johnson, 2009). Эмоционально нагруженная установка подразумевала значимость затронутой темы или предложенного стимульного материала для испытуемого, что позволяет отнести ее к уровню смысловой установки. Нейтральная установка представляла собой вариант целевой установки. Таким образом, данное исследование затрагивает именно *взаимодействие* между целевыми и смысловыми установками.

При рассмотрении современного звучания вопроса о взаимодействии установок необходимо отметить не только частные вопросы и отдельные понятия (пусть и такие сложные и глубокие, как «set-shifting»), но и более глобальный взгляд разных авторов на данную проблематику. Так, С. Эйтон акцентирует внимание на разделении понятий «set», как внутреннего состояния индивидуума, и «setting», принадлежащего области внешних стимулов (Aton, 2013). Она продолжает поиск ответа на вопрос о том, как воспринимаемый мир может быть одновременно функцией и set, и setting. С одной стороны, это является современным звучанием вопросов, рассматриваемых в отечественной традиции А. А. Ухтомским (1978), Е. Н. Соколовым (2003) в рамках их представлений о доминанте и нервной модели стимула; с другой стороны, это новый виток изучения механизмов установочной регуляции на базе инновационных технических средств и методов регистрации активности мозга, которые помогают отразить, как проявляются более высокие уровни set, например смысловые и целевые установки на психофизиологическом уровне.

Подытоживая, отметим, что проблема взаимодействия установок действительно становится все более актуальной, что приводит к увеличению количества исследований и, соответственно, разнообразию экспериментальных схем.

Выводы

В результате сопоставления терминов, предлагаемых А. Г. Асмоловым, с терминами и понятиями, обозначающими установки в современной зарубежной лите-

ратуре, было выявлено следующее. Операциональные установки представлены в зарубежной психологии как моторная установка (*motor set*), сенсорная установка (*sensory set*) и сенсорный прайминг (*sensory priming*). Отметим, что перцептивную установку (*perceptual set*) нельзя отнести к какому-либо одному уровню, она может быть операциональной, целевой и смысловой. Прямым аналогом целевых установок являются термины «*task set*» и «*goal set*» (последний термин используется реже); с этим же уровнем связаны установка на ответ (*response set*), установка на стимул (*stimulus set*) и установка, вызванная инструкцией (*instructional set*). Наибольшую сложность при соотнесении понятий представляет уровень смысловых установок. В большей степени приближен к представлению о смысловой установке широко используемый в современной зарубежной литературе термин «*mindset*».

Использование гипотезы об иерархическом уровне строения установки в качестве понятийной схемы представляется нам весьма перспективным, так как позволяет не только систематизировать представления об установках различных видов, но и делать предположения о взаимодействии установок разных уровней. Это является особенно актуальным на фоне возрастающего количества исследований не отдельно взятых установочных феноменов, а именно взаимодействия разных видов установок.

Литература

- Арбекова О. А., Гусев А. Н. Влияние установок разного уровня на скорость зрительного поиска // Вопросы психологии. 2015. Т. 4. С. 147–158.
- Асмолов А., Курячий С. О зависимости влияния потребности на поведение от места в структуре деятельности (на примере пищевой депривации) // Развитие эргономики в системе дизайна (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Боржоми: 1979.
- Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
- Брунер Д. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
- Величковский Б. Б. Возможности когнитивной тренировки как метода коррекции возрастных нарушений когнитивного контроля // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 78–91.
- Дункер К. Структура и динамика процесса решения задач // Хрестоматия по общей психологии: психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 258–268.
- Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г. Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967.
- Имедадзе И. В., Сакварелидзе Р. Т. Д. Н. Узнадзе. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. Узнадзе: известный и неизвестный // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 3. С. 106–116.
- Койфман А. Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 45–62.
- Кьюльпе О. Психология мышления // Хрестоматия по общей психологии: психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 21–27.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983.
- Майер Г. Об одном аспекте мышления человека // Психология мышления. Сб. переводов / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 300–314.
- Правдина Т. А. Зяма — это же Гердт! М.: Деком, 2003.
- Прангишвили А. С. Проблема установок на современном уровне ее разработки грузинской психологической школой // Психологические исследования / Под ред. А. С. Прангишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1973. С. 10–27.
- Прибрам К. Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
- Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2003.
- Соколова Е. Е. Введение в психологию. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
- Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.
- Ухтомский А. А. Избранные труды / Под ред. Е. М. Крепса. Л.: Наука, 1978.
- Ушаков Д. В., Валуева Е. А. Параллельные открытия в отечественной и зарубежной психологии: пример интуиции и имплицитного научения // Научные материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН / Раздел 1. Образ российской психологии за рубежом. Сочи, 2006. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhhdunaro/nauchnye_m/razdel_1_o/ushakov_dv.html.
- Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминг-эффектов в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97.
- Филиппова М. Г. Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 63–66. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/FilippovaRJC2016.pdf>
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука, 2013.
- Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Шанирштейн Г. Я. Взаимодействие установок в процессе регуляции деятельности субъекта. Автореф. дис. канд. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Adam J., Koch I. Response-repetition effects depend on motor set: evidence for anatomical coding in response selection // Human Movement Science. 2014. Vol. 33. P. 172–184. doi:10.1016/j.humov.2013.09.001
- Allport D. A., Styles E. A., Hsieh S. Shifting intentional set: Exploring the dynamic control of tasks // Attention and performance XV: Conscious and nonconscious information processing / C. Umiltà, M. Moscovitch (Eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1994. P. 421–452.
- Aton S. J. Set and setting: How behavioral state regulates sensory function and plasticity // Neurobiology of Learning and Memory. 2013. Vol. 106. P. 1–10. doi:10.1016/j.nlm.2013.06.007
- Beauchaine T. P., Waters E. Pseudotaxonicity in MAMBAC and MAXCOV analyses of rating scale data: Turning continua into classes by manipulating observer's expectations // Psychological Methods. 2003. Vol. 7. P. 245–261. doi:10.1037/1082-989X.8.1.3
- Bissonette G. B., Powell E. M., Roesch M. R. Neural structures underlying set-shifting: Roles of medial prefrontal cortex and anterior cingulate cortex // Behavioural Brain Research. 2013. Vol. 250. P. 91–101. doi:10.1016/j.bbr.2013.04.037
- Broadbent D. E. Stimulus set and response set: Two kinds of selective attention // Attention: Contemporary theory and analysis / D. I. Mostofsky (Ed.). New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. P. 51–60.
- Broadbent D. E., Gregory M. Stimulus set and response set: The alternation of attention // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1964. Vol. 16. P. 309–317. doi:10.1080/17470216408416386
- Bruner J. Beyond the information given: Studies in the psychology of knowing. London: G. Allen & Unwin LTD, 1973.
- Cornelissen G., Bashshur M. R., Rode J., Le Menestrel M. Rules or consequences? The role of ethical mind-sets in moral

- dynamics // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. No. 4. P. 482–488. doi:10.1177/0956797612457376
- Crum A. J., Langer E. J. Matters: Exercise and the placebo effect // *Psychological Science*. 2007. Vol. 18. No. 2. P. 165–171.
- Donkin C., Brown S. D., Heathcote A. ChoiceKey: A real-time speech recognition program for psychology experiments with a small response set // *Behavior Research Methods*. 2009. Vol. 41. No. 1. P. 154–162. doi:10.3758/brm.41.1.154
- Eckstein D., Perrig W. J. The influence of intention on masked priming: A study with semantic classification of words // *Cognition*. 2007. Vol. 104. No. 2. P. 345–376. doi:10.1016/j.cognition.2006.07.005
- Elchlepp H., Rumball F., Lavric A. A brain-potential correlate of task-set conflict // *Psychophysiology*. 2013. Vol. 50. No. 3. P. 314–323. doi:10.1111/psyp.12015
- Filoteo J. V., Paul E. J., Ashby F. G., Frank G. K. W., Helie S., Rockwell R., Bischoff-Grethe A., Wierenga C., Kaye W. H. Simulating category learning and set shifting deficits in patients weight-restored from anorexia nervosa // *Neuropsychology*. 2014. Vol. 28. No. 5. P. 741–751. doi:10.1037/neu0000055
- Galinsky A. D., Kray L. J. From thinking about what might have been to sharing what we know: The effects of counterfactual mind-sets on information sharing in groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40. P. 606–618.
- Heijden A. H. C. Selective Attention in Vision. UK: Taylor & Francis e-Library, 2004. doi:10.4324/9780203359341
- Henry F. M. Influence of motor and sensory sets on reaction latency and speed of discrete movements // *Research Quarterly. American Association For Health, Physical Education And Recreation*. 1960. Vol. 31. No. 3. P. 459–468. doi:10.1080/10671188.1960.10762053
- Hughes G., Velmans M., Fockert J. D. Unconscious priming of a no-go response // *Psychophysiology*. 2009. Vol. 46. No. 6. P. 1258–1269. doi:10.1111/j.1469-8986.2009.00873.x
- Johnson D. R. Emotional attention set-shifting and its relationship to anxiety and emotion regulation // *Emotion*. 2009. Vol. 9. No. 5. P. 681–690. doi:10.1037/a0017095
- Keren G. Some considerations of two alleged kinds of selective attention // *Journal of Experimental Psychology. General*. 1976. Vol. 105. No. 4. P. 349–374.
- Kiss M., Grubert A., Eimer M. Top-down task sets for combined features: Behavioral and electrophysiological evidence for two stages in attentional object selection // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2013. Vol. 75. P. 216–228. doi:10.3758/s13414-012-0391-z
- Klein G. Semantic power measured through the interference of words with color-naming // *American Journal of Psychology*. 1964. Vol. 77. P. 576–588. doi:10.2307/1420768
- Lamers M. J. M., Roelofs A., Rabeling-keus I. M. Selective attention and response set in the Stroop task // *Memory & Cognition*. 2010. Vol. 38. No. 7. P. 893–904. doi:10.3758/mc.38.7.893
- Lange L. New experiments on the process of the simple reaction to sensory impressions [Neue Experimente über den Vorgang der einfachen Reaction auf Sinneseindrücke] // *Philosophische Studien*. 1888. Vol. 4. P. 479–510. URL: yorku.ca/LangeL/NewExperiments.pdf.
- Lange R., Thalbourne M. A., Houran J., Lester D. Depressive response sets due to gender and culture-based differential item functioning // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33. P. 937–954. doi:10.1016/s0191-8869(01)00203-3
- Levitin D. J. Foundations of cognitive psychology: Core readings. MIT Press, 2002.
- Luchins A. S., Luchins E. H. New experimental attempts at preventing mechanization in problem-solving // *Thinking and reasoning* / P. C. Wason, P. N. Johnson-Laird (Eds.). UK, 1970.
- Maljkovic V., Nakayama K. Priming of pop-out: I. Role of features // *Memory and Cognition*. 1994. Vol. 22. No. 6. P. 657–672. doi:10.3758/bf03209251
- Martens U., Ansoorge U., Kiefer M. Controlling the unconscious attentional task sets modulate subliminal semantic and visuomotor processes differentially // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 282–291. doi:10.1177/0956797610397056
- Masin S. C., Crestoni L. Experimental demonstration of the sensory basis of the size-weight illusion // *Perception and Psychophysics*. 1988. Vol. 44. No. 4. P. 309–312. doi:10.3758/bf03210411
- McGown C. The effect of motor and sensory set on reaction time and muscle electrical activity // *Research Quarterly. American Alliance For Health, Physical Education And Recreation*. 1976. Vol. 47. No. 4. P. 709–715.
- McGrath R. E., Neubauer J., Meyer G. J., Tung K. Instructional set and the structure of responses to rating scales // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 46. P. 116–122. doi:10.1016/j.paid.2008.09.012
- Miyake A., Friedman N. P., Emerson M. J., Wizki A. H., Howerter A., Wager T. D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex 'frontal lobe' tasks: a latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000. Vol. 41. No. 1. P. 49–100. doi:10.1006/cogp.1999.0734
- Monsell S. Task switching // *Trends in Cognitive Science*. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 134–140. doi:10.1016/s1364-6613(03)00028-7
- Napier J., Luguri J. Moral mind-sets: Abstract thinking increases a preference for "individualizing" over "binding" moral foundations // *Social Psychological and Personality Science*. 2012. Vol. 4. No. 6. P. 754–759.
- Pina-Neves S. F. L., Rätty H. Students' individual and collective efficacy: joining together two sets of beliefs for understanding academic achievement // *The European Journal of Psychology of Education*. 2013. Vol. 28. P. 453–474. doi:10.1007/s10212-012-0123-8
- Radel R., Sarrazin P., Pelletier L. Evidence of subliminally primed motivational orientations: The effects of unconscious motivational processes on the performance of a new motor task // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2009. Vol. 31. No. 5. P. 657–674. doi:10.1123/jsep.31.5.657
- Risko E. F. Response set // *Corsini Encyclopedia of Psychology*. 2010. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470479216.corpsy0794/abstract>. doi:10.1002/9780470479216.corpsy0794
- Roberts M. E., Tchanturia K., Stahl D., Southgate L., Treasure J. A. A systematic review and meta-analysis of set-shifting ability in eating disorders // *Psychological Medicine*. 2007. Vol. 37. P. 1075–1084. doi:10.1017/s0033291707009877
- Sakai K. Task set and prefrontal cortex // *Annual Review of Neuroscience*. 2008. Vol. 31. P. 219–245. doi:10.1146/annurev.neuro.31.060407.125642
- Schneider D. W., Logan G. D. Defining task-set reconfiguration: The case of reference point switching // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 118–125. doi:10.1037/e527352012-424
- Tannock M., Lyons C. Ready, set, go! Review // *Intervention in School and Clinic*. 2010. Vol. 45. P. 206–208. doi:10.1177/1053451209349527
- Wang C., Oyserman D., Liu Q., Li H., Han S. Accessible cultural mindset modulates default mode activity: Evidence for the culturally situated brain // *Social Neuroscience*. 2013. Vol. 8. No. 3. P. 203–216. doi:10.1080/17470919.2013.775966
- Weibel S., Giersch A., Dehaene S., Huron C. Unconscious task set priming with phonological and semantic tasks // *Consciousness and Cognition*. 2013. Vol. 22. No. 2. P. 517–527. doi:10.1016/j.concog.2013.02.010
- Wyer Jr. R. S., Xu A. J. The role of behavioral mind-sets in goal-directed activity: Conceptual underpinnings and empirical evidence // *Journal of Consumer Psychology*. 2010. Vol. 20. P. 107–125. doi:10.1016/j.jcps.2010.01.003

About Matching Concepts of Meaningful Set, Task Set, and Operational Set With Modern English-Language Terms

Olga A. Arbekova

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexey N. Gusev

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The hypothesis of the level hierarchical structure of set was offered by A. Asmolov (1979) on the basis of activity approach. According to this hypothesis, there are different levels of set. Meaningful set implies readiness for action in connection with the actualization of a motive. Task set refers to the readiness to do something according to the goal. Operational set is readiness for the implementation of a specific mode of action. This article aims to compare these kinds of sets and terms, denoting set in modern foreign research. The results of our comparison indicate that operational set is similar to motor set, sensory set and sensory priming. Task set is analogous to goal set, response set, stimulus set and instructional set. In some cases, mindset is the nearest concept for meaningful set. Perceptual set can be like meaningful set, task set and operational set. The theoretical scheme proposed by Asmolov helps us to systematize various opinions on sets and the interactions between them.

Correspondence: Olga A. Arbekova, invental7151@gmail.com, 11/9 Mokhovaya st., Department of Psychology, Lomonosov MSU, 125009 Moscow, Russia. Alexey N. Gusev; angusev@mail.ru.

Keywords: meaningful set, task set, operational set, motor set, sensory set, perceptual set, priming, goal set, response set, stimulus set, instructional set, mindset

Copyright © 2017. Olga A. Arbekova, Alexey N. Gusev. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received January 20, 2017, accepted March 28, 2017.

References

- Adam, J., & Koch, I. (2014). Response-repetition effects depend on motor set: evidence for anatomical coding in response selection. *Human Movement Science*, 33, 172–184. [doi:10.1016/j.humov.2013.09.001](https://doi.org/10.1016/j.humov.2013.09.001)
- Allport, D. A., Styles, E. A., & Hsieh, S. (1994). Shifting intentional set: Exploring the dynamic control of tasks. In C. Umiltà, & M. Moscovitch (Eds.), *Attention and performance XV: Conscious and nonconscious information processing* (pp. 421–452). Cambridge, MA: MIT Press.
- Arbekova, O. A., & Gusev, A. N. (2015). Vliyanie ustanovok raznogo urovnja na skorost zritel'nogo poiska [The influence of different levels sets on visual search speed]. *Voprosy Psichologii*, 4, 147–158. (In Russian).
- Asmolov, A., & Kurjachij, S. (1979). O zavisimosti vlijaniya potrebnosti na povedenie ot mesta v strukture dejatel'nosti (na primere pishhevoj deprivacii) [Role of the need in the behaviour as a function of its place in the structure of activity]. In *Razvitie jergonomiki v sisteme dizajna (Tezisy dokladov Vsesojuznoj konferencii)* [Development of ergonomics in design. Conference abstracts] Borzhomi: (In Russian).
- Asmolov, A. G. (1979). *Activity and set*. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
- Asmolov, A. G. (2002). *Po tu storonu soznaniia: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii* [Beyond consciousness: methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow: Smysl. (In Russian).
- Aton, S. J. (2013). Set and setting: How behavioral state regulates sensory function and plasticity. *Neurobiology of Learning and Memory*, 106, 1–10. [doi:10.1016/j.nlm.2013.06.007](https://doi.org/10.1016/j.nlm.2013.06.007)

- Beauchaine, T. P., & Waters, E. (2003). Pseudotaxonicity in MAM-BAC and MAXCOV analyses of rating scale data: Turning continua into classes by manipulating observer's expectations. *Psychological Methods*, 7, 245–261. doi:10.1037/1082-989x.8.1.3
- Bernshtein, N. A. (1966). *Essays on the physiology of motion and physiology of activity*. Moscow: Meditsina. (In Russian).
- Bissonette, G. B., Powell, E. M., & Roesch, M. R. (2013). Neural structures underlying set-shifting: Roles of medial prefrontal cortex and anterior cingulate cortex. *Behavioural Brain Research*, 250, 91–101. doi:10.1016/j.bbr.2013.04.037
- Broadbent, D. E. (1970). Stimulus set and response set: Two kinds of selective attention. In D. I. Mostofsky (Ed.), *Attention: Contemporary theory and analysis* (pp. 51–60). New York: Appleton-Century-Crofts.
- Broadbent, D. E., & Gregory, M. (1964). Stimulus set and response set: The alternation of attention. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 16, 309–317. doi:10.1080/17470216408416386
- Bruner, J. (1973). *Beyond the information given: Studies in the psychology of knowing*. London: G. Allen & Unwin LTD.
- Bruner, J., & Postman, L. (1947). Emotional selectivity in perception and reaction. *Journal of Personality*, 16, 69–77. doi:10.1111/j.1467-6494.1947.tb01076.x
- Chhrtishvili, S. N. (1971). *Nekotorye spornye problemy psichologii ustanovki [Some disputable questions in psychology of sets]*. Tbilisi: Mecniereba. (In Russian).
- Cornelissen, G., Bashshur, M. R., Rode, J., & Le Menestrel, M. (2013). Rules or consequences? The role of ethical mind-sets in moral dynamics. *Psychological Science*, 24(4), 482–488. doi:10.1177/0956797612457376
- Crum, A. J., & Langer, E. J. (2007). Matters: Exercise and the placebo effect. *Psychological Science*, 18(2), 165–171.
- Donkin, C., Brown, S. D., & Heathcote, A. (2009). ChoiceKey: A real-time speech recognition program for psychology experiments with a small response set. *Behavior Research Methods*, 41(1), 154–162. doi:10.3758/brm.41.1.154
- Duncker, K. (1945). On problem-solving. *Psychological Monographs*, 58(5), i-113.
- Eckstein, D., & Perrig, W. J. (2007). The influence of intention on masked priming: A study with semantic classification of words. *Cognition*, 104(2), 345–376. doi:10.1016/j.cognition.2006.07.005
- Elchlep, H., Rumball, F., & Lavric, A. (2013). A brain-potential correlate of task-set conflict. *Psychophysiology*, 50(3), 314–323. doi:10.1111/psyp.12015
- Falikman, M. V., & Koyfman, A. Y. (2005). Vidy praiming-effektov v issledovaniyah vospriyatya y perceptivnogo vnimaniya [Typology of priming effects in research on perception and attention]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Series 14: Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, (4), 81–90. (In Russian).
- Filippova, M. G. (2016). Comparing two paradigms and the “pre-personal level” of priming. Comments on A. Koyfman’s “Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena?”. *Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 63–66. (In Russian). Retrieved from http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJC2016.pdf.
- Filoteo, J. V., Paul, E. J., Ashby, F. G., Frank G, K. W., Helie S., Rockwell R., Bischoff-Grethe, A., Wierenga, C., & Kaye, W. H. (2014). Simulating category learning and set shifting deficits in patients weight-restored from anorexia nervosa. *Neuropsychology*, 28(5), 741–751. doi:10.1037/neu0000055
- Freud, S. (1938). *Psychopathology of everyday life*. M: T. Fisher Unwin. doi:10.1037/10012-000
- Galinsky, A. D., & Kray, L. J. (2004). From thinking about what might have been to sharing what we know: The effects of counterfactual mind-sets on information sharing in groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 40, 606–618.
- Heijden, A. H. C. (2004). *Selective attention in vision*. UK: Taylor & Francis e-Library. doi:10.4324/9780203359341
- Henry, F. M. (1960). Influence of motor and sensory sets on reaction latency and speed of discrete movements. *Research Quarterly. American Association For Health, Physical Education And Recreation*, 31(3), 459–468. doi:10.1080/10671188.1960.10762053
- Hughes, G., Velmsans, M., & Fockert, J. D. (2009). Unconscious priming of a no-go response. *Psychophysiology*, 46(6), 1258–1269. doi:10.1111/j.1469-8986.2009.00873.x
- Imedadze, I. V., & Sakvarelidze, R. T. (2013). D.N. Uznadze Filozofija. Psihologija. Pedagogika: nauka o psihicheskoj zhizni. Uznadze: izvestnyj i neizvestnyj [Uznadze: known and unknown]. *Kulturno-istoricheskaja psihologija [Cultural-Historical Psychology]*, 3, 106–116. (In Russian).
- Johnson, D. R. (2009). Emotional attention set-shifting and its relationship to anxiety and emotion regulation. *Emotion*, 9(5), 681–690. doi:10.1037/a0017095
- Keren, G. (1976). Some considerations of two alleged kinds of selective attention. *Journal of experimental psychology. General*, 105(4), 349–374.
- Kiss, M., Grubert, A., & Eimer, M. (2013). Top-down task sets for combined features: Behavioral and electrophysiological evidence for two stages in attentional object selection. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 75, 216–228. doi:10.3758/s13414-012-0391-z
- Klein, G. (1964). Semantic power measured through the interference of words with color-naming. *American Journal of Psychology*, 77, 576–588. doi:10.2307/1420768
- Koyfman, A. Y. (2016). Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena?. *Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 45–62. (In Russian). Retrieved from http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJC2016.pdf.
- Külpe, O. (1904). Versuche über Abstraktion [Experiments on abstraction]. In *Bericht über den Kongress für experimentelle Psychologie* (pp. 56-68). M: MSU.
- Lamers, M. J. M., Roelofs, A., & Rabeling-keus, I. M. (2010). Selective attention and response set in the Stroop task. *Memory & Cognition*, 38(7), 893–904. doi:10.3758/mc.38.7.893
- Lange, L. (1888). New experiments on the process of the simple reaction to sensory impressions [Neue Experimente über den Vorgang der einfachen Reaction auf Sinneseindrücke]. *Philosophische Studien*, 4, 479–510. Retrieved from yorku.ca/LangeL/NewExperiments.pdf..
- Lange, R., Thalbourne, M. A., Houran, J., & Lester, D. (2002). Depressive response sets due to gender and culture-based differential item functioning. *Personality and Individual Differences*, 33, 937–954. doi:10.1016/s0191-8869(01)00203-3
- Leontiev, A. N. (1983). *Izbrannye psichologicheskie proizvedenija [Selected works in psychology]*. M: Pedagogika. (In Russian).
- Levitin, D. J. (2002). *Foundations of cognitive psychology: Core readings*. MIT Press.
- Luchins, A. S., & Luchins, E. H. (1970). New experimental attempts at preventing mechanization in problem-solving. In P. C. Wason, & P. N. Johnson-Laird (Eds.), *Thinking and reasoning* UK:
- Maier, N. R. (1933). An aspect of human reasoning. *British Journal of Psychology. General Section*, 24(2), 144–155. doi:10.1111/j.2044-8295.1933.tb00692.x
- Maljkovic, V., & Nakayama, K. (1994). Priming of pop-out: I. Role of features. *Memory and Cognition*, 22(6), 657–672. doi:10.3758/bf03209251
- Martens, U., Anson, U., & Kiefer, M. (2011). Controlling the unconscious attentional task sets modulate subliminal semantic and visuomotor processes differentially. *Psychological Science*, 22(2), 282–291. doi:10.1177/0956797610397056
- Masin, S. C., & Crestoni, L. (1988). Experimental demonstration of the sensory basis of the size-weight illusion. *Perception and Psychophysics*, 44(4), 309–312. doi:10.3758/bf03210411
- McGown, C. (1976). The effect of motor and sensory set on reaction time and muscle electrical activity. *Research Quarterly. American Alliance For Health, Physical Education And Recreation*, 47(4), 709–715.
- McGrath, R. E., Neubauer, J., Meyer, G. J., & Tung, K. (2009). Instructional set and the structure of responses to rating scales. *Personality and Individual Differences*, 46, 116–122. doi:10.1016/j.paid.2008.09.012

- Miyake, A., Freidman, N.P., Emerson, M.J., Wizki, A.H., Howarter, A., & Wager, T.D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex 'frontal lobe' tasks: a latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41(1), 49–100. doi:10.1006/cogp.1999.0734
- Monsell, S. (2003). Task switching. *Trends in Cognitive Science*, 7(3), 134–140. doi:10.1016/s1364-6613(03)00028-7
- Napier, J., & Luguri, J. (2012). Moral mind-sets: Abstract thinking increases a preference for "individualizing" over "binding" moral foundations. *Social Psychological and Personality Science*, 4(6), 754–759.
- Pina-Neves S, F.L., & Rätty, H. (2013). Students' individual and collective efficacy: joining together two sets of beliefs for understanding academic achievement. *The European Journal of Psychology of Education*, 28, 453–474. doi:10.1007/s10212-012-0123-8
- Prangishvili, A.S. (1973). Problema ustanovki na sovremennom urovne ejo razrabotki gruzinskoy psihologicheskoy shkoloj [The problem of set at contemporary level of its elaboration in Georgian psychological school of thought]. In A.S. Prangishvili (Ed.), *Psihologicheskie issledovanija* (pp. 10–27). Tbilisi: Mecniereba. (In Russian).
- Pravdina, T.A. (2003). *Zjama – jeto zhe Herdt!*. M: Dekom. (In Russian).
- Pribram, K.H. (1971). *Languages of the brain: Experimental paradoxes and principles in neuropsychology*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. doi:10.1097/00005053-197307000-00012
- Radel, R., Sarrazin, P., & Pelletier, L. (2009). Evidence of subliminally primed motivational orientations: The effects of unconscious motivational processes on the performance of a new motor task. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 31(5), 657–674. doi:10.1123/jsep.31.5.657
- Risko, E.F. (2010). Response Set. In *Corsini Encyclopedia of Psychology* Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470479216.corpsy0794/abstract>. doi:10.1002/9780470479216.corpsy0794
- Roberts, M.E., Tchanturia, K., Stahl, D., Southgate, L., & Treasure, J.A. (2007). A systematic review and meta-analysis of set-shifting ability in eating disorders. *Psychological Medicine*, 37, 1075–1084. doi:10.1017/s0033291707009877
- Sakai, K. (2008). Task set and prefrontal cortex. *Annual Review of Neuroscience*, 31, 219–245. doi:10.1146/annurev.neuro.31.060407.125642
- Schneider, D.W., & Logan, G.D. (2007). Defining task-set re-configuration: The case of reference point switching. *Psychonomic Bulletin & Review*, 14(1), 118–125. doi:10.1037/e527352012-424
- Shapirshtein, G.I. (1988). Vzaimodeistvie ustanovok v protsesse reguliatsii deiatel'nosti subekta [Interaction of sets in regulation of human activity]. Unpublished doctoral dissertation, Moscow State University. (In Russian).
- Sokolov, E.N. (2003). *Vosprijatie i uslovnyj refleks: novyj vzgljad [Perception and conditioned reflex]*. M: UMK «Psihologija»; Moskovskij psihologo – socialnyj institut. (In Russian).
- Sokolova, E.E. (2005). *Vvedenie v psihologiju [Introduction into psychology]*. M: Akademija. (In Russian).
- Tannock, M., & Lyons, C. (2010). Ready, set, go! Review. *Intervention in School and Clinic*, 45, 206–208. doi:10.1177/1053451209349527
- Ukhtomskij, A.A. Krepsa, E.M. (Ed.). (1978). *Izbrannye trudy [Selected works]*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Ushakov, D.V., & Valueva, E.A. (2006). Parallelnye otkrytija v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii: primer intuiicii i implicitnogo nauchenija [Parallel findings in Russian and international psychology on the example of implicit learning]. In *Nauchnye materialy mezhdunarodnogo foruma i shkoly molodyh uchenyh IP RAN / Razdel 1. Obraz rossijskoj psihologii za rubezhom [Proceedings of the international forum of the young scientists in IP RAS]* Sochi: (In Russian). Retrieved from http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_1_o/ushakov_dv.html.
- Uznadze, D.N. (2001). *Psihologija ustanovki [Psychology of set]*. SPb: Piter. (In Russian).
- Velichkovskij, B.B. (2009). Vozmozhnosti kognitivnoj trenirovki kak metoda korrekcii vozrastnyh narushenij kognitivnogo kontrolja [Performance capabilities of cognitive training as a method of correcting age-related decline in cognitive control]. *Experimental Psychology*, 2(3), 78–91. (In Russian).
- Wang, C., Oyserman, D., Liu, Q., Li, H., & Han, S. (2013). Accessible cultural mindset modulates default mode activity: Evidence for the culturally situated brain. *Social Neuroscience*, 8(3), 203–216. doi:10.1080/17470919.2013.775966
- Weibel, S., Giersch, A., Dehaene, S., & Hüron, C. (2013). Unconscious task set priming with phonological and semantic tasks. *Consciousness and Cognition*, 22(2), 517–527. doi:10.1016/j.concog.2013.02.010
- Wyer Jr, R.S., & Xu, A.J. (2010). The role of behavioral mind-sets in goal-directed activity: Conceptual underpinnings and empirical evidence. *Journal of Consumer Psychology*, 20, 107–125. doi:10.1016/j.jcps.2010.01.003
- Zaporozhec, A.V., Venger, L.A., Zinchenko, V.P., & Ruzskaja, A.G. (1967). *Vosprijatie i dejstvie [Perception and action]*. M: Prosveshhenie. (In Russian).

ДИСКУССИЯ

Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЯМ А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и М. Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и „доличностным уровнем“ прайминга»

Александр Григорьевич Асмолов

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен историко-эволюционный анализ феномена установки в системе понятий, описывающих явления предвосхищения будущего как проявления преадаптации. Указывается место прайминга в иерархии установочных явлений, раскрывается контекст их изучения в когнитивной психологии, начиная с работ школы «Новый взгляд» 1940-х гг. Особо подчеркивается уместность использования термина «прайминг» в контексте когнитивных исследований как отражения экспериментального дизайна.

Контактная информация: Александр Григорьевич Асмолов, agas@mail.ru; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: установка, структура деятельности, преадаптация, прайминг, грузинская школа психологии установки, «Новый взгляд», историко-эволюционный подход

© 2017 Александр Григорьевич Асмолов. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2017 г. Принята в печать 31 марта 2017 г.

За методологией исследования установочных явлений стоят различного рода попытки понимания роли образа будущего в эволюции жизни. Для описания широкого класса явлений заглядывания в будущее предложены такие конструкты, как антиципация, экстраполяция, опережающее отражение, сенсорная и моторная преднастройка, вероятностное прогнозирование и... установка. По большому счету, за подобными явлениями проступает мало изученный в процессе эволюции механизм *преадаптации к неопределенности*, который является магистральной линией историко-эволюционного процесса. Нам важно понять эволюционный смысл, ту необходимость, которая стоит за так называемыми ошибками предвосхищения будущего, оговорками историко-эволюционного процесса: ошибки ожидания (установки) и предвзятости, ошибки в «оценке стимула» в психофизике и когнитивной психологии, оговорки в психоанализе, «улики» в психоистории, странности и зигзаги эволюции в адаптациогенезе. Не имеем ли мы в одних случаях

пробивающуюся инноватику преадаптаций — познавательные, ментальные, социокультурные, биологические ароморфозы (Северцов, 1921); в других — ошибки «в силу устройства органа», а не эволюционной целесообразности (Дарвин)? Могут ли себе позволить ошибки «простые системы», а не оснащенные избыточностью и метапластичностью «сложные системы»? И наконец, не связаны ли многочисленные феномены антиципации, предвосхищения будущего с принципиально различными моделями эволюции: адаптивными и преадаптивными?

Наиболее значимыми линиями исследования преадаптации к неопределенности являются теория установки Д. Н. Узнадзе (1966), физиология активности Н. А. Бернштейна (1966), теория вероятностного прогнозирования И. М. Фейгенберга (1972, 2008), теория предсказывающего поведения и «теория перспектив» А. Тверского и Д. Канемана 1973–1979 гг. (см. Канеман, 2011). В отечественной науке мастерами изучения антиципации были такие исследователи,

как С. Г. Геллерштейн (1966), Л. В. Крушинский (1959), В. А. Иванников, Е. П. Кринчик, А. К. Осницкий и др. Феноменологии «заглядывания в будущее» также была посвящена монография по проблемам антиципации Е. А. Сергиенко (1992). Совсем недавно вышел обобщающий сборник работ по антиципации отечественных и зарубежных авторов «Anticipation: Learning from the past» (ed. Nadin, 2015), в котором интегрированы разные тренды в исследованиях предвосхищения. За всеми этими работами стоит формула, которую я попытался наиболее рельефно выразить в книге «Деятельность и установка» (Асмолов, 1979): субъект приходит в настоящее не прямо из прошлого, а строит свое настоящее как образ предвидимого будущего.

С подобного рода эффектами мы сталкиваемся в самых разнообразных сферах, начиная с гениальных исследований по позе как преднастройке, отражающей установку тела. Они были зафиксированы в термине «attitudo» Леонардо да Винчи (см. Баткин, 1990), который делал акцент на том, что поза тела — это эмбрион будущего действия. Можно приводить и другие примеры из истории культуры. В психологии же эффекты позы и предвидения будущего появлялись в целом ряде работ. Различные феномены и трактовки установки как проявления «заглядывания в будущее» подробно описаны в моей книге «Деятельность и установка» (Асмолов, 1979). Именно в этой работе была разработана концепция об уровневой природе установок (уровень смысловых установок, уровень целевых установок, уровень операциональных установок, уровень психофизиологических реализаторов установки) как механизмов, обеспечивающих устойчивость, стабильность целенаправленного поведения в ситуациях неопределенности.

В психологии познания, как я отмечал при анализе установочных явлений, наибольший вклад в понимание роли будущего в формировании образа внесло направление «Новый взгляд» (New Look), прежде всего теория перцептивных гипотез Джерома Брунера и Лео Постмана — см. обзор этих работ в статье, которая вошла в книгу «Вероятностное прогнозирование в деятельности человека» (Асмолов, 1977). Напомню, что и Альфред Бине говорил об установке как эскизе будущего действия. Отмечу также, что ключевой обзор по исследованиям установки в экспериментальной психологии первой половины XX века был сделан Дж. Дж. Гибсоном (Gibson, 1941). Для меня невероятно интересно, что Гибсон, начиная с исследования феноменов установки в экспериментальной психологии, приходит к совершенно новой экологической теории восприятия, в которой одним из центральных становится понятие *возможности* (affordance) (Гибсон, 1988), близкое к обсуждаемому Д. Н. Узнадзе (1966) понятию К. Левина «побуждающий характер предметов».

Еще раз подчеркну, что главные работы по перцептивной готовности — это именно работы Дж. Брунера, Л. Постмана и их коллег 1947–1953 гг., в которых они опирались на Кречевского и на его термин «гипотеза» (см. Bruner, Goodman, 1947). Чистый вариант прайминга, по-моему, — эксперименты Брунера 1950-х, где для опознания предъявлялся один и тот же знак в разном контексте (число 13 / буква В или кружок, который

мог опознаваться как цифра «ноль», буква О или геометрическая фигура — круг) (Bruner, Minturn, 1955). Сам Брунер использовал термин «перцептивная готовность», которая не сводится к праймингу и показывает направленность в будущее (на русском языке см.: Брунер, 1977). Эффекты перцептивных трансформаций детально разработаны и в грузинской школе — это эксперименты З. И. Ходжавы с «нейтральным шрифтом» (с чтением рукописных слов — например, «чепуха» или «почва» — как записанных латинскими буквами, после прочтения ряда бессмысленных латинских слов) (Ходжава, 1960). Другой пример феноменов, имеющих отношение к праймингу, из исследований Дж. Брунера и Л. Постмана — это перцептивная защита и бдительность. Когда испытуемым в условиях сверхкраткого тахистоскопического предъявления показывались «неправильные» игральные карты — например, пики красного цвета или бубны черного, у них может возникнуть отрицательный прайминг-эффект, выражающийся в последующем замедлении реакции на очередную карту — или положительный, если они бдительны (Bruner, Postman, 1949). И это показатель индивидуального стиля реакции на изменение, на неопределенность ситуации.

Еще раз отмечу, что, на мой взгляд, прайминг — частный случай перцептивной готовности, обусловленный операционализацией экспериментальных процедур в когнитивной психологии.

Любые явления преднастройки — это очень важная вещь. Занимаясь ими, мы занимаемся психологической футурологией и ее местом в структуре поведения. Есть термин «человек перспективы», а любая живая система — это «система перспективы».

В этом смысле прайминг как преднастройка помогает придать форму беспорядку (хаосу) — об этом пишет Умберто Эко, цитируя, в свою очередь, Эдмунда Гуссерля:

«Раньше говорилось о неоднозначности как о нравственной установке и противоборстве проблем, однако сегодня психология и феноменология говорят также о неоднозначности восприятия как о возможности, не порывая с общепринятыми правилами познания, уловить мир в той его первозданной возможности, которая предшествует всякой стабилизации, обусловленной привычным, устоявшимся взглядом на него. Уже Гуссерль отмечал, что *любой момент жизни сознания имеет определенный горизонт, который меняется вместе с изменением направленности сознания, а также изменением фазы развертывания... Например, во всяком внешнем восприятии точно воспринятые данные объекта восприятия содержат в себе указание на те стороны, обращенность к которым лишь вторична, которые еще не восприняты, но только предвосхищаются в смысле ожидания и даже без наличия какой-либо интуиции, как аспекты, которым еще 'предстоит' стать воспринимаемыми. Именно эта постоянная устремленность (интенциональность) и обретает новый смысл в каждой фазе восприятия. Кроме того, восприятие имеет*

горизонты, которые наделены другими возможностями восприятия, причем такими, которые мы могли бы иметь, если бы направили процесс восприятия в другую сторону, то есть если бы продвинулись вперед, зашли сбоку и так далее“ (Эко, 2004, с. 93–94).

Эффекты, которые имеет смысл обсуждать в сопоставлении с понятием «прайминг», в психологии первыми описали Карл Марбе и Освальд Кюльпе (подробнее см. Асмолов, 1979). Кюльпе в 1902 году провел эксперимент, в котором предъявлял испытуемым бессмысленные слоги разного цвета и формы, различавшиеся также расположением в пространстве. Перед началом пробы испытуемого просили сообщить о том или ином признаке предъявляемого объекта, и субъект наиболее точно воспроизводил признаки из инструкции, а остальное не воспроизводилось. Кюльпе предположил, что предварительно заданная инструкция повышает избирательность восприятия. Она приводит к возникновению целевой установки, детерминирующей направленность действий. Воздействие на эти эффекты побудило тогда группу авторов ввести термины для их объяснения, которые вошли в концептуальный аппарат немецкой психологии: прежде всего — настройка или «установка» (Einstellung) как результат принятия «задачи» (Aufgabe). Иногда «Aufgabe» переводится на английский язык как «task set». По своим эффектам целевая установка отлична от различных ситуационных операциональных установок (Асмолов, 1979), с которыми, на мой взгляд, связаны прайминг-эффекты.

Интересно соотнести с современными исследованиями прайминга эксперименты по изучению целевой установки в зрительном восприятии слов, проведенные Эльзой Сийпола (1935). В них у одной группы испытуемых с помощью инструкции создавалась установка на восприятие слов из категории «корабли», а у другой группы испытуемых — установка на восприятие слов из категории «животные». Эта манипуляция напоминает «категориальный прайминг», только в данном случае он является осознаваемым, поскольку задается в контексте инструкции. Далее участникам эксперимента тахистоскопически предъявлялись слова, подлежащие опознанию. Среди них были бессмысленные слова, такие как «sael». Испытуемые, настроенные воспринимать слова из категории «животные», воспринимали бессмысленное слово «sael» как «seal» (тюлень), тогда как испытуемые, настроенные на восприятие слов из категории «корабли», в большинстве случаев воспринимали «sael» как «sail» (парус). На этом эксперимент Э. Сийпола не завершался, во второй его части испытуемым обеих групп давалось задание дополнить слова с пропущенными буквами. В этой серии все испытуемые заполняли пропуски в словах в соответствии с установками, вызванными инструкцией в предыдущей экспериментальной серии, не осознавая этого факта. Этот результат показывает, что установка, вызванная инструкцией, во-первых, может привести к искажению материала, но за счет этого позволяет сохранить заданную направленность действия и, во-вторых, не исчезает после выполнения задания и продолжает влиять на последующее решение сходных задач.

Аналогичный методический прием был использован в экспериментах И. А. Тоидзе (1974), за тем исключением, что, как и в исследованиях неосознаваемого прайминга, она предъявляла испытуемым стимульный материал в подпороговом диапазоне. В одном из экспериментов испытуемый должен был решить арифметическую задачу, текст которой предъявлялся на экране. На тот же экран проецировались «подсказка» и «ответ» при яркости ниже пороговой, устанавливаемой индивидуально перед началом эксперимента. Иными словами, испытуемый не должен был видеть на экране ни подсказки, ни ответа на задачу. Однако обнаружилось, что испытуемый может увидеть эти подпороговые стимулы, но только в том случае, если в ходе решения задачи у него актуализируется зрительный образ, релевантный ответу. Если же образ ответа не актуализировался, то испытуемый ответа на экране не видел. Интересно, что если подпороговое изображение ответа проецировалось на экран одновременно в нескольких формах (цифры, графическое изображение и т. д.), испытуемый воспринимал его именно в той форме, которая соответствовала актуализированному им образу полученного результата. В экспериментах И. А. Тоидзе, таким образом, было показано, что целевая установка может снижать порог восприятия.

Мы видим парадоксальный разброс результатов этих исследований, которые потом вошли в психофизику и ее трансформировали под названием «ошибки ожидания», искажающие измерение: иными словами, от эффектов типа прайминга в психофизике пытались освободиться! Вспомним слова Дж. Брунера про ошибки ожидания: «Это не ошибки испытуемого, это наши ошибки». Пытались, хотя и понимали, что это базовая особенность предвосхищения, экстраполяции: соответственно, мы высказали предложение рассматривать их не как ошибки, а как проявления активности субъекта при решении сенсорных задач. Именно с этими ошибками предвосхищения связано движение в психофизике «От психофизики чистых ощущений — к психофизике сенсорных задач» (см. Асмолов, Михалевская, 1974; Гусев, 2004; Скотникова, 2009).

Можно сказать, что за всеми этими работами, включая исследования неосознаваемого прайминга, стоит то, что меня интересует больше многих вещей — роль подобных установочных эффектов как проявлений предвидения будущего: предвосхищения, антиципации, экстраполяции. Можно ли найти их нейрокогнитивные корреляты («волну ожидания»), я не знаю. Мы с М. Б. Михалевской пытались их поймать в психофизических задачах, когда предшествующая ситуация определяла порог чувствительности в последующей, предположив, что за этим может стоять депрессия альфа-ритма, и было показано, что она наблюдается уже тогда, когда человек еще не знает, действует на него сигнал или нет. То есть на нейрофизиологическом уровне можно обнаружить эффекты предвидения, преднастройки к будущему.

Мне не кажется, что «неосознаваемый прайминг» и «установка» — это удвоение понятий. Каждый исследователь кодирует явления предвидения в привычной ему системе координат. Прайминг — это операциональная характеристика установки, объективация

установки через стимульную ситуацию, ее онтологизация в контексте экспериментального дизайна, позитивистское описание одного из частных случаев предвосхищения: есть предшествующее воздействие — можно описывать его эффект, обозначая его как «прайминг-эффект».

На мой взгляд, спорить о терминах не нужно, имеет смысл спорить только о контекстах. И в этом плане понятие «прайминг» ближе к позитивистскому дизайнерскому мышлению когнитивного психолога. Для эксперимента это хорошо, но, по-своему, это упрощение реальности, поскольку объем установочных явлений больше и глубже. То есть мы можем сказать, что уровневая природа установки включает в себя и феноменологию прайминга. Например, А. В. Запорожец выделял «ситуационно-действенную установку» (Запорожец, 1960). В такой установке два возможных механизма: вероятностный *прогноз* и конкретное *содержание связи* между установочным воздействием и материалом, на котором оно проявляется. Второе — это как раз про прайминг.

Мне представляется важным, что А. Я. Койфман пытается в контексте когнитивной психологии увидеть механизм предвосхищения в прайминг-эффектах. В этом она идет вслед за Ульриком Найссером, наиболее детально изучившим в своих классических работах роль антиципации и схемы в порождении образа (Найссер, 1981). Но подчеркну еще раз: их избыточная «инструментализация» приводит к тому, что мы становимся рабами экспериментального дизайна, и это таит в себе опасность упрощения. Нормальный позитивист имеет на это право, но в случае иной методологии мы видим за феноменологией прайминга частное проявление огромного поля феноменов установки, это верхушка айсберга. Иными словами, по границе между этими понятиями проходит граница между культурами мышления. Однако сама по себе попытка наведения мостов кажется мне очень важной.

М. Г. Филиппова в своем комментарии высказывает верную мысль о том, что в операциональных установках могут проявляться установки смыслового уровня — примерно так, как описывает это «воронка Шеррингтона». Яркий пример — Акакий Акакиевич Башмачкин в «Шинели» Гоголя: когда он выводит свои буквы, в операциях проступают личностные смыслы. Освободиться от них нельзя. В экспериментах с Сергеем Курачим мы получали эффекты, похожие на результаты упомянутых выше экспериментов Э. Сийпола, в зависимости от мотивационного состояния человека, давая задачу восполнения слов людям на разных стадиях лечебного голодания: ответ (например, «белка» или «булка») определялся силой голода, испытываемого человеком. Мы в исследованиях специально делили операциональные установки на два уровня, вслед за различением сознательных и приспособительных операций по А. Н. Леонтьеву (Леонтьев, 1975): потенциально осознаваемые (автоматизированные) и те, которые никогда осознаваемыми не были («мастера фона» или «черновые» уровни по Н. А. Бернштейну). В экспериментах А. Н. Гусева, Г. Я. Шапирштейна и М. Б. Михалевской было обнаружено различие между неосознаваемой установкой на целевой признак и неосознаваемой установкой на

ситуативный признак при решении различных задач (см. Шапирштейн, 1988). Различие состояло в том, что установки второго рода (приспособительные установки, или установки на ситуативный признак) были выражены сильнее и угасали медленнее, чем автоматизированные операциональные установки (обсуждение¹ см. также: Асмолов, 2002). Чтобы «достать» приспособительные операциональные установки, необходима особая «шахтерская» работа. В целом же исследования прайминга в когнитивной психологии, с моей точки зрения, выиграют, если они будут вписаны в контекст когнитивной психологии активности, опирающейся на конструктивно-деятельностный подход к порождению образа в изменяющемся мире (см. Фаликман, 2016). Это одна из зон развития современной эволюционной психологии, наряду с такими ключевыми трендами психологической науки, как психология неопределенности, психология сложности и психология разнообразия (Асмолов, 2015).

Литература

- Асмолов А. Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И. М. Фейгенберга, Г. Е. Журавлева. М.: Наука, 1977. С. 60–111.
- Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. Москва: Смысл, 2002.
- Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1–1.
- Асмолов А. Г., Михалевская М. Б. От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А. Г. Асмолова, М. Б. Михалевской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 5–12.
- Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990.
- Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
- Брунер Д. Психология познания: за пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977.
- Геллерштейн С. Г. Антиципация в свете проблемы бессознательного // Проблемы сознания. Наука, 1966. С. 305–316.
- Гибсон Д. Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гусев А. Н. Психофизика сенсорных задач. Системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
- Канеман Д. Модели ограниченной рациональности: вклад психологии в поведенческую экономику // Когнитивная психология. История и современность. Хрестоматия / Под ред. М. В. Фаликман, В. Ф. Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 368–383.
- Койфман А. Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 45–62. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoifmanRJC2016.pdf>.
- Крушинский Л. В. Изучение экстраполяционных рефлексов у животных // Проблемы кибернетики. Наука, 1959. С. 213–228.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

¹ Подробнее обсуждение этих исследований см. в статье О. А. Арбековой и А. Н. Гусева в данном выпуске журнала (Прим. ред.)

- Найссер У.* Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.
- Северцов А. Н.* Этюды по теории эволюции: индивидуальное развитие и эволюция. Берлин: Государственное издательство РСФСР, 1921.
- Сергиенко Е. А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Скотникова И. Г.* Субъектный подход в психофизике: Автореф. ... доктора психол. наук. Институт психологии РАН, М., 2009.
- Тойдзе И. А.* Опыт экспериментального изучения первичной установки: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1974.
- Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Фаликман М. В.* Методология конструктивизма в психологии познания // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 3.
- Фейгенберг И. М.* Мозг. Психика. Здоровье. М.: Наука, 1972.
- Фейгенберг И. М.* Вероятностное прогнозирование в деятельности человека и поведении животных. М.: Ньюдиамед, 2008.
- Филиппова М. Г.* Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 63–66. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/FilippovaRJCS2016.pdf>.
- Ходжава З. И.* Проблема навыка в психологии. Тбилиси: изд. АН Грузинской ССР, 1960.
- Шанирштейн Г. Я.* Взаимодействие установок в процессе регуляции деятельности субъекта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1988.
- Эко У.* Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004.
- Bruner J. S., Goodman C. C.* Value and need as organizing factors in perception // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1947. Vol. 42. No. 1. P. 33–44. doi:10.1037/h0058484
- Bruner J. S., Minturn A. L.* Perceptual identification and perceptual organization // The Journal of General Psychology. 1955. Vol. 53. No. 1. P. 21–28. doi:10.1080/00221309.1955.9710133
- Bruner J. S., Postman L.* On the perception of incongruity: A paradigm // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. No. 2. P. 206–223. doi:10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x
- Gibson J. J.* A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology // Psychological Bulletin. 1941. Vol. 38. No. 9. P. 781–817. doi:10.1037/h0055307
- Siipola E. M.* A group study of some effects of preparatory set // Psychological Monographs. 1935. Vol. 46. No. 6. P. 27–38. doi:10.1037/h0093376
- Anticipation: Learning from the past / M. Nadin (Ed.). Springer, 2015. doi:10.1007/978-3-319-19446-2

discussion

Effects of Set in Forecasting of the Future: Historical Evolutionary Analysis

COMMENTARY ON THE PAPERS “SET AND UNCONSCIOUS SEMANTIC PRIMING: TWO DIFFERENT LABELS OR TWO DISTINCT PHENOMENA?” BY A. KOYFMAN AND “COMPARING TWO PARADIGMS AND THE ‘PREPERSONAL LEVEL’ OF PRIMING” BY M. FILIPPOVA

Alexander Asmolov

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The paper provides a historical evolutionary analysis of the phenomenon of set within the framework of concepts that describe the phenomena of anticipation of the future as manifestations of preadaptation. Priming effects are placed in the hierarchy of the phenomena of set. The context of their investigation in cognitive psychology is outlined starting from the New Look school which dates back to the 1940s. The authors emphasize the relevance of the term “priming” in the context of cognitive studies as a projection of experimental design.

Correspondence: Alexander Asmolov, agas@mail.ru, 11/9 Mokhovaya st., 125009 Moscow, Russia

Keywords: set, structure of activity, preadaptation, priming, Georgian school of the psychology of set, “New Look” school, historical evolutionary approach

Copyright © 2017. Alexander Asmolov. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received March 03, 2017, accepted March 31, 2017.

References

- Asmolov, A. G. (1977). Problema ustanovki v neobikheviornizme: proshloe i nastoiashchee [The problem of set in neoboheviourism: The past, the present and the future]. In I. M. Feigenberg, & G. E. Zhuravlev (Eds.), *Veroyatnostnoe prognozirovaniye v deyatelnosti cheloveka [Probabilistic forecasting in human]* (pp. 60–111). M.: Nauka. (In Russian).
- Asmolov, A. G. (1979). *Activity and set*. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
- Asmolov, A. G. (2002). *Po tu storonu soznaniia: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii [Beyond consciousness: methodological problems of nonclassical psychology]*. Moscow: Smysl. (In Russian).
- Asmolov, A. G. (2015). [Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 8(40), 1. (In Russian). Retrieved from <http://elibrary.ru/item.asp?id=23593078>.
- Asmolov, A. G., & Mikhalevskaya, M. B. (1974). [From psychophysics of “pure sensations” to psychophysics of “sensory tasks”]. In A. Asmolova, & M. Mikhalevskaya (Eds.), *Problems and Methods of Psychophysics* (pp. 5–12). Moscow: Moscow State University. (In Russian).
- Batkin, L. M. (1990). *Leonardo da Vinci i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshleniya*. Moscow.
- Bernshtein, N. A. (1966). *Essays on the Physiology of Motion and Physiology of Activity*. Moscow: Meditsina.
- Bruner, J. S. (1973). *Beyond the information given: Studies in the psychology of knowing*. London: WW Norton.
- Bruner, J. S., & Goodman, C. C. (1947). Value and need as organizing factors in perception. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 42(1), 33–44. doi:10.1037/h0058484
- Bruner, J. S., & Minturn, A. L. (1955). Perceptual identification and perceptual organization. *The Journal of General Psychology*, 53(1), 21–28. doi:10.1080/00221309.1955.9710133
- Bruner, J. S., & Postman, L. (1949). On the perception of incongruity: A paradigm. *Journal of Personality*, 18(2), 206–223. doi:10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x
- Eco, U. (1989). *The open work*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Falikman, M. V. (2016). Methodology of constructivism in the psychology of cognition. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 9(48), 3–3. (In Russian).
- Feigenberg, I. (2008). *Veroyatnostnoye prognozirovaniye v deyatelnosti cheloveka i poviedeni zhivotnykh [Probabilistic Prognosis in Human Activities and Animals' Behavior]*. Moscow: Nyudiameds.
- Feigenberg, I. M. (1972). *The brain, the mind, and health*. Moscow: Nauka.
- Filippova, M. G. (2016). Comparing two paradigms and the “prepersonal level” of priming. Comments on A. Koyfman's

- “Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena?”. *Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 63–66. (In Russian). Retrieved from <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Gellershtein, S. G. (1966). Antitsipatsiia v svete problemy besoznatel'nogo [Anticipation in the light of the problem of unconscious]. In *Problemy soznaniia [Problems of consciousness]* (pp. 305–316). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gibson, J. (1979). *The ecological approach to human perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gibson, J. J. (1941). A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology. *Psychological Bulletin*, 38(9), 781–817. doi:10.1037/h0055307
- Gusev, A. N. (2004). *Psikhofizika sensornykh zadach. Sistemno-deiatel'nostnyi analiz povedeniia cheloveka v situatsii neopredelennosti [Psychophysics of sensory tasks. Analysis of human behavior in uncertainty from the viewpoint of system activity approach]*. M.: MSU. (In Russian).
- Kahneman, D. (2003). Maps of bounded rationality: Psychology for behavioral economics. *The American Economic Review*, 93(5), 1449–1475.
- Khodzhava, Z. I. (1960). *Problems of habit in psychology*. Tbilisi: Akademiya Nauk GSSR. (In Russian).
- Koyfman, A. Y. (2016). Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena? *Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 45–62. (In Russian). Retrieved from <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Krushinsky, L. V. (1959). The study of extrapolation reflexes in animals. In *Problems of cybernetics* (pp. 213–228). Nauka. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (1978). *Activity, consciousness, and personality*. Englewood Cliffs, Nj: Prentice-Hall. Retrieved from <http://www.citeulike.org/group/1912/article/563544>.
- Neisser, U. (1976). *Cognition and reality: Principles and implications of cognitive psychology*. N.Y.: WH Freeman/Times Books/Henry Holt & Co.
- Sergienko, E. A. (1992). *Antitsipatsiya v rannem ontogeneze cheloveka [Anticipation in Early Human Ontogenesis]*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Severtsov, A. N. (1921). *Etiudy po teorii evoliutsii: individual'noe razvitie i evoliutsiia [Essays in theory of evolution: ontogenesis and evolution]*. Berlin: Gos. Izd. RSFSR. (In Russian).
- Shapirshstein, G. I. (1988). Vzaimodeistvie ustanovok v protsesse reguliatsii deiatel'nosti sub"ekta [Interaction of sets in regulation of human activity]. Unpublished doctoral dissertation, Moscow State University. (In Russian).
- Siipola, E. M. (1935). A group study of some effects of preparatory set. *Psychological Monographs*, 46(6), 27–38. doi:10.1037/h0093376
- Skotnikova, I. G. (2009). Sub'ektnyi podkhod v psikhofizike [Subject-centered approach in psychophysics]. Unpublished doctoral dissertation, IPRAS. (In Russian).
- Toidze, I. A. (1974). Opyt eksperimental'nogo izucheniiia pervichnoi ustanovki [Experimental study of primary set]. Unpublished doctoral dissertation, IP AS USSR. (In Russian).
- Uznadze, D. N. (1966). *Psychological research*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Zaporozhets, A. V. (1960). *Development of voluntary movements*. Moscow: APN RSFSR. (In Russian).
- Nadin, M. (Ed.). (2015). *Anticipation: Learning from the past*. Springer. doi:10.1007/978-3-319-19446-2

ДИСКУССИЯ

О прайминге научных терминов и установке на решение научной проблемы

Александр Николаевич Ромащук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Данная статья призвана показать, что главным элементом при анализе научных подходов является решаемая этими подходами научная проблема. На материале теории установки Д. Н. Узнадзе, методики А. Лачинса, теории деятельности в экспериментальном осуществлении П. И. Зинченко и т. д. демонстрируется, что учет научной проблемы позволяет выявить более тонкие и принципиальные особенности соответствующих процедур, понятий и эффектов. При этом подчеркивается, что под научной проблемой должен пониматься не любой пробел в знаниях, а особое теоретическое противоречие, включающее признание верности двух противоположных теоретических положений. Попытка анализа каких-либо подходов без понимания решаемых ими проблем приводит к формальности сравниваемых параметров, что как раз и характерно для связей, изучаемых в экспериментах на прайминг. Игра слов в названии статьи призвана подчеркнуть тезис, что ориентация на научную проблему позволяет произвести более целостный анализ подхода или даже отдельного исследования. Разбираемые в качестве примеров подходы были также отобраны на основании близости решаемых ими научных проблем к принципу целостности.

Контактная информация: Александр Николаевич Ромащук, ofitsran@mail.ru; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ауд. 213.

Ключевые слова: принцип целостности, научная проблема, гештальтпсихология, теория установки, теория деятельности

© 2017 Александр Николаевич Ромащук. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2017 г. Принята в печать 25 марта 2017 г.

Цель статьи

Недавно опубликованная статья А. Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?», кроме богатства и детального анализа большого ряда источников, может заинтересовать читателя еще одним моментом, который заставляет откликнуться даже тех, кто не специализируется в области исследований установки и/или прайминга. Момент этот связан с тем, что в статье не только произведен анализ, но и обозначен его способ, который состоит в сопоставлении двух подходов по триадной схеме: процедурам, состояниям и эффектам. Подобные триадные схемы достаточно часто практикуются при попытке соотнесения разных научных теорий, и наиболее удобными они считаются при использовании в учебном процессе. Для примера

можно указать учебную схему представления разных вариантов предмета психологии, созданную Ю. Б. Дормашевым (2002) на основе историко-методологических работ К. Мадсена. Данная схема визуально организует три частично схожие с предложенными А. Я. Койфман конструкта — методы, теории и феномены — по образцу известной схемы перцептивного цикла У. Найссера. Ниже будет осуществлена попытка продемонстрировать, как учет решаемой научной проблемы влияет на понимание обозначенных в схемах А. Я. Койфман и Ю. Б. Дормашева «процедуры, состояния, эффекта». Другими словами, целью данной статьи является раскрытие значения теоретических понятий и экспериментальных эффектов как средств решения научных проблем.

Зависимость исследовательских процедур и теоретических понятий от тех научных проблем, которые

решаются с их помощью, будет проанализирована на нескольких примерах. В качестве отправной точки будут использованы затронутые в статье Койфман подходы Д. Н. Узнадзе, А. Лачинса, П. И. Зинченко и т. д., поскольку научные проблемы существенной части подходов, упомянутых в статье Койфман, центрируются вокруг одного принципа — принципа целостности. Также малая связь понятия «прайминг» (в отличие от понятия установки) с принципом целостности позволила использовать в названии статьи своеобразную игру слов, дополнительно подчеркивающую то, что именно учет решаемой проблемы задает целостность анализа любого научного подхода или даже отдельного психологического исследования. Ведь действительно, прайминг может задаваться по любым, даже предельно формальным признакам. В определенном смысле сопоставление подходов вне структурирующей их научной проблемы достаточно часто приводит к формальности выбранных для сравнения характеристик.

Примеры зависимости понимания процедур и феноменов от решаемых проблем

Начнем с рассмотрения той научной проблемы, которую решал Д. Н. Узнадзе в исследованиях установки. Койфман пишет, что Узнадзе обобщил методики Фехнера и Шарпантье, а также приводит ссылки на работы с теоретическим и эмпирическим сопоставлением установки по Узнадзе с установкой по А. Лачинсу. При этом в статье Койфман даже указывается решаемая Узнадзе проблема — преодоление постулатов непосредственности и эмпиричности. В целом это указание, безусловно, верно, но Узнадзе куда более конкретно ставил проблему, для решения которой было предназначено понятие установки. Он формулирует ее как противоречие между специфическим выражением и общим характером целого ряда иллюзий, за которым стоит общность количественного отношения: «Несмотря на всю разницу материала, вопрос остается во всех случаях по существу один и тот же: речь идет всюду о характере отношения, которое мыслится внутри каждой задачи. ... Несмотря на то что оно <отношение> имеет *общий* характер, оно дается всегда в каком-нибудь конкретном выражении. Но как же это происходит?» (Узнадзе, 2001, с. 22). Установка по Узнадзе потому разрешает данную проблему (теоретическое противоречие), что является «целостным состоянием субъекта». Это, по словам Узнадзе, «скорее, установка субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний» и при этом «его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации» (там же, с. 25). Только в этом случае установка по Узнадзе разрешает противоречие между общностью разных форм иллюзий и конкретностью их проявления: «Но если это так, тогда все описанные выше случаи иллюзии представляются нам как проявление деятельности установки» (там же). А каждая установка, «будучи целостным состоянием, ложится в основу совершенно определенных психических явлений, возникающих в сознании» (там же).

В этом смысле установка по Узнадзе только на материале обобщения методики Фехнера и Шарпантье невозможна (вопреки утверждению в статье А. Я. Койфман), поскольку на одной модальности (весе) даже невозможно поставить ту проблему, решение которой и привело Узнадзе к понятию установки. Логика Узнадзе была прямо противоположной той, которая описывается в статье. В статье Койфман говорится, что «на основе многочисленных экспериментов на разнообразном материале Узнадзе делает вывод о том, что установка связана не с функционированием отдельных органов, но является проявлением активности живого организма как целого» (Койфман, 2016, с. 47). Однако сам Узнадзе, наоборот, стремился найти не столько объяснение разным вариантам иллюзии, сколько такой эмпирический материал, на котором можно было более конкретно поставить проблему преодоления постулата непосредственности. Эта проблема и есть, как правильно описывает Койфман, проблема того «среднего звена», которое способно опосредовать взаимодействие психической и физической реальности (см. там же, с. 48). То, что Узнадзе ставил проблему преодоления постулата непосредственности раньше, чем обратился к понятию «установка», подтверждает тот факт, что в первое десятилетие решения данной проблемы он фокусировался на совсем ином понятии — «нейтральное состояние сознания» (см. Асмолов, 2002, с. 30–31).

Оборачиваются тогда и другие тезисы статьи Койфман. Например, в статье указывается: «... Кроме того, были выявлены эффекты иррадиации и генерализации установки» (Койфман, 2016, с. 47). Если иметь в виду решаемую проблему и важность для нее идеи «целостности состояния», то эффекты иррадиации и генерализации были выявлены не «кроме того», но специально ставились опыты, которые подтвердили бы важнейший для идеи целостности тезис: «Материал установочных опытов не играет роли и установка вырабатывается лишь на основе соотношения, которое остается постоянным, как бы ни менялся материал и какой бы чувственной модальности он ни касался» (Узнадзе, 2001, с. 26). Знаменательно, что раздел «Проблема иррадиации установки» Узнадзе начинает с тезиса о нелокальном характере установки: «Если поглубже взглянуть в феномены наших иллюзий, мы увидим, что они в своей основе действительно не должны быть понимаемы как явления локального характера» (там же, с. 50).

Также не случайно, что в статье Койфман различие между первичной и фиксированной установкой дается как одноуровневое, а принципиальная в плане тезиса «целостности» диффузная установка (см. там же, 2001, с. 67) даже не упоминается. Между тем, для самого Узнадзе фиксированная установка выполняла функцию более исследовательского средства, чем жизненного феномена. Она выделяется тем, что делает более удобным процесс наблюдения и исследования: «Для того чтобы изучить эту установку, было бы целесообразно наблюдать ее достаточно продолжительное время. А для этого было бы важно *закрепить, зафиксировать* ее в необходимой степени» (там же, с. 26). С другой стороны, установочные опыты могут выполнять и иную функцию — дифференцирующую («Сле-

довательно, установочные опыты бывают не только фиксирующими, но и дифференцирующими — там же, с. 68). При этом фиксированная установка обладает рядом «неудачных» свойств с точки зрения роли установки как средства преодоления постулата непосредственности. Например, важно, что установка по Узнадзе является принципиально неосознаваемым феноменом, поскольку это позволяет ей опосредовать влияние как физических, так и психологических факторов: «Состояние, которое можно поэтому квалифицировать как *внесознательный* психический процесс, оказывающий в данных условиях решающее влияние на содержание и течение сознательной психики» (там же, с. 24). В то же время сама процедура фиксирующей установочной серии в обычных (не гипнотических) условиях чаще всего сопровождается осознанием установочного отношения. И этим фиксированная установка принципиально отличается от первичной (что, кстати говоря, подчеркивается и в статье Койфман). Но тогда получается, что вне принципиальной ситуации перехода на сознательный уровень («уровень *объективации*») существуют ограничения переноса выявленных закономерностей с фиксированной установки на более общую, первичную (или актуальную) установку. Не случайно последователь Узнадзе Ш. Н. Чхартишвили даже высказал тезис о том, что явления первичной и фиксированной установки настолько различны, что для обозначения фактора, обуславливающего установочные иллюзии, необходимо найти термин, отличный от термина «установка» (по Асмолов, 2002, с. 63).

Для выявления значения всех указанных «переворотов» сравним логику Узнадзе сначала с логикой использования понятия «установка» А. Лачинсом, а затем — с исследовательской логикой П. И. Зинченко, который, наоборот, понятием «установка» почти не пользовался.

Сопоставление методик Д. Н. Узнадзе и А. Лачинса

Если обратиться к исследованиям установки супругов Лачинсами, то с учетом решаемой ими проблемы сходство экспериментальных феноменов и методик в работах Лачинсов и в школе Узнадзе начинает выглядеть отчасти как чисто внешнее (или, как выразились бы сами Лачинсы, как проявление «шаблонного мышления»). В статье А. Я. Койфман справедливо подчеркивается, что А. Лачинс как ученик Вертгеймера (хотя и писал первую диссертацию под руководством Кюльпе) был представителем гештальтпсихологии. Но при этом не указывается значение данного факта. А значение принадлежности к гештальтпсихологии состояло как раз в том, что Лачинс поставил и решал в исследованиях на установку типично гештальтистскую проблему: выявление условий, при которых не действует нормальный для человека способ разумного поведения (разрешение ситуации как целостной, «здесь и сейчас»), а начинает доминировать слепое применение прошлого опыта. Сама установочная процедура понадобилась для того, чтобы в гештальтистском проти-

вопоставлении «прошлого опыта и мышления» иметь возможность задать один и тот же «прошлый опыт» испытуемым, которые без этого обладали бы совершенно несопоставимым и неизвестным для экспериментатора прошлым опытом. Другими словами, понятие «установка» для Узнадзе и Лачинса выполняло чуть ли не противоположные функции: если для Узнадзе это было обозначение наиважнейшего и обязательного для нормального функционирования человека механизма, то для Лачинса, как и для любого гештальтиста, понятие установки характеризовало пусть и очень распространенное, но аномальное явление (сбой в осуществлении продуктивного мышления). Не случайно общая направленность исследований была противоположна: если Узнадзе пытался выявить вездесущность установки и исследовать особенности ее влияния как «момента динамической определенности психической жизни», то Лачинсы наоборот, старались найти такие факторы, которые, как минимум снизили бы установочность решения задач с переливанием (см. Luchins, Luchins, 1950).

Все это, безусловно, проявилось в процедурных особенностях исследований Узнадзе и Лачинсов, что далеко не всегда учитывается в попытках их эмпирического сопоставления. Прежде всего, в качестве существенного сходства этих двух процедур часто указывается наличие похожей установочной (фиксационной) серии. Но, с одной стороны, как уже указывалось выше, фиксированная установка по Узнадзе по большей части есть лишь удобный прием для начальных исследований установки, она не является преобладающей или теоретически самой значимой формой установки. С другой стороны, даже по сравнению с фиксированной установкой методика Лачинсов имеет принципиальные отличия, которые очень часто не учитываются. Из таковых можно выделить как минимум два. Во-первых, в методике Лачинсов первая задача давалась в формате только двух сосудов. Хотя Лачинсы характеризовали ее как задаваемую «в иллюстративных целях» (см. там же, р. 279), но с точки зрения гештальтпсихологии делалось это как раз для того, чтобы снять возможность возникновения неявного требования использовать в следующих задачах только все три сосуда. В противном случае демонстрация на двух сосудах того, что в дальнейшем будет даваться лишь в формате трех сосудов, была бы необъяснимо странной. Точно так же, как и в логике гештальта (возможного влияния фактора близости), прямой способ решения прятался через разнесение двух используемых в нем сосудов по несмежным (первому и третьему) столбцам таблицы.

Вторым принципиальным моментом методики Лачинсов является то, что критические (или тестовые) задачи делятся на три типа: 1) первые две задачи (№ 7 и 8), которые могут быть решены как установочным (используя три сосуда), так и прямым способом (используя только два сосуда); 2) задача (№ 9), которая не может быть решена установочным (!), но может быть решена прямым способом; 3) следующие две задачи (№ 10 и 11), которые снова могут быть решены обоими способами. Таким образом, группа критических задач делится особой задачей, которую нельзя решить установочным способом, и, поскольку она разделяет две

группы критических задач, ее можно назвать «рубиконной». Хотя величина эффекта установки (степень механистичности) вычисляется без учета этой структурной неоднородности в серии критических задач (через сумму процентов установочных решений в обеих парах критических задач, а также неправильных решений в рубиконной критической задаче), Лачинсы вводят рубиконную задачу не случайно. Также не случайно они предлагают рассматривать каждую из двух пар задач 7–8 и 10–11 как «единое целое» («considered as a unit»), а не все критические задачи вместе (там же, р. 280). Они наделяют эти две пары задач совершенно разными функциями, что выражалось, например, в предлагаемой ими мере преодоления механистичности, которая вычислялась как фиксация увеличения процента прямых решений второй пары критических задач по сравнению с процентом прямых решений первой пары критических задач. Данная структурная неоднородность серии критических задач, с помощью которой производилась фиксация эффекта установки, очень редко учитывается в современных вариантах использования методики Лачинсов.

Например, в упоминаемых в статье Койфман исследований Н.Х. Тухтиева, посвященных сопоставлению установки по Узнадзе и по Лачинсам, при описании методики напрямую не указано, что в качестве критических использовались структурно разнородные задачи (лишь в одной из статей указано, что в первоначальном исследовании использовалась оригинальная серия Лачинсов, правда, почему-то из 10 задач — см. Тухтиева, 2011). По тому, что сравнение экспериментальных и контрольных групп производится или по первой, или по всем критическим задачам в совокупности (см. Тухтиева, 2013, с. 18, 19), можно сделать вывод, что заложенная в методике Лачинсов структурная неоднородность критических задач в данном исследовании не учитывалась. Это, конечно, закономерно, поскольку подобная неоднородность создает принципиальные трудности эмпирического сопоставления фиксированной установки по Узнадзе и механистичности по Лачинсам. Действительно, первая и «рубиконная» задачи методики Лачинса вроде бы более всего сходны с тестовой серией в методике Узнадзе, но принципиально отличаются от них по функциям. Особенно это связано с функцией «рубиконной» задачи, поскольку ее роль как раз в том, чтобы дать возможность прекратить использование установочного решения и искать решение, соответствующее новой ситуации. Она, в отличие от тестовой серии в методике Узнадзе и остальных пар критических задач в методике Лачинсов, в принципе не позволяет проявиться установочному способу решения иначе, как отказом от решения. В этом смысле варьирование количества как «первой задачи», так и «рубиконной» вполне допустимо для исследования факторов снижения механистичности по Лачинсам, но в плане методики фиксации установки по Узнадзе подобное варьирование начинает подразумевать процедуру фиксации двух прямо противоположных установок. И неспроста Н.Х. Тухтиева, придерживаясь позиции принципиального сходства установок по Узнадзе и по Лачинсам, для эмпирического «уравнивания» методик этих

подходов была вынуждена избавиться от структурной неоднородности методики Лачинса, что и выразилось в прямом исключении первой («двухсосудной») задачи и игнорировании структурной неоднородности критических задач при подсчете результатов. Ориентация на структурную неоднородность с необходимостью привела бы к другому построению экспериментов с использованием методики Лачинсов. Например, для «регулярного» варьирования irrelevantных параметров задач «воды в сосудах» Тухтиева (2013) использовала, в частности, разделение предъявления задач на две разные таблицы: в одной таблице были установочные, а в другой таблице — критические задачи. Если же учесть структурную неоднородность критических задач Лачинсов, то распределение по таблицам должно быть иным: в первую таблицу должны попасть установочные и первая пара критических, а во вторую таблицу — «рубиконная» и вторая пара критических задач. Но понятно, что такой же способ разделения было бы сложно использовать в методике фиксированной установки Узнадзе, где критические задачи принципиально однородны. Неспроста чаще всего в методике Узнадзе используется одна критическая задача, что в свою очередь и обусловило стремление Тухтиева сравнить результаты варьирования irrelevantных параметров в методиках Узнадзе и Лачинсов по первой критической задаче.

Таким образом, решение принципиально разных научных проблем приводит к принципиальной теоретической и методической разнородности подходов Узнадзе и Лачинса. И данная разнородность без учета решаемых этими подходами проблем легко затухивается. При понимании, что решаемые Узнадзе и Лачинсами научные проблемы во многом чуть ли не противоположны, сложно было бы при теоретическом и эмпирическом сопоставлении опираться лишь на абстрактную общность фиксационной части методик этих подходов, тогда как методика одного подхода направлена именно на образование фиксированности, а методика второго подхода направлена на выявление факторов снятия фиксированности. При понимании данных особенностей подходов куда логичнее представляется сопоставление методики Лачинса с методиками «экспериментального затухания фиксированной установки» (см. Узнадзе, 2001, с. 70–75).

Другой пример сопоставления различных подходов приводится в статье Койфман как хоть и не относящийся к теме установки, но зато в качестве одного из наиболее ярких «примеров независимых открытий в истории психологической науки», а именно «параллельное изучение мнемических эффектов, описанных П. И. Зинченко и позже, но независимо от него, Ф. Крэйком и Р. Локхартом» (Койфман, 2016, с. 46). Далее хотелось бы обосновать тезис, что с не меньшим основанием исследования П. И. Зинченко можно рассматривать как опровержение экспериментальных эффектов теории уровней обработки, а для подхода Узнадзе считать куда более близкой концепцию Зинченко, чем выраженный в методике «сосудов с водой» подход Лачинсов. Доказать данный тезис возможно, только если исходить из решаемых всеми упомянутыми подходами научных проблем.

Сопоставление подходов и экспериментальных исследований П. И. Зинченко, теории уровней обработки и теории Д. Н. Узнадзе

По большому счету, с анализом подхода Зинченко произошло то же недоразумение чуть ли не полного обращения в противоположность, которое сейчас доминирует по отношению к гештальтпсихологии. Действительно, очень часто гештальтпсихологию, например, восприятия излагают как концепцию разных структурных факторов. Изначально при этом ссылаются на классическую статью В. Келера (Келер, 1999 / Köhler, 1930), который просто кратко изложил соответствующую работу Вертгеймера. В этой статье вроде бы последовательно обсуждаются несколько структурных факторов (близости, сходства, ограниченности и т. д.), а в современных учебниках психологии восприятия при изложении данной темы указывается, что эти факторы следует рассматривать как «гештальтские факторы, лежащие в основе тенденции» группирования (Шифман, 2003, с. 278). Нет ничего более далекого от идеи как гештальтпсихологии в целом, так и замысла статьи Келера в частности. Сама статья построена как мысленный эксперимент по отрицанию возможности объяснить феномены восприятия тем или иным группирующим фактором. Вся статья строится на приеме постепенного введения конкретного структурного фактора, который объясняет конкретный феномен, но который опровергается следующим конкретным феноменом, для которого тоже формулируется соответствующий структурный фактор (так, например, фактор близости далее «преодолевается» фактором замкнутости, а последний — фактором сходства и т. п.). На то, что статья строится именно в логике «преодоления», указывает тот факт, что феномены, демонстрирующие факторы группировки, подобраны особым образом. На каждом следующем феномене не просто начинает действовать очередной структурный фактор, но и остается возможность для проявления ранее обозначенного фактора. Однако действие этого ранее введенного фактора снимается, поскольку он уже ни в какой мере не объясняет образ восприятия. Так, например, Келер сначала вводит на ряде попарно распределенных точек фактор близости, затем усиливает его на соответствующих параллельных отрезках, но далее на тех же отрезках противопоставляет фактору близости фактор ограничения (см. рис. 1). При этом Келер задает почти риторический вопрос: «Но будем осторожны в выводах. Может быть, здесь действуют два различных принципа: принцип расстояния и принцип ограничения?» (Келер, 1999, с. 205). Ни в какой мере не отвечая на этот вопрос (то есть не обсуждая, какой из факторов является доминирующим или как они взаимодействуют друг с другом), Келер далее возвращается к стимульным объектам (точкам) и вводит новый фактор сходства, который усиливает на разном материале. Что же остается, какой же тезис тогда хотел отстоять Келер, используя подобную «отрицающую логику»?

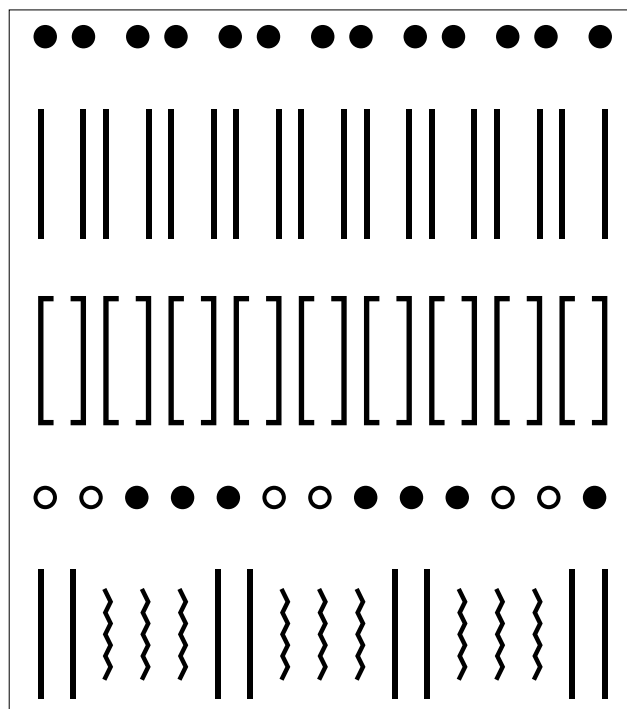

Рисунок 1. Первые пять графических примеров из статьи В. Келера (рис. 1–5 по Келер, 1999)

Данной статьей Келер обосновывал тезис, являющийся для гештальтпсихологов разрешением той научной проблемы, которую они прежде всего поставили и решали. Тезис заключается в том, что бессмысленно выделять какие-либо факторы (пусть и структурные), поскольку целое не просто не сводится к своим частям, но меняет свойства этих частей (см., например, Вертгеймер, 1999 / Wertheimer, 1924). В статье Келера логика преодоления факторов обосновывала положение, что надо исходить из целого («гештальта»), структура которого и может выразиться в том или ином структурном факторе. Поскольку в области психологии восприятия конкретизацией гештальта являются «фигура и фон», то Келер как раз завершает усиление «принципа сходства» переходом к обсуждению фигуры и фона, точнее, к обсуждению зависимости свойств отдельных ощущений от попадания в фигуру или фон. Именно поэтому гештальтпсихологи восприятия так любили использовать примеры зрительных иллюзий. Для них это был отличный демонстрационный материал для главного тезиса, что в рамках разных целых свойства частей (ощущений) могут кардинально меняться. Например, в иллюзии Мюллера–Лайера простейшее ощущение длины зависит от того, в какое целое оно включено («наконечник» или «оперенье»). Все это сводилось к тезису, что не бывает неизменных ощущений (см. выводы как из статьи Келера, 1999, так и из статьи Коффи, 1999). Те различия между фигурой и фоном, которые описал Рубин, обуславливают характеристики точки, которая попадает в фигуру или фон. Именно поэтому наиболее теоретически важными стали иллюзии, в которых возникал эффект «перехода» фигуры и фона: если в иллюзии «ваза–лицо» или «жена и теща» одна и та же визуальная точка попадала в область фигуры, то она начинала восприниматься более выпукло, ярко, насыщенно, предметно (см. Коффи, 1999), а если после этого она же попадала

в фон, то воспринималась с прямо противоположными качествами.

Вернемся к анализу исследований Зинченко. Его исследования часто описываются как такие, «в которых изучались зависимости продуктивности запоминания от ряда независимых факторов» (Мещеряков, 2009, с. 7). Однако их построение с большим обоснованием можно описать как опровержение каждой следующей главой ранее полученных и описанных в предыдущих главах экспериментальных эффектов. Именно поэтому экспериментальные исследования, которые проводились в рамках теории уровней обработки информации, сложно считать повторившими экспериментальные эффекты Зинченко. Представляется, что, как и в ситуации с гештальтпсихологией, факторная интерпретация исключительно связана с игнорированием той главной проблемы, которую Зинченко пытался разрешить всей системой своих исследований. Эта проблема была изначально поставлена Л. С. Выготским и формулировалась как необходимость преодоления двухфакторных подходов (см. Ромашук, 2013). Определенный вариант решения данной проблемы в «харьковской школе» привел к созданию теории деятельности, существенная часть основ которой теоретически и экспериментально была разработана П. И. Зинченко. Не случайно, что позднее центральную проблему для теории деятельности А. Н. Леонтьев обозначил в терминах Узнадзе как «преодоление принципа непосредственности». И в этом смысле исследования Зинченко куда ближе к исследованиям Узнадзе, чем последний — к Лачинсам, а сам Зинченко — к теории уровней обработки. Каким же образом переинтерпретируются исследования Зинченко, если исходить из основной проблемы, на решение которой они были направлены?

Интересно, что, например, Мещеряков невольно сам подчеркивает тезис о «преодолении» тех феноменов в исследованиях Зинченко, которые вроде бы объединяют его с теорией уровней обработки. Он поясняет, что эти эффекты были описаны Зинченко в 4 главе, а 5-я посвящена описанию тех исследований, в которых использовалась аналогичная методика, но уже с существенно иными результатами. Иными словами, в 5 главе «снимаются» те представления о ведущих факторах произвольного запоминания, которые считаются центральными в рамках теории уровней обработки (фактор поверхностного или семантического анализа воспринимаемой информации). И так, в конечном счете, построены все главы книги Зинченко; в этом смысле рассматривать ее как набор исследований ряда независимых факторов — все равно что рассматривать исследования гештальтистов как выявление ряда факторов группировки. В чем же тогда П. И. Зинченко видел основной тезис, который пытался подтвердить в столь разнообразных исследованиях? Сам Зинченко основной идеей всего цикла своих исследований считал зависимость произвольного запоминания от деятельности¹ (от ее «предметного содержания и структуры» — см. Зинченко, 1961, с. 136).

¹ Важно подчеркнуть, что как в гештальтпсихологии объяснения гештальта могут быть разные, но они никак не меняют главное содержание принципа целостности, так и принцип целостности деятельности относительно независим от решения вопроса,

Авторы теории уровней обработки Ф. Крейк и Р. Локхарт попытались выделить доминирующий фактор структурирования кодирования при запоминании. Этим фактором они считают уровень обработки информации, который может изменяться от поверхностного (например, фонетического) к глубокому (семантическому), что, по их же мнению, является переносом идей теории Трейсмана из области внимания в область памяти. Кроме глубины обработки, уровень обработки характеризуется еще двумя параметрами: разработанностью и конгруэнтностью (Крейк, 2011). Позиция Зинченко связана с переворачиванием отношений, она целиком гештальтистская. Но только тем целым, которое задает (преломляет) степень влияния того или иного фактора, является не абстрактная «фигура», а такой гештальт как деятельность². Как и у гештальтистов, каждый фактор для Зинченко может переходить от доминирующей роли к достаточно незначительной — все зависит от той конкретной деятельности, в рамках которой он функционирует. С этим связаны недоумевающие вопросы Крейка и Локхарта, фиксирующие, что в работах Зинченко можно вычитать прямо противоположные положения по отдельным факторам (например, связывал ли Зинченко различие произвольного/непроизвольного запоминания с выбором способа обработки или с каким-то еще фактором — см. Крейк, Локхарт, 2009, с. 15). Значение деятельности они видят в стимулировании того и иного уровня обработки, то есть в том, чтобы «сосредоточивать нас на обработке материала, который должен запомниться, и связывать эту обработку с личными схемами» (там же, с. 16). По Зинченко же, как в гештальте восприятия (образе) нет ни константности ощущений, ни константности структурных принципов, так и в деятельности как гештальте не может быть ни постоянства запоминания элементов, ни постоянства обуславливающих запоминание факторов — даже таких важных, как мотив или отношение между мотивом и задачей. Или такого важного для теории уровней фактора, как глубина обработки информации. Эффект запоминания, по Зинченко, целиком зависит от конкретной деятельности как целого. Ситуация тут аналогична с факторами группировки в гештальтпсихологии, когда конкретный образ можно объяснить тем или иным фактором, но сам этот фактор есть проявление структуры целого и поэтому является лишь изменчивым следствием.

Внешняя противоречивость в книге Зинченко, подобная той, на которую указывают Крейк и Локхарт, не случайна, это осознанный принцип. Например, Зинченко пишет: «Однако важным является то, что в этой

откуда возникла данная деятельность. Действительно, тезис о том, что части и эффекты зависят от динамической структуры целого, может оставаться истинным даже при опровержении положений гештальтпсихологии о суперпозиции связывающих и сдерживающих сил. Точно так же и принцип зависимости эффектов и факторов запоминания от деятельности как целого может остаться верным при различных представлениях о том, как эта деятельность возникла, что ее детерминировало.

² Следует отличать деятельность как гештальт (как целое) от введенного Ю. Б. Дормашевым (2006) понятия «гештальт деятельности». В случае деятельности как гештальта отсылка скорее идет к таким целостным характеристикам деятельности, которые А. Н. Леонтьевым описывались как неаддитивность и молярность.

серии намечаются принципиально другие факты, вступающие как бы в противоречие с полученными ранее» (Зинченко, 1961, с. 199). Или фиксирует: «Итак, мы получили новые факты: более содержательный материал, несмотря на то что он относится к условиям достижения цели, запоминается лучше, чем менее содержательный материал, занимающий место цели действия» (там же, с. 204). Но эти «новые факты» напрямую противоречат самому знаменитому исследованию Зинченко, показывающему, что для эффективного запоминания важен не столько материал (картинки или числа), сколько прямое отношение к цели действия. Отчасти эту противоречивость можно свести к формуле «Зависит не от одного фактора, а от взаимодействия факторов», однако существенная часть выявляемых взаимодействий факторов постоянно изменяется. Их трансформации зависят от деятельности как от конкретного целого.

Можно чуть подробнее разобрать эту ситуацию противоречивости на материале того парадоксального экспериментального эффекта, который получил Зинченко и который особо выделили как Мещеряков, так и авторы теории уровней обработки информации. Этот эффект заключается в лучшем запоминании чисел, входящих в условия экспериментальных задач, младшими школьниками по сравнению со всеми более взрослыми испытуемыми. Зинченко объяснял это сугубо внутренним устройством деятельности испытуемых, точнее, особенностями динамики действия и операции. Он указывает, что в исследовании пытались варьировать эту динамику в двух планах: функциональном и генетическом (там же, с. 183). С помощью варьирования стимульных задач добивались перевода одного и того же способа решения (арифметического действия) из операции в действие. И, наоборот, с помощью участия разных возрастных групп переводили способ решения из действия в операцию в рамках одной и той же стимульной задачи. В другом цикле экспериментальных исследований фактор возраста использовался для того, чтобы возникали разные взаимосвязи между мотивом и решаемыми задачами. Одни и те же варьируемые мотивы (игровой и учебный) на одних и тех же типах задач (кстати, как раз тех, которые аналогичны задачам, наиболее соответствующим различным уровням теории обработки информации, — «по начальной букве», «по связям» и «по свойствам»), учет принципиально разного содержания каждого задействованного мотива для дошкольников и школьников — все это позволяет Зинченко на основе полученных результатов исследований обосновать следующий тезис: «Итак, продуктивность произвольного запоминания находится в прямой связи с тем, какие отношения между мотивом и задачей складываются в конкретной деятельности: чем более близкими и содержательными являются эти отношения, тем продуктивнее произвольное запоминание» (там же, с. 234). Тут стоит подчеркнуть, что эффективность запоминания зависит не от мотива и даже не от отношения мотива и задачи, а от конкретной деятельности, которая может существенно изменять отношения между мотивом и задачей. Другими словами, такие важнейшие факторы, как отношение к цели действия или

отношение между мотивом и задачей, в точности как структурные принципы в гештальтпсихологии могут служить объяснением конкретных эффектов, но сами являются следствием динамической структуры целого (деятельности), а значит, изменяются в зависимости от этого целого. Именно поэтому книгу Зинченко можно рассматривать как аналог мысленного эксперимента Келера по последовательному введению и опровержению разных структурных факторов, что и проявляется в сходстве «опровергающей логики», приводящей к внешней противоречивости отдельных положений Зинченко.

Отчего же при одинаковой ориентации на принцип целостности теория деятельности так сильно отличается от той же гештальтпсихологии? Прежде всего потому, что в этих направлениях ставили и решали разные научные проблемы.

Характерно, что Б. Г. Мещеряков оценивает критику Зинченко отдельных положений теории Выготского и некоторых исследований А. Н. Леонтьева как «дежурную», но при этом подчеркивает, что в более поздний период Леонтьев считал данные публикации Зинченко крайне важными для развития теории деятельности. Это противоречие опять же является следствием игнорирования основной проблемы, решаемой Выготским и «харьковской школой»; того, что изложенную Зинченко критику теории Выготского последний сам во многом предъявлял к себе. Как раз из-за того, что Выготскому не удавалось уйти от факторной теории, поскольку не «снялась» социальная детерминация, он переходил от одной своей теории к следующей. Так, именно это было ведущей причиной перехода от «инструментальной теории» (концепции «высших психических функций»), в рамках которой Леонтьевым проводились исследования опосредствованного запоминания, к следующей, «культурно-исторической теории» (или, в другом названии, теории системного и смыслового строения сознания), которую Выготский уже больше создавал с А. Р. Лурией и которая подкреплялась исследованиями последнего в Узбекистане. Но так как и эта теория не решила основную проблему (не ушла от социальной детерминации), Выготский перешел к теории переживания как «клеточки», а возглавляемая Леонтьевым «харьковская школа», решая в точности ту же проблему, перешла к теории деятельности (подробнее: Ромащук, 2013). С учетом этой логики развития школы Выготского критика Зинченко изначально содержала глубокое значение, то есть имела под собой те же основания, что и последующая высокая оценка работ Зинченко со стороны Леонтьева.

Что есть научная проблема? Все ли исследователи решают научные проблемы?

Характерным следствием оставления за скобками научной проблемы является признаваемая капитуляция перед аморфностью анализируемых подходов (прайминга и установки), которую мы видим, возвращаясь к обсуждению статьи Койфман (2016, с. 58). Это

почти гарантированная аморфность любого подхода, поскольку большая часть разнообразия феноменов и методов связана с тем, что любой подход развивается, и это развитие не является линейным прогрессом (количества исследований, степени усовершенствования методов, точности терминов и т.п.). Очевидно, что если проблема (ее решение) — это как цель в лабиринте непознанного, то на пути достижения данной цели гарантированно будут петляния, заходы в методические тупики, возвраты к уже вроде бы пройденным исследовательским поворотам. Оценить то, чем является пройденный поворот, возможно лишь при соотношении с целью, то есть с решаемой научной проблемой. При «беспроblemном» анализе в лучшем случае выстраивается когнитивная карта развития подхода, то есть того, кто и как модифицировал методики или даже понятия, какие новые феномены были обнаружены и т.д. Между тем, по Толмену, даже не когнитивная карта сама по себе (она возникает как следствие), а именно цель переводит поведение из молекулярного в молярный, то есть в целостный акт.

Взгляд со стороны проблемы заставляет совсем по-новому понять даже вроде бы хорошо известные исследования. Например, понимание основной решаемой проблемы культурно-исторической теории Выготского по-новому заставляет воспринять материал «Романтического эссе» А. Р. Лурии. С этой точки зрения следует рассматривать лонгитюдное исследование Лурии памяти и личности Шерешевского как продолжение исследований Лурии в Узбекистане (подчинение всех функций памяти и восприятию), а лонгитюд с ранением Засецкого — как парадоксальное подтверждение «свободы» от детерминации как внешними, социальными, так даже и внутренними, физиологическими факторами, которым психика Засецкого не подчиняется даже при острых мозговых нарушениях (см. Skvortsov, Romashchuk, 2015).

Конечно, предложение учитывать в анализе решаемую научную проблему формулируется не так редко. Например, в отношении подхода Узнадзе этот тезис достаточно явно отстаивал А. Г. Асмолов: «Без понимания той задачи, которая стояла перед Д. Н. Узнадзе, вряд ли удастся должным образом осознать стержневую идею теории установки» (Асмолов, 2002, с. 24).

Почему же в таком случае проблемы не так часто становятся основным ориентиром производимого анализа? Надо думать, что одна из главных причин лежит в коварности термина «проблема», поскольку он легко используется для обозначения любого исследовательского затруднения. Например, в статье Койфман первый раздел, как и принято, называется «Постановка проблемы». В этом разделе описывается задача данной статьи (сопоставление феноменов установки и прайминга), которая удовлетворяет «академический запрос на соотношение понятий, описывающих сходные феномены» (Койфман, 2016, с. 46). Если задаться вопросом о том, какая научная проблема при этом решается, то, скорее всего, ответом будет ссылка на необходимость отказа «от ввода избыточных понятий» (там же).

Что же тогда можно обозначить научной проблемой в узком смысле, то есть не размывая границы данного термина использованием его в качестве си-

нонима терминологической неопределенности, отсутствия каких-то знаний о предметной области или вообще любой научной трудности и нестыковки? В классических исследованиях под научной проблемой понималась достаточно специфическая ситуация особого противоречия. Один из наиболее четких вариантов научной проблемы сформулировал Дюркгейм при описании противоречия вопроса природы «категорий ума» (прежде всего пространства и времени). Это противоречие формулировалось как одновременная истинность двух прямо противоположных теоретических положений, сформулированных эмпиристами и априористами. Дюркгейм фиксирует, что «вот два понимания, которые в течение веков борются друг с другом, и если этот спор все еще продолжается, то только потому, что аргументы обеих сторон почти равносильны» (Дюркгейм, 2013, с. 397). А «при наличии прямо противоречивых возражений решение остается неопределенным» (там же). В данном случае, с одной стороны, трудно не согласиться с эмпиристами, что категории должны выводиться из опыта, но не менее сложно не согласиться с априористами, что такие категории, как время и пространство, должны предшествовать опыту любого конкретного человека, поскольку без этих категорий данный опыт в принципе невозможен.

Только в таком случае для разрешения научной проблемы необходимо создать третью теорию, а не присоединиться к одной из противоборствующих. Если бы два противоположных теоретических утверждения фиксировались как одинаково ложные, то это не составляло бы научную проблему — тогда эти положения можно было бы совместно отбросить. Тем более нет научной проблемы при признании истинности одного положения и ложности противоположного. Тогда можно было бы лишь искать эмпирических подтверждений истинного положения. И только в случае, когда противоречащие утверждения признаются одинаково истинными, невозможно просто откинуть одно из них или даже оба, но надо построить такую новую теорию, в рамках которой эти два противоположных утверждения «снимались» бы (то есть разрушались с сохранением верного содержания). Что и сделал Дюркгейм, провозгласив, что в его теории «коллективных социальных представлений» есть согласие с априористами (категории ума должны предшествовать индивидуальному опыту), но есть согласие и с эмпиристами — эти категории должны быть получены в опыте (в данном случае — в «коллективном»). Как раз понятие коллективного опыта разрешает это противоречие с сохранением позитивного содержания двух противоположных теорий («снимает» эти теории).

Можно было бы легко показать, что по этой схеме обозначались все проблемы упомянутых в данной статье теорий. Недаром Узнадзе формулировал проблему установки в форме парадокса одновременности общего характера и частного выражения определенного вида иллюзии. И если возвращаться к анализу понятия прайминга, то возникает вопрос, являются ли разные виды и теории прайминга средствами решения одной и той же научной проблемы. И даже более того — используются ли они в принципе для решения какой-либо

научной проблемы. Койфман в своей статье приводит многочисленные примеры и даже классификацию принципиально разнородных понятий прайминга. Но это различие может быть связано не только с различием прайминг-процедуры и прайминг-эффекта, но и с «проблемным» различием использующих данные процедуры и эффекты подходов. Так, например, использование прайминга в рамках «проспективной теории» Канемана и Тверски можно сблизить со ставшим уже почти священным спором низкоуровневых и высокоуровневых подходов — что вроде бы характерно и для многих других вариантов использования эффекта прайминга. Но при этом в проспективной теории прайминг выделяется как один из двух механизмов эффекта привязки и противопоставляется «процессам корректировки» как принадлежащий автоматической и неосознаваемой Системе 1 (см. Канеман, 2014, с. 159–171). А это означает, что прайминг связывается с низкоуровневой концепцией, но решаемая проблема не связана с выбором между высокоуровневыми и низкоуровневыми концепциями. Тогда как в других подходах прайминг может использоваться для обоснования нисходящих процессов обработки зрительной информации, то есть для обоснования высокоуровневых в противовес низкоуровневым концепциям (обзор см. Фаликман, 2015).

Итак, в качестве развития продемонстрированного в статье Койфман детальнейшего анализа, предполагаем, что реконструкция решаемых научных проблем может существенно уточнить понимание разных видов прайминга, а также поможет соотнести эти виды с понятиями из других теорий. Если учет решаемой проблемы помогает усвоить логику и детали таких понятий, как «установка» и «деятельность», то, возможно, и анализ понятия «прайминг» через решаемые этим понятием научные проблемы может помочь понять логику развития этого понятия. Естественно, если соответствующие исследования в принципе направлены на решение какой-либо научной проблемы — что присуще далеко не всем научно-психологическим исследованиям. Научные проблемы могут быть очень разными, но критически важно, чтобы такая проблема в принципе в исследовании хотя бы ставилась.

Литература

Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. Москва: Смысл, 2002.

Вертегеймер М. О гештальттеории // История психологии. Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. Екатеринбург, 1999. С. 184–201.

Дормашев Ю. Б. Схема предмета психологии // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. М.: Смысл, 2002. С. 45–55.

Дормашев Ю. Б. Гештальт деятельности // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 2. М.: Смысл, 2006. С. 60–76.

Дюркгейм Э. Происхождение основных понятий или категорий ума // Общая психология. Тексты: в 3 т. Т. 1: Введение. Книга 3. М.: Когито-Центр, 2013. С. 392–402.

Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.

Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2014.

Келер В. Некоторые задачи гештальтпсихологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию». М., 1999. С. 205–210.

Койфман А. Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 45–62. <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoifmanRJCS2016.pdf>

Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию // Хрестоматия по психологии. Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской. 1999. С. 126–143.

Крейк Ф. Уровни обработки: прошлое, настоящее... и будущее? // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия / Под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. 2011. С. 322–332.

Крейк Ф., Локхарт Р. С. Уровни обработки и подход П. И. Зинченко к исследованию памяти // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 14–18.

Мещеряков Б. Г. Мнемические эффекты П. И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 5–13.

Ромащук А. Н. Теория деятельности А. Н. Леонтьева и проблема преодоления двухфакторных подходов к детерминации психики // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. Т. 2. С. 26–39.

Тухтиева Н. Х. Влияние иррелевантных параметров задач на эффект установки (на примере эффектов Лачинса и Узнадзе). СПб.: СПбГУ, 2013.

Тухтиева Н. Х. Изменение иррелевантных параметров задач Лачинса как условие выбора новых способов решения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 129: Научный журнал. 2011. С. 98–102.

Узнадзе Д. Н. Психология установки. М., СПб.: Питер, 2001.

Фаликман М. В. Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход. М.: МГУ им. М. В. Ломносова, 2016.

Шиффман Х. Р. Ощущение и восприятие. СПб.: Питер, 2003.

Köhler W. Some tasks of Gestalt psychology // Psychologies of 1930 / C. Murchison (Ed.). Worcester, Mass: Clark University Press, 1930. P. 143–160.

Luchins A. S., Luchins E. H. New experimental attempts at preventing mechanisation in problem solving // Journal of General Psychology. 1950. Vol. 42. P. 279–297.

Skvortsov A., Romashchuk A. Single case studies as a means for developing psychological theories // PsyCh Journal. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 231–242.

Wertheimer M. Über Gestalttheorie. Vortrag, gehalten in der Kant-Gesellschaft. Berlin: 1924.

discussion

About the Priming of Scientific Terms and the Set towards Solving Scientific Problems

Alexander N. Romaschuk

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The purpose of the article is to support the statement that a scientific problem is the key point in analyzing theories. The importance of the scientific problem in considering techniques, concepts and effects are demonstrated in a discussion of the theory of set by D.N. Uznadze, the method developed by A. Luchins and experiments conducted by P.I. Zinchenko within the framework of the theory of activity. It is stressed as well that a scientific problem is not just a lack of knowledge, but a particular kind of contradiction, where two competing theoretical positions are true. Ignoring a scientific problem leads only to a formal comparing of research. This can be seen in experiments of priming. The word play in the title of the article emphasizes that considering a scientific problem facilitates exploration of a theory or a single experiment more comprehensively. Examples relevant to the principle of wholeness were selected for discussion.

Correspondence: Alexander N. Romaschuk, ofitsran@mail.ru; 11/9 Mokhovaya st., 125009 Moscow, Russia

Keywords: principle of wholeness, scientific problem, gestalt theory, set theory, theory of activity

Copyright © 2017. Alexander N. Romaschuk. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received February 16, 2017, accepted March 25, 2017.

References

- Asmolv, A.G. (2002). *Po tu storonu soznaniia: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii* [Beyond consciousness: methodological problems of nonclassical psychology]. M.: Smysl. (In Russian).
- Craik, F. (2002). Levels of processing: Past, present... and future? *Memory*, 10(5--6), 305–318.
- Craik, F.I.M., & Lockhart, R.S. (2008). Levels of processing and Zinchenko's approach to memory research. *Journal of Russian and East European Psychology*, 46(6), 52–60. doi:10.2753/RPO1061-0405460605
- Dormashev, J.B. (2006). Geshtalt dejatelnosti [Gestalt of activity]. In *Uchyoniye zapiski kafedry obschey psikhologii MGU imeni M. V. Lomonosova* [Scientific notes of the Department of General Psychology of Lomonosov Moscow State University. Issue 2] (pp. 60–76). M.: Smysl. (In Russian).
- Durkheim, E. (2013). Proishozhdenie osnovnykh ponjatij ili kategorij uma. In *Obshhaja psihologija. Teksty: v 3t. T. 1: Vvedenie. Kniga 3* (pp. 392–402). M.: Kogito-Centr. (In Russian).
- Falikman, M.V. (2016). *Struktura i dinamika zritel'nogo vnimaniia pri reshenii perceptivnykh zadach: konstruktivno-dejatel'nostnyj podhod* [Structure and dynamics of visual attention in perceptual tasks: constructive and activity approach]. Unpublished doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Kaneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. New York: Macmillan.
- Koffka, K. (1922). Perception: an introduction to the Gestalt-Theorie. *Psychological Bulletin*, 19(10), 531–585.
- Köhler, W. (1930). Some tasks of Gestalt psychology. In C. Murchison (Ed.), *Psychologies of 1930* (pp. 143–160). Worcester, Mass: Clark University Press.
- Koyfman, A.Y. (2016). Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena? *Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 45–62. (In Russian). Retrieved from <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Luchins, A.S., & Luchins, E.H. (1950). New experimental attempts at preventing mechanisation in problem solving. *Journal of General Psychology*, 42, 279–297.
- Meshcheryakov, B.G. (2008). The mnemonic effects of P.I. Zinchenko. *Journal of Russian and East European Psychology*, 46(6), 15–40. doi:10.2753/rpo1061-0405460602
- Romashuk, A.N. (2013). Teorija dejatel'nosti A.N. Leonteva i problema preodolenija dvuhfaktornykh podhodov k determinacii psihiki [Leontiev's theory of activity and the problem of two-factor approaches to determination of the mind]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14. Psihologija*, 2, 26–39. (In Russian).
- Shiffman, H.R. (1990). *Sensation and perception: An integrated approach*. Oxford, England: John Wiley & Sons.

- Skvortsov, A., & Romashchuk, A. (2015). Single case studies as a means for developing psychological theories. *PsyCh Journal*, 4(4), 231–242.
- Tuhtieva, N. H. (2011). Izmenenie irrelevantnykh parametrov zadach Luchinsa kak uslovie vybora novykh sposobov reshenija [Influence of irrelevant parameters of Luchins task as a condition of choice of new solutions]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gerce-na. № 129: Nauchnyj zhurnal*, , 98–102. (In Russian).
- Tukhtieva, N. K. (2013). Vliianie irrelevantnykh parametrov zadach na effekt ustanovki (na primere effektov Luchinsa i Uznadze) [Influence of irrelevant parameters in tasks on the Einstellung effect (taken Luchins effect and Uznadze effect as examples)]. Unpublished doctoral dissertation, Saint-Petersburg State University. (In Russian).
- Uznadze, D. N. (1966). *The psychology of set*. New York: Plenum. (In Russian).
- Wertheimer, M. (1924). *Über Gestalttheorie. Vortrag, gehalten in der Kant-Gesellschaft*. Berlin.
- Zinchenko, P. I. (1961). *Neproizvolnoe zapominanie [Involuntary memory]*. M.: Izd-vo APN RSFSR. (In Russian).

ДИСКУССИЯ

Прайминг и установка на материале решения мыслительных задач

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А. Я. КОЙФМАН «УСТАНОВКА И НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРАЙМИНГ: РАЗНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЛИ РАЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ?»

Владимир Ф. Спиридонов

Факультет психологии ИОН РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. Статья представляет собой полемическую реплику в рамках дискуссии о сравнении феноменов прайминга и установки, начатой статьей А. Я. Койфман (2016). Делается попытка сопоставить два названных феномена на материале экспериментальных исследований процесса решения задач. Выявляются трудности такого подхода. Предлагается репликация феномена фиксированной установки с целью обнаружения его методических и концептуальных ограничений.

Контактная информация: Владимир Ф. Спиридонов, vfspiridonov@yandex.ru; 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1.

Ключевые слова: прайминг, установка, решение задач и проблем, эффекты «истории» в процессе решения

© 2017 Владимир Ф. Спиридонов. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2017 г. Принята в печать 23 марта 2017 г.

Проблема определений

Дискуссии — одна из самых интересных и мотивирующих составных частей научного исследования (и вообще занятий наукой). Особенно когда предметом обсуждения становятся не просто спорные вопросы в рамках одной и той же исследовательской традиции, а явления, «проросшие» в совершенно разных областях, но обладающие явным (возможно, поверхностным) сходством. Нужно высказать все возможные комплименты А. Я. Койфман (2016) за то, что она всерьез попыталась сравнить чрезвычайно трудно сравнимое: установку и семантический прайминг. За одним понятием стоит весьма насыщенная когнитивная теоретико-экспериментальная традиция, требующая строгих моделей и проверяемых эмпирических следствий, за другим — бессмертная советская психология, тяготеющая к максимально широким обобщениям, философской фундированности своих построений и легко переходящая от логической аргументации к рассуждениям по аналогии. Искомое сравнение может быть проведено по очень многим линиям и требует какого-

то совершенно нетривиального набора категорий для подобной работы (предложенная А. Я. Койфман трехчастная структура явно недостаточна для этой цели). Осложняет ситуацию и то обстоятельство, что установка и прайминг даже в пределах своих «родных» традиций не имеют однозначного определения и, похоже, скрывают под одной «обложкой» множество процессов и феноменов.

В таких непростых условиях при отсутствии достаточных ориентиров можно попробовать сопоставить названную понятийную пару на каком-то богатом эмпирическом материале, выделив некоторые возможные линии сходства и противопоставления. Подобный материал в избытке предоставляет психология решения задач и проблем, имеющая долгую традицию анализа разнотипных связей и влияний в структуре процесса решения различных проблемных ситуаций. Предложенный способ действий заодно позволит избежать гиперобобщений, не мотивированных эмпирическими или экспериментальными результатами.

Для ориентировки в материале нам необходимы операциональные определения обсуждаемых феноме-

нов. Применительно к праимингу их несложно найти: *праиминг* — это изменение способности опознать или извлечь из памяти объект в результате предшествующей встречи с ним (Schacter, Buckner, 1998; Фаликман, 2006); или: под *праимингом* в общем виде понимается эффект изменения параметров ответа на стимул при выполнении некоторой задачи (это может быть, например, изменение скорости или точности ответа или вероятности ответа определенного типа) в результате предшествующей встречи с тем же или подобным стимулом по сравнению с нейтральным условием (McNamara, 2005; Фаликман, Койфман, 2005; цит. по Койфман, 2016).

С установкой дело обстоит сложнее: ее определения в операциональных, «поведенческих» терминах — большая редкость. А общая дефиниция — *установка* — готовность к определенной активности (Узнадзе, 1997) — плохо подходит для конкретной аналитической работы. Двусмысленность этого определения хорошо иллюстрируется противопоставлением первичной и фиксированной установок. Как явствует из разъяснений Д. Н. Узнадзе и некоторых его последователей, *первичная установка* возникает, когда потребность, имеющаяся у человека, «находит» конкретные внешние предметы или явления, которые могут выступать средствами ее удовлетворения (Узнадзе, 1997; Чхартишвили, 1971). (Вообще, весь обрисованный процесс очень напоминает «опредмечивание потребностей», когда-то описанное А. Н. Леонтьевым (1975); я не берусь судить, кто из классиков предложил эту идею раньше). Построить операциональное определение в этом случае кажется затруднительным. *Фиксированная* же (или вторичная) *установка* возникает в результате широко известных эмпирических процедур многократного предъявления ряда объектов для сравнения, что приводит к устойчивому поведенческому ответу. Ошибочный (например, контрастный) характер такого ответа в экспериментальных условиях отличает установку от традиционных видов научения. Фиксированная установка, насколько можно судить по текстам, также получает активистскую и потребностную интерпретацию (Узнадзе, 1997; Асмолов, 2002). Таким образом, операционально в последнем случае *установка* — это устойчивый (чаще всего ошибочный, не соответствующий ситуации) поведенческий паттерн, который формируется в ходе многократного взаимодействия с конкретными объектами в повторяющихся однотипных условиях. Считать ли оба типа установки явлениями одного круга — дело вкуса (скажем, Ш. Н. Чхартишвили (1971) утверждал, что это настолько разнородные явления, что они даже требуют различных названий).

Сравнивать праиминг с первичной установкой нет никаких оснований; это явления абсолютно разного порядка. В первую очередь следует указать на потребностно-мотивационную природу первичной установки и непроясненность механизмов ее формирования. Здесь имеет смысл напомнить о необходимости последовательно противопоставлять объяснения «интеллектуальных» и «аффективных» процессов (при их очевидной неразделимости в ходе функционирования), о чем писал еще Ж. Пиаже (Piaget, 1951). Это совсем разные и несводимые друг к другу объяснитель-

ные модели; мотивационные объяснения когнитивных феноменов — типичные псевдообъяснения¹. В этом отношении характерные для некоторой части отечественных психологов весьма эмоциональные рассуждения о «потерянном» в когнитивных исследованиях человеке представляются очевидной нелепостью.

Фиксированная установка (особенно если отбросить ее мотивационно-потребностное объяснение и настаивать на когнитивной природе самого феномена) действительно обладает целым рядом черт, которые сближают ее с некоторыми видами праиминга. Так, можно отметить осознаваемый характер обоих явлений в случае традиционных методических процедур их получения и сублиминальный — в случае специальных усилий, направленных на ограничение осознания; какое-то количество времени или повторов, необходимых для формирования обоих явлений (однако в этом пункте начинаются и различия — см. ниже); «срабатывание» определенного поведенческого паттерна в аналогичной или сходной стимульной (предметной) ситуации; кажется, что его ошибочным характером можно пренебречь (как это сделал сам Узнадзе), иначе установка останется экспериментальным раритетом. Таким образом, сравнение праиминга с фиксированной установкой кажется более мотивированным, чем с установкой первичной.

Фиксированная установка, праиминг и процесс решения мыслительных задач

Наибольший интерес для наших целей представляет группа феноменов, которые можно до некоторой степени условно объединить под именем *диахронических эффектов* или *эффектов «истории»*. Речь идет о широком круге явлений, когда в результате действий экспериментатора, использующего различные типы задач, подсказок и иных способов воздействия на процесс решения, происходят значимые устойчивые («исторические») изменения в содержании, структуре или динамике мыслительного процесса (их аналоги случаются и во внеэкспериментальных ситуациях). В русскоязычных работах подобные явления иногда терминологически обозначали как *функциональное развитие мышления* (см., например, Петухов, 1987). Часть из них прямо касается данной темы.

А. Осознаваемый и сублиминальный праиминг в ходе решения

Начать обсуждение разумно со случаев применения праиминга для непосредственного влияния на содержание процессов решения мыслительной задачи. Здесь праиминг выступает как методический при-

¹ Несомненно, за «спиной» когнитивных процессов стоит та или иная побуждающая их мотивация. Однако искомое «когнитивное» объяснение когнитивных явлений направлено на поиск совсем иных механизмов: они должны быть сформулированы на языке представлений о переработке информации (то есть снижения неопределенности) и/или включать в себя описание взаимодействия моторных, перцептивных, интеллектуальных, мнестических, эмоциональных и т.д., то есть разноплановых «информационноядных» структур.

ем для проверки содержательных гипотез, связанных с механизмами преодоления неопределенности и отыскания ответа.

В качестве примера исследований с использованием сублиминального прайминга можно привести работы А. А. Четверикова (2010) и А. А. Федоровой (2013), в которых с помощью этого методического приема подсказывалось полное правильное решение инсайтной задачи. Процедура исследования заключалась в том, что через 60 секунд после начала решения задачи «Восемь монеток», которое совершалось с помощью интерфейса *drag-and-drop* на экране ноутбука, испытуемые получали сублиминальную подсказку — изображение искомого расположения монет (80 мс) с двумя масками (по 40 мс) — до и после прайма. В качестве контрольных условий использовались также предъявляемые сублиминально на то же самое время различные изображения неверного расположения монет. В обоих исследованиях получено значимое влияние предъявления праймов на скорость решения (хотя оно имело противоположные знаки, мы оставим теоретическое обсуждение и объяснение результатов за рамками дискуссии). Аналогично в методическом плане была устроена работа М. Хаттори (Hattori et al., 2013), в которой также было получено значимое влияние прайма на зависимые переменные. Во всех цитированных случаях к значимому эффекту приводило однократное неосознаваемое воздействие прайма (его сублиминальный характер контролировался во всех названных работах; особенно строго — в последней). По-видимому, говорить о формировании фиксированной установки здесь не приходится.

Использование осознаваемого прайминга применительно к процессу решения задач — существенно более частотная процедура, поскольку в качестве такого можно интерпретировать самые разные подсказки как до, так и по ходу решения. В качестве примера приведем попытку повлиять на креативность испытуемых, предпринятую в нашей работе (Спиридонов, Абисалова, 2013). В ходе эксперимента испытуемые одно за другим выполняли три задания. Два первых были разработаны, чтобы осуществить семантический прайминг заданных категорий. Для этого из базы ответов на тест креативности Гилфорда («Необычное использование предметов»), которая была собрана на предварительной фазе исследования, отобрали четыре категории ответов: две частотные (встречались более чем в 75 % протоколов) и две редкие (менее чем в 25 % протоколов). Эти категории представляли собой словесные ответы, полученные в пилотажных сериях. Испытуемых, участвовавших в основной серии, просили составить и записать два любых предложения со словами, которые даст экспериментатор, и предъявляли по одному слову на каждое предложение. Этими словами являлись указанные выше частотные или редкие категории. После этого испытуемым давалось восемь пар слов, к каждой из которых надо было подобрать обобщение (то есть назвать категорию), при этом испытуемые генерировали два-три варианта ответа. Категории, использование которых провоцировалось, были теми же, что и в первом задании. Затем испытуемые выполняли тест креативности Гилфорда. Первая эксперимен-

тальная группа получала в заданиях на семантический прайминг две частотные категории, вторая — одну частотную и одну редкую, а третья — две редкие. Вторая группа выступала как контрольная по отношению к остальным, поскольку позволяла оценить влияние двух конкурирующих праймов.

Полученные результаты показали, что оригинальность ответов в группе, получившей в качестве прайма две редкие категории, значимо выше, чем в группе, получившей две частотные категории. Стоит обратить внимание, что значимые различия наблюдаются между первой и третьей группами, тогда как результаты второй группы (с противоречивыми категориями) не имеют значимых различий с другими группами. На частоту использования подсказанных категорий наша процедура повлияла в не слишком большой степени — лишь на одну категорию из четырех использованных.

Возможно, с учетом процедурных подробностей последнего эксперимента эти результаты могут быть интерпретированы как действие сформировавшейся фиксированной установки. Однако обращает на себя внимание сущность полученного эффекта: осознаваемый прайминг значимо повлиял на оригинальность будущих ответов и в значительно меньшей степени — на их семантику. То есть мы вряд ли можем объяснить полученный феномен иррадиацией фиксированной установки (ее переносом из одной модальности в другую) или ее генерализацией (ее переносом на новые объекты, между которыми сохраняется ключевое отношение, аналогичное связывавшему их в обучающей ситуации). Таким образом, оба вида прайминга порождают эффекты «истории»; однако возникает ли при этом хотя бы в одном из случаев фиксированная установка?

Б. Моторная тренировка перед решением задачи

Предварительная моторная тренировка — еще один удобный способ повлиять на протекание мыслительного процесса в ходе эксперимента. Если решение задачи включает в себя какой-то моторный компонент, можно попробовать путем выполнения некоторых моторных проб до начала решения основной задачи повлиять на последующие действия решателя.

В работе Р. Вейсберга и Дж. Альбы (Weisberg, Alba, 1981), выполненной на материале задачи «Девять точек», испытуемым на обучающем этапе эксперимента предъявлялись задачи, требовавшие соединить точки прямыми. В контрольном условии предварительные тренировочные задачи решались только с помощью линий, проводимых в границах перцептивного квадрата, а в экспериментальном — помимо этого требовалось использовать линии, которые выходили за пределы этого квадрата. Подобная тренировка привела к значимому повышению количества успешных решений задачи «Девять точек» — 43 % по сравнению с 0 % в контрольной группе. Вывод об эффективности моторной тренировки был подтвержден в работе Ч.-Т. Лунга и Р. Доминовского (Lung, Dominowski, 1985), в которой после серии тренировочных задач (в основном требовавших линий, которые выходили за пределы квадрата) эффективность решения задачи «Девять

точек» в экспериментальной группе значимо увеличилась относительно контрольной группы — 22% и 9%, соответственно. Вдобавок к этому в нашем исследовании (Спиридонов, Лифанова, 2013) было показано, что однократное копирование прямых линий, входящих в состав правильного решения, существенно увеличивает количество проб, необходимых для нахождения ответа по сравнению с контрольной группой.

Два первых результата (и множество подобных) вполне интерпретируемы в терминах фиксированной установки: неоднократные повторы движений, составляющих правильное решение, увеличивают процент успешных решателей. Непонятно, можно ли объяснить в таком же ключе последний результат: с позиции Узнадзе, однократное повторение (в нашем случае — копирование) не должно иметь каких-либо существенных последствий. Однако оно ведет к значимому негативному эффекту.

В. Различные формы переноса

Однако самыми интересными с точки зрения обсуждаемой темы являются работы, связанные с феноменом переноса. Этим термином, введенным В. Келером (Köhler, 1917/1921), обозначают использование найденных ранее способов решения задачи для решения новых (сходных в каком-то отношении) проблемных ситуаций. Сами гештальтпсихологи придерживались узкого определения, считая, что о переносе можно говорить лишь в случае приложения уже известного способа решения к структурно подобной задаче (см. обзор в работе Прангшвили и др., 1999).

Систематическое экспериментальное изучение положительного переноса показало, что в обычных условиях это нечастое явление: спонтанный (то есть совершаемый без специальной инструкции) перенос имеет место менее чем в 20% случаев (Gick, Holyoak, 1980). Иной аспект проблемы демонстрирует другой эксперимент из той же статьи. Используя две сходные задачи, авторы изучали роль собственной активности решателей в переносе. Одна группа испытуемых последовательно решала обе экспериментальные задачи, а вторая после нескольких неудачных попыток получала правильный ответ на первую задачу в готовом виде. Оказалось, что лишь 41% из решивших первую задачу самостоятельно и 75% испытуемых второй группы затем достигали правильного решения второй задачи. Таким образом, получается, что ознакомление с решением сходной задачи в готовом виде существенно эффективнее для возможного переноса, чем самостоятельные поиски. Итогом этого и целой группы похожих исследований может служить вывод: чтобы перенос состоялся с высокой вероятностью, необходимо не только решать задачу, но и специально искать аналогии между двумя (или более) проблемными ситуациями.

Добавим еще один экзотический пример положительного переноса. Недостаток описанных экспериментальных методов фиксации переноса связан с использованием всего двух задач. Такая ситуация чрезвычайно затрудняет работу испытуемого (обе предъявленные ему задачи содержат огромное количество «шумовых» элементов, которые невозможно

отсечь, имея всего один целевой пример). Мы модифицировали традиционный метод задач, перейдя от использования изолированных проблемных ситуаций к их «семействам», то есть к наборам задач возрастающей трудности, упорядоченных по определенным структурным признакам. Это позволяет от изучения локального переноса, когда способ решения однократно переносится или не переносится с базовой задачи на целевую, перейти к анализу *систематического* переноса, когда сходные способы решения могут последовательно переноситься с одного члена семейства на другого (теоретический и методический анализ, см. Спиридонов, 2013). Предлагая испытуемым для решения задачи, составляющие семейство, в прямом порядке (то есть с учетом возрастающей трудности, которая опирается на их структурные особенности) или в квазислучайном порядке, можно обнаружить значимый положительный перенос в первом случае. Любопытно, что данный экспериментальный феномен закономерно ограничен уровнем экспертности решателей (у слабых решателей он распространяется только на задачи, решаемые линейными уравнениями; у очень сильных — «эффектом потолка»: независимо от экспериментальных манипуляций они успешно решают практически все предложенные задачи), содержанием проблемных ситуаций (в чистом виде феномен получен на материале семейства задач «на движение») и т. п. (подробнее см. Спиридонов, 2013).

Напротив, отрицательный перенос — явление много более частое. Классический пример получен в экспериментах А. Лачинса (Luchins, 1942), который давал своим испытуемым для решения последовательность задач (типа «сосуды с водой»). Результаты этого исследования показывают, что успешное решение серии задач с опорой на один и тот же способ приводит к его использованию впоследствии, даже если он становится неэффективным в новых условиях. На аналогичном материале в целой серии исследований был получен удручающий вывод: чем больше усилий мы тратим на открытие принципа решения, тем с большей вероятностью и с большим упорством будем придерживаться его в дальнейшем. Отметим, что в силу процедурных особенностей цитированных экспериментов в данном случае мы видим примеры именно систематического переноса.

Интерпретировать результаты, связанные с локальным спонтанным переносом, в терминах прайминга или установки затруднительно. Эффективность подобного переноса невысока, а лежащие в его основе факторы и ограничения не очень понятны. Особенно это касается самого предмета переноса: ответа на вопрос о том, как решатель репрезентирует способ решения в ходе мыслительного процесса и после нахождения ответа — предмет жарких дискуссий (см., например, Danek et al., 2013). Специальная инструкция искать аналогии между задачами вообще переводит соответствующие исследования в иную плоскость, далекую от нашей темы.

Систематический перенос, напротив, кажется максимально релевантным предметом для объяснения. Напомню, что сам Лачинс (Luchins, 1942) называл открытое им явление *мыслительной установкой*, чему

в немалой степени способствовали методические особенности его экспериментов, в которых испытуемые могли обнаружить и использовать в дальнейшем один и тот же способ решения. Однако наши эксперименты (Спиридонов, 2013) показывают, что систематический перенос (конечно, более слабый по сравнению с открытым Лачинсом) происходит и в том случае, когда единый конкретный метод решения отсутствует, а задачи становятся структурно все более сложными. Применимы ли в этом случае понятие прайминга или понятие фиксированной установки?

Заключение

Эффекты «истории» дают определенный простор для сопоставления анализируемой пары понятий не на самом традиционном материале. Причем легко увидеть, что общей «объясняемой» реальностью оказываются *психологические механизмы*, реализующие процесс решения мыслительных задач. Однако тут мы сталкиваемся с той трудностью, с которой начинали это обсуждение: при наличии очевидных объяснительных возможностей, предоставляемых и понятием фиксированной установки, и понятием прайминга (если он понимается не как технический экспериментальный прием), их использование спотыкается о недостаточную теоретическую проработку (скажем, не слишком понятны условия их возникновения, ключевые факторы, определяющие их эффективность, операциональные признаки, отличающие их от множества сходных явлений и др.). Особенно эти претензии касаются феномена и понятия фиксированной установки. Здесь и описание методических приемов ее получения в эксперименте, и указание содержательных отличий от целой группы сходных явлений (различных форм научения, включая формирование моторных навыков, привлекательных или отталкивающих элементов психологического поля (в смысле К. Левина), развития инструментальной агрессии (по А. Бандуре), сформированных в прошлом опыте способов решения типичных задач, эвристических стратегий и т.п.) не выдерживают никакой критики. В результате ответить на вопросы, которые возникают в ходе анализа процесса решения мыслительных задач, не удается (скажем, может ли фиксированная установка возникнуть после одного предъявления сублиминальной или осознаваемой подсказки, или можно ли (разумно ли) называть установкой повышение успешности решения серии задач, относящихся к одному семейству, в ходе их последовательного решения, или как может формирование установки лимитироваться компетентностью решателей и т.п.). В психологии решения задач и проблем можно было бы подобрать иные примеры эффектов «истории», но, кажется, что это не изменило бы неуверительных выводов.

Конечно, можно легко обобщить понятие фиксированной установки, добавив в определение новые признаки, как это и было сделано в реальной истории отечественной психологии. В итоге это привело к постепенному превращению установки в объяснительный принцип высокого уровня и сделало почти

невозможной экспериментальную фальсификацию теорий, построенных на основе этого понятия. Кажется, что надо «второй раз войти в эту реку»: много лет идут разговоры о необходимой репликации классических экспериментальных результатов советской психологии. Фиксированная установка — явно один из первых претендентов на место в этом ряду.

Литература

- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. Москва: Смысл, 2002.
- Койфман А. Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. №4. С. 45–62. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/Koyfman-RJCS2016.pdf>.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Петухов В. В. Психология мышления: учебно-методическое пособие для студентов факультета психологии государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Прангишвили И. В., Абрамова Н. А., Спиридонов В. Ф., Коврига С. В., Разбегин В. П. Поиск подходов к решению проблем. М.: ИНТЕГ, 1999.
- Спиридонов В. Ф. Новые методы изучения мыслительных процессов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. №4. С. 5–38.
- Спиридонов В. Ф., Абисалова Е. А. Изменение показателей креативности с помощью семантического прайминга // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. №3. С. 122–130.
- Спиридонов В. Ф., Лифанова С. С. Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. №3. С. 54–63.
- Узнадзе Д. Н. Теория установки. Москва, Воронеж: Институт практической психологии, 1997.
- Фаликман М. В. Общая психология: В 7 т. Т. 4. Внимание. М.: Академия, 2006.
- Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминг-эффектов в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. №4. С. 81–90.
- Федорова А. А. Репрезентация пространственных инсайтных задач на стадии инкубации // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: БукиВеди, 2013. С. 303–307.
- Четвериков А. А. Неосознаваемые подсказки при решении задач // Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления. Материалы конференции молодых ученых памяти К. Дункера. М.: РГГУ, 2010. С. 61–68.
- Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Danek A. H., Fraps T., von Müller A., Grothe B., Öllinger M. Aha! experiences leave a mark: facilitated recall of insight solutions // Psychological Research. 2013. Vol. 77. No. 5. P. 659–669. doi:10.1007/s00426-012-0454-8
- Gick M. L., Holyoak K. J. Analogical problem solving // Cognitive Psychology. 1980. Vol. 12. No. 3. P. 306–355. doi:10.1016/0010-0285(80)90013-4
- Hattori M., Sloman S. A., Orita R. Effects of subliminal hints on insight problem solving // Psychonomic Bulletin & Review. 2013. Vol. 20. No. 4. P. 790–797. doi:10.3758/s13423-013-0389-0
- Köhler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. Berlin: Springer-Verlag, 1917/1921.
- Luchins A. S. Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung // Psychological Monographs. 1942. Vol. 54. No. 6. P. i–95. doi:10.1037/h0093502

Lung C.-T., Dominowski R.L. Effects of strategy instructions and practice on nine-dot problem solving // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11. No. 4. P. 804–811.

McNamara T.P. Semantic priming: Perspectives from memory and word recognition (*Essays in cognitive psychology*). New York and Hove: Psychology Press, 2005.

Piaget J. *The Psychology of Intelligence*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.

Schacter D.L., Buckner R.L. Priming and the brain // *Neuron*. 1998. Vol. 20. No. 2. P. 185–195.

Weisberg R. W., Alba J. W. An examination of the alleged role of "fixation" in the solution of several "insight" problems // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1981. Vol. 110. No. 2. P. 169–192.

discussion

Priming and Set in Problem Solving

COMMENTS ON A. YA. KOYFMAN'S "SET AND UNCONSCIOUS SEMANTIC PRIMING: TWO DIFFERENT LABELS OR TWO DISTINCT PHENOMENA?"

Vladimir F. Spiridonov

Department of Psychology, SPP RANEPa, Moscow, Russia

The article is a polemical remark in the discussion on a comparison of priming and set, begun by A. Koyfman (2016). An attempt is made to compare the two named phenomena on the basis of experimental studies of problem solving. The difficulties of this approach are revealed. A replication of the original fixed set effect is proposed in order to detect its methodological and conceptual scope and limitations.

Correspondence: Vladimir F. Spiridonov, vfspiridonov@yandex.ru, 82-1 Vernadsky avenue, 119571 Moscow, Russia

Keywords: priming, set, problem solving, history effects in problem solving

Copyright © 2017. Vladimir F. Spiridonov. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received February 18, 2017, accepted March 23, 2017.

References

- Asmolv, A. G. (2002). *Po tu storonu soznaniia: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii [Beyond consciousness: methodological problems of nonclassical psychology]*. Moscow: Smysl. (In Russian).
- Chetverikov, A. A. (2010). Neosoznavaemye podskazki pri reshenii zadach [Unconscious hints in problem solvings]. In V. F. Spiridonov (Ed.), *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikhologii myshleniia. Materialy konferentsii molodykh uchenykh pamiati K. Dunkera [Problems in theoretical and applied psychology of problem solving. Proceedings of the young scientist conference in memory of Karl Duncker]* (pp. 61–68). M.: RSUH. (In Russian).
- Chkhartishvili, S. N. (1971). *Nekotorye spornye problemy psikhologii ustanovki [Some disputable questions in psychology of set]*. Tbilisi: Metsniereba. (In Russian).
- Danek, A. H., Fraps, T., von Müller, A., Grothe, B., & Öllinger, M. (2013). Aha! experiences leave a mark: facilitated recall of insight solutions. *Psychological Research*, 77(5), 659–669. doi:10.1007/s00426-012-0454-8
- Falikman, M. V. (2006). *Vnimanie T. 4 serii "Obshchaya psikhologiya" [Attention. General Psychology series, vol. 4]*. Moscow: Academia. (In Russian).
- Falikman, M. V., & Koyfman, A. Y. (2005). Vidy praiming-effektov v issledovaniyah vospriyatiya y perceptivnogo vnimaniya [Typology of priming effects in research on perception and attention]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Series 14: Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, (4), 81–90. (In Russian).
- Fedorova, A. A. (2013). Rerezentatsiia prostranstvennykh insaitnykh zadach na stadii inkubatsii [Representation of the spatial insight problems at the incubation stage]. In E. Печенковой, & М. Фаликман (Eds.), *Cognitive Science in Moscow: New Research. Conference proceedings* (pp. 303–307). M.: БукнВедн. (In Russian).
- Gick, M. L., & Holyoak, K. J. (1980). Analogical problem solving. *Cognitive Psychology*, 12(3), 306–355. doi:10.1016/0010-0285(80)90013-4
- Hattori, M., Sloman, S. A., & Orita, R. (2013). Effects of subliminal hints on insight problem solving. *Psychonomic Bulletin & Review*, 20(4), 790–797. doi:10.3758/s13423-013-0389-0
- Köhler, W. (1917/1921). *Intelligenzprüfungen an Menschenaffen., Vol. 134*. Berlin: Springer-Verlag.
- Koyfman, A. Y. (2016). [Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena?]. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 3(4), 45–62. (In Russian). Retrieved from <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Leontiev, A. N. (1978). *Activity, consciousness, and personality*. Englewood Cliffs, Nj: Prentice-Hall.
- Luchins, A. S. (1942). Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung. *Psychological Monographs*, 54(6), i–95. doi:10.1037/h0093502
- Lung, C.-T., & Dominowski, R. L. (1985). Effects of strategy instructions and practice on nine-dot problem solving. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 11(4), 804–811.
- McNamara, T. P. (2005). *Semantic priming: Perspectives from memory and word recognition (Essays in cognitive psychology)*. New York and Hove: Psychology Press.

- Petukhov, V.V. (1987). *Psikhologiya myshleniya [Psychology of thinking]*. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
- Piaget, J. (1951). *The Psychology of Intelligence*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Prangishvili, I. V., Abramova, N. A., Spiridonov, V. F., Kovriga, S. V., & Razbegin, V. P. (1999). *Poisk podkhodov k resheniiu problem [Search for approaches to problem solving]*. Moscow: INTEG. (In Russian).
- Schacter, D. L., & Buckner, R. L. (1998). Priming and the brain. *Neuron*, 20(2), 185–195.
- Spiridonov, V.F. (2013). Novye metody izucheniya myslitel'nykh protsessov [New methods for thinking process research]. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(4), 5–38. (In Russian).
- Spiridonov, V.F., & Abisalova, E. A. (2012). Izmenenie pokazatelei kreativnosti s pomoshch'yu semanticheskogo praiminga [Changes in creativity indices as a result of semantic priming]. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(3), 122–130. (In Russian).
- Spiridonov V. F., & Lifanova, S. S. (2013). Insait i mental'nye operatory, ili mozžno li poshagovo reshit' insaitnuyu zadachu [Insight and mental operators: Are step-by-step solutions of insight tasks possible?]. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(3), 54–63. (In Russian).
- Uznadze, D.N. (1997). *Teoriya ustanovki [The theory of set]*. Moscow, Voronezh: Institut prakticheskoy psikhologii. (In Russian).
- Weisberg, R. W., & Alba, J. W. (1981). An examination of the alleged role of "fixation" in the solution of several "insight" problems. *Journal of Experimental Psychology: General*, 110(2), 169–192.

ДИСКУССИЯ

Установка — всегда прайминг, но не всегда прайминг — установка

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А. Я. КОЙФМАН «УСТАНОВКА И НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРАЙМИНГ: РАЗНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЛИ РАЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ?»

Наталья Сергеевна Куделькина

Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья продолжает предложенное А. Я. Койфман сопоставление феноменов установки (центрального феномена в исследованиях Д. Н. Узнадзе) и прайминга, одного из важных объектов и инструментов исследования в современной когнитивной науке. Делается вывод о том, что, в общем смысле, феномены установки и прайминга суть эффекты предшествования в когнитивной деятельности и с этой точки зрения тождественны. Вместе с тем, с точки зрения организации экспериментальных процедур, далеко не каждый прайминг-эффект является эффектом установки. Приводятся исследования автора с использованием динамического (серийного) прайминга, в которых использовалась экспериментальная парадигма, представляющая из себя своеобразную комбинацию метода маскированного прайминга и метода формирования установки по Узнадзе. В этих экспериментах изучались возможности формирования установок по отношению к неосознаваемым стимулам благодаря манипулированию особенностями организации предшествующего неосознаваемого стимульного ряда.

Контактная информация: Наталья Сергеевна Куделькина, kudelkinans@gmail.com; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, главный учебный корпус УрФУ.

Ключевые слова: прайминг, маскированный прайминг, динамический прайминг, имплицитное научение, неосознаваемый прайминг, установка, контрастная иллюзия, ассимилятивная иллюзия, теория установки Д. Узнадзе

© 2017 Наталья Сергеевна Куделькина. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2017 г. Принята в печать 31 марта 2017 г.

С большим интересом и удовольствием прочитала статью Александры Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?». Семантическое соотнесение двух весьма ярких экспериментальных феноменов — установки (в понимании Узнадзе) и прайминга (в частности неосознаваемого или маскированного прайминга) — на мой взгляд, одновременно и простая, и сложная задача. Дело в том, что данные феномены, в зависимости от точки зрения исследователя, могут выступать как практически тождественные и как существенно различающиеся. С одной стороны, и проявления установки по Узнадзе, и так называемые прайминг-эффекты суть «эффекты предшествования», то есть они эмпирически фиксируют тот факт, что ранее воспринятая информация не исчезает бесследно, а некоторое (иногда весьма продолжительное) время продолжает оказывать влия-

ние на дальнейшую когнитивную деятельность. Это может выражаться в облегчении или затруднении решения тех или иных задач, в появлении определенных когнитивных ошибок (например, у Узнадзе это контрастная и ассимилятивная иллюзии) и т. д. В этом плане установка и прайминг — это всего лишь два оригинальных, эффективных способа экспериментального доказательства одного и того же закона функционирования психики — закона преднастроенности когнитивной системы прошлым опытом. Установочные стимулы Узнадзе — те же праймы. Никакой разницы! И даже тот факт, что в парадигме «маскированного» прайминга стимул-прайм дается в условиях, исключающих возможность осознания, а при формировании установки в классических экспериментах Узнадзе установочные стимулы осознаются, не является, на мой взгляд, кардинальным отличием. Если внимательно присмотреться

к процедуре маскированного прайминга, легко заметить, что в процессе эксперимента испытуемый «работает» как с неосознаваемым рядом стимулов (праймами), так и с осознаваемым контекстом (решаемые когнитивные задачи). При этом довольно спорным моментом является то, насколько в действительности неосознаваемы праймы (см. работы, посвященные проблеме «меры осознанности», например Иванчей, Морошкина, 2011) и в какой степени осознаваемы целевые задачи. Для того чтобы обеспечить «неосознаваемость» стимулов, исследователи используют разнообразные приемы, например сокращение времени экспозиции до нескольких миллисекунд, маскировка (появление непосредственно до или после стимула-прайма отвлекающего графического или цветового объекта), манипулирование вниманием испытуемого (стимул предъявляется вне зоны активного внимания), использование эффекта бинокулярного соревнования, например методика «подавления вспышкой» (испытуемому на два глаза предъявляются два разных стимула, при этом один стимул значительно ярче, чем второй, менее яркий стимул при этих условиях не осознается) и т.д. Но могут ли эти техники гарантировать то, что стимулы-праймы действительно полностью не осознаются? Разумеется, нет. Н. Морошкина и В. Гершкович (2014) так пишут об этой проблеме:

«Несмотря на все ухищрения исследователей в ходе эксперимента, то и дело находят испытуемые, которые или догадываются о введенной неявной информации, или осознают наличие подпороговых подсказок, или эксплицитно запоминают предъявленные на обучающей стадии стимулы и целенаправленно используют это знание в последующих пробах» (с. 17).

Таким образом, неосознаваемость маскированного прайма — это своего рода идеализация, теоретическое допущение. Кроме того, осознаваемый и неосознаваемый контексты настолько сильно взаимообуславливают друг друга (top-down и bottom-up эффекты), что их вполне можно рассматривать как единый ряд, где часть стимулов предъявлены более явно (целевые задачи), а другая часть (праймы) — менее. В свою очередь, испытуемые Узнадзе, несмотря на то что стимулы были предъявлены им эксплицитно, все же в процессе эксперимента имели дело и с имплицитной информацией. Они не осознавали все экспериментальные условия, например, не догадывались о цели исследования, о том, что в тестовом условии (в отличие от предыдущих проб) стимулы являются равными и т.д.

Вместе с тем, если рассмотреть прайминг и установку в более узком инструментальном смысле, с точки зрения экспериментального дизайна, то можно увидеть существенные отличия. Далеко не каждое исследование прайминга является исследованием установки в этом узком понимании.

Значимость экспериментов Узнадзе, с моей точки зрения, заключается не в обнаружении влияния прошлого опыта на последующий («эффекта преднастройки») — эта закономерность функционирования психики, безусловно была известна до него и вообще вряд ли нуждалась в доказательствах. Главная ценность работ этой школы — прежде всего в авторском экспе-

риментальном дизайне, процедуре, позволяющей за короткое время (практически «на глазах»), манипулируя условиями предъявления стимульного материала, сформировать у испытуемого принципиально новую когнитивную установку, которой еще до начала эксперимента у него не было, более того, сформировать ее практически «гарантированно», вне зависимости от индивидуальных особенностей испытуемых. Такая установка оказывается единообразной для всех испытуемых. И хотя у части испытуемых возникает ассимилятивная, а у другой части — контрастная иллюзия, главное — все они оказываются неспособными правильно сравнить стимулы. Поэтому эффекты оказываются статистически более выраженными, стабильно воспроизводимыми (намного более выраженными и четкими, чем в подавляющем большинстве экспериментов с праймингом), на них практически не влияет «шум» в виде индивидуальных доэкспериментальных особенностей восприятия того или иного стимула. Так, Узнадзе, выбрав в качестве стимулов шары одинакового веса (одинаковость этого веса легко определяется среднестатистическим испытуемым), в результате специально организованной предшествующей серии стимулов (кстати, удивительно короткой — чуть больше 10 предъявлений) «вызывает» у испытуемых неспособность правильно сравнить вес этих шаров, то есть появление специфических ошибок-иллюзий. Таким образом, основными характерными условиями эксперимента Узнадзе являются: (1) использование не единичных стимулов, а стимульных серий; (2) отбор изначально «нейтральных» по своему воздействию стимулов, экспериментальные эффекты которых обусловлены самой природой стимула, а специально формируются в процессе эксперимента посредством организации установочной серии.

Такой экспериментальный дизайн при исследовании прайминг-эффектов встречается редко. Гораздо чаще в центре внимания находится воздействие единичного неосознаваемого стимула на решение следующей за ним единичной когнитивной задачи; большое число проб (предъявлений) необходимо здесь лишь для того, чтобы за счет увеличения числа анализируемых случаев зафиксировать статистически «трудноуловимые» прайминг-эффекты. Известно лишь незначительное число исследований, посвященных проблеме информационной переработки серий неосознаваемых стимулов (Balota, 1983; Forster, Davis, 1984; Balota, Paul, 1996; Shanks et al., 2003; Bodner, Dyrpvik, 2005; Bodner, Masson, 2004, 2014). Так, например, было показано, что прайминг-эффект возрастает, если перед целевой задачей давать не один, а два семантически связанных с ней прайма (Balota, Paul, 1996). Этот феномен был назван «аддитивностью прайминг-эффекта». Имеются также доказательства того, что прайминг-эффекты зависят от особенностей построения прайм-листа: последовательности и характера праймов в прайм-серии (Smith et al., 1994; Bodner, Masson, 2004). Например, Г. Боднер и М. Массон (Bodner, Masson, 2004) показывают, что если в прайм-листе содержится 80% правильных неосознаваемых подсказок-праймов и 20% ложных, то правильные подсказки действуют «сильнее» (оказывают более выраженный фасилитационный эффект) на

решение последующих задач по сравнению с действием тех же самых правильных подсказок-праймов, но при условии, что они встречаются в 20% предъявлений, а остальные 80% составляют ложные подсказки. Эти эксперименты показывают, что праймы в стимульном листе действуют как тип контекста, который может влиять на то, как распознается каждый целевой стимул, и на то, какое влияние оказывает каждый прайм.

В исследовании нашей научной группы была разработана и применялась экспериментальная парадигма динамического (серийного) прайминга, представляющая из себя своеобразную комбинацию метода маскированного прайминга и метода формирования установки по Узнадзе. По сути, мы изучали возможности формирования установок по отношению к неосознаваемым стимулам благодаря манипулированию особенностями организации предшествующего, также неосознаваемого стимульного ряда. То есть в фокусе внимания оказывалось не столько влияние неосознаваемого прайма на решение последующей осознаваемой целевой задачи, сколько влияние предшествующих неосознаваемых праймов на когнитивные эффекты последующих. Проведенные исследования подтвердили наши предположения о том, что эффект воздействия того или иного неосознаваемого стимула гораздо в большей степени зависит от особенностей предшествующей серии стимулов, нежели от характеристик самого стимула. Иными словами, один и тот же неосознаваемый стимул-прайм может действовать по-разному (сильнее, слабее, вообще не оказывать эффекта или обнаруживать парадоксальный эффект) в зависимости от того, как была построена предшествующая стимульная серия (даже в том случае, если ни один из стимулов серии не осознается). Проиллюстрирую предложенную экспериментальную парадигму и обнаруженные эффекты на примере трех экспериментов.

В одном из наших экспериментов (Куделькина, Агафонов, 2011, 2012) испытуемый решал серию из 40 когнитивных задач-анаграмм, перед предъявлением каждой из них (за 500 мс до появления анаграммы) он получал маскированный неосознаваемый прайм, который мог быть как правильной подсказкой решения (валидный прайм), так и ложной (невалидный). Валидный прайм представлял из себя само слово — отгадку анаграммы, невалидный был словом которое ни семантически, ни лексически не связано со словом — решением анаграммы. Серия из первых 20 проб была установочной. Нас в первую очередь интересовало, как изменятся когнитивные эффекты последующих праймов в серии (с 21 по 40 пробы) в зависимости от специфики установочной серии. Например, как будут действовать валидные праймы после серии невалидных, или, наоборот, как будут действовать невалидные праймы после серии валидных; как действуют невалидные подсказки, если вся экспериментальная серия состоит только из неправильных подсказок, и т. д.

Мы обнаружили, во-первых, наличие негативного прайминг-эффекта невалидных праймов и позитивного прайминг-эффекта валидных праймов. Несмотря на то что подсказки не осознавались испытуемыми (они замечали только небольшую рябь на экране перед началом предъявления задачи), задачи с правильными

подсказками решались значительно быстрее, с меньшим числом ошибок, и, наоборот, задачи с неправильными подсказками — медленнее и с большим числом ошибок. Кроме того, мы обнаружили эффекты установочной серии: (1) с увеличением числа валидных праймов в экспериментальной серии возрастает позитивный прайминг-эффект (если человек несколько раз подряд неосознанно получает правильную подсказку, то она все больше влияет на процесс решения); (2) негативный прайминг-эффект становится менее выраженным с возрастанием числа невалидных праймов в серии (если человек несколько раз подряд неосознанно получает ложную подсказку, то она все меньше влияет на процесс решения); позитивный прайминг-эффект выражен меньше, когда валидным праймам предшествует серия невалидных (получив несколько неправильных подсказок, человек как бы утрачивает доверие к неосознаваемым подсказкам, и впервые появившиеся в ряду праймов правильные подсказки некоторое время не производят облегчающего эффекта на решение задач). В свою очередь, негативный прайминг-эффект выражен больше, когда невалидным праймам предшествует серия валидных (если человек несколько раз получил правильные подсказки, степень «доверия» неосознаваемым стимулам увеличивается и впервые появившиеся ложные подсказки-праймы некоторое время чрезвычайно сильно затрудняют решение задач).

Воодушевившись полученными результатами, мы решили их перепроверить на действительно «нейтральных» (изначально не обладающих каким-либо действием на решение задач) стимулах (Куделькина, Свиридова, 2012). Нас интересовало, возможно ли при специально организованных экспериментальных условиях сделать так, чтобы стимул, изначально никак не влияющий на когнитивную деятельность, стал оказывать и устойчивое позитивное или негативное воздействие на решение когнитивных задач, если в течение всего эксперимента он ни разу не появляется в зоне осознания? В качестве задач мы использовали «пазлы» — картинки, предварительно разрезанные на 9 разных частей и перемешанные в произвольном порядке (рис. 1). Всего использовалось 24 картинки. Все имели одну тематику и принадлежали кисти одного художника. Были отобраны пазлы приблизительно одинакового уровня сложности.

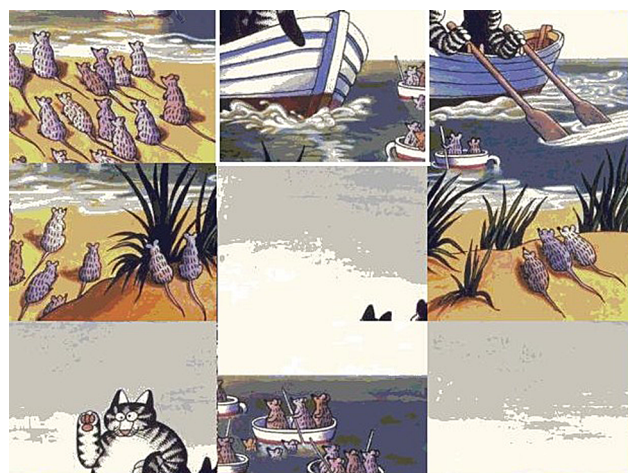

Рисунок 1. Пример экспериментальной задачи

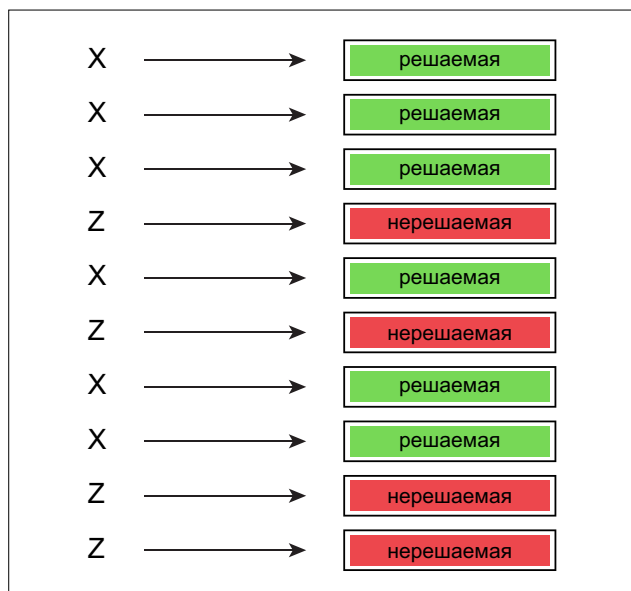

Рисунок 2. Последовательность предъявления стимулов в установочной серии

Пазлы могли быть решаемыми (их можно было собрать в исходную картинку) и нерешаемые (не складывались в исходную картинку). «Нерешаемые пазлы» были получены путем замены трех фрагментов картинки на их зеркальные отражения. Такой «нерешаемый пазл» не отличался от «решаемого» ни по цветовой гамме, ни по графическим характеристикам. Так как испытуемым не предъявлялась исходная картинка (они сразу видели картинку в «перемешанном» виде, без предварительного предъявления эталона), то они не могли по внешнему виду пазла заранее определить, решается задача или нет. Испытуемые должны были, «кликая» мышкой по кусочкам пазла и меняя их таким образом местами, собрать целую картинку. На сбор картинки предоставлялось ограниченное время. Испытуемые были информированы о том, что среди предъявляемых пазлов есть «бракованные» (задачи, которые невозможно решить). Если в ходе решения задачи испытуемый понимал, что данный пазл нельзя собрать, он мог пропустить его (нажав специальную кнопку) и приступить к сбору следующего.

В эксперименте использовались праймы, не имеющие в контексте решения целевой задачи смыслового содержания. В качестве таких семантически «пустых» стимулов были выбраны значки двух видов — X и Z. Эти значки исходно не оказывали значимых влияний на решение следующих за ними задач. Отсутствие статистически значимого прайминг-эффекта данных символов на решение задач было предварительно проверено в пилотажном исследовании.

Установочная серия состояла из 10 задач. Все решаемые задачи установочной серии предварялись неосознаваемым праймом X. Все нерешаемые — праймом Z. Последовательность решаемых и нерешаемых задач в экспериментальной серии задавалась в случайном порядке (рис. 2). Далее следовала контрольная серия, состоящая из 14 задач.

Все задачи контрольной серии были решаемыми, но половина из них сопровождалась неосознаваемым праймом X, другие семь задач — праймом Z. Переход

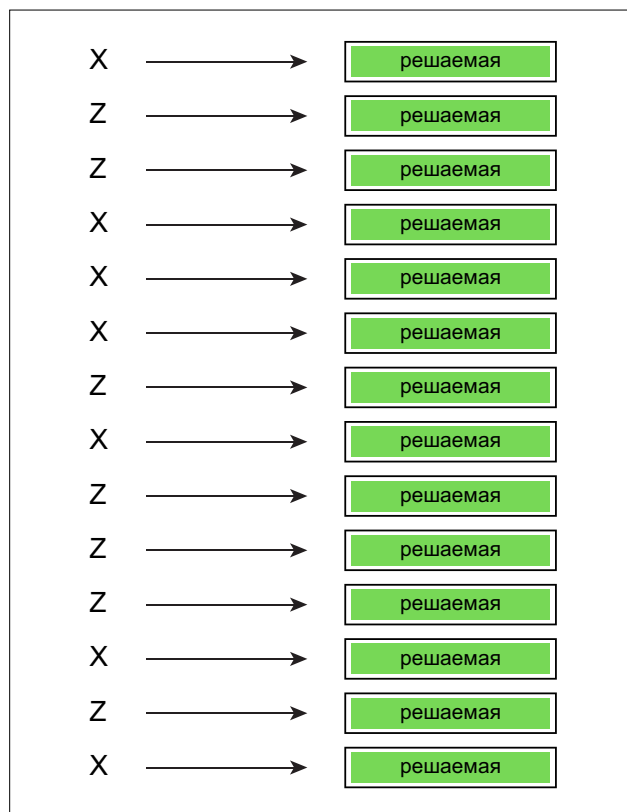

Рисунок 3. Последовательность предъявления праймов (X и Z) в контрольной серии

установочной серии в контрольную для испытуемого не был как-либо отмечен, то есть испытуемый решал без паузы между сериями подряд 24 задачи (рис. 3).

Было обнаружено, что задачи контрольной серии, сопровождаемые праймом Z (прайм Z в установочной серии применялся с «нерешаемыми» пазлами), решались достоверно дольше, чем аналогичные задачи с праймом X. При решении задач с праймом Z испытуемые делали больше перемещений фрагментов собираемой картинки. Кроме того, испытуемые значимо чаще отказывались собирать пазл с неосознаваемым праймом Z из-за субъективной уверенности в его «нерешаемости» (10% случаев) по сравнению с пазлами, которые предварялись праймом X (1% случаев).

Таким образом, в результате установочной серии, состоящей из 10 задач, сопровождаемых неосознаваемой прайм-стимуляцией, удалось получить выраженный и устойчивый прайминг-эффект для стимула, изначально не оказывающего сколь-либо заметного воздействия на эффективность решения задач. Данный экспериментальный факт еще раз подтверждает предположение о том, что неосознаваемые стимулы воспринимаются и анализируются не локально, а целостно, то есть сериями. Ведь для того, чтобы закрепить за нейтральным стимулом значение, необходимо подключение механизмов памяти (испытуемый должен помнить, что неосознанно воспринятый стимул X всегда сочетается с решаемыми задачами, а Z — с нерешаемыми). Кроме того, мы видим, что когнитивная деятельность субъекта происходит при активном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого уровней познавательного процесса: значение неосознаваемого стимула формируется на основании того, с какой по-

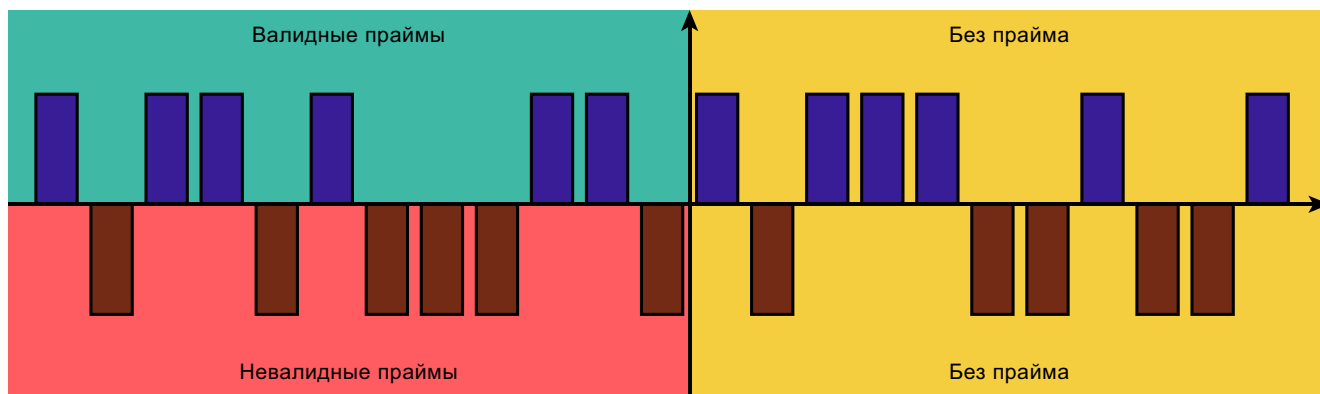

Рисунок 4. Последовательность предъявления стимулов в установочной и контрольной сериях

следующей осознаваемой задачей (решаемой или нерешаемой) этот стимул обычно сочетается.

Последний эксперимент, результатами которого я хотела бы проиллюстрировать возможность формирования установок при работе с неосознаваемыми стимулами, — эксперимент с цветными масками (Куделькина, Иванов, 2011). В экспериментах, направленных на изучение влияния неосознаваемых стимулов, часто используется маскировка. Для того чтобы исключить возможность осознания прайма, непосредственно по завершении его экспозиции на месте прайма предъявляется бессмысленный объект или совокупность объектов — «маска». Маска не позволяет осознать воздействие прайма, блокируя послеобраз. Маска осознается, а скрываемый ею стимул — нет. В качестве маски обычно используются штриховка, цветное пятно, бессмысленный набор букв и т. д. Маска используется как техническое средство и практически никогда не становится самостоятельным объектом внимания исследователей. В нашем исследовании мы задались вопросом о том, возможно ли, что при определенных экспериментальных условиях изначально нейтральная маска начнет оказывать самостоятельное активное влияние на решение задач? Мы предположили, что если определенная маска (например, маска, имеющая синий цвет) всегда содержит в себе правильную неосознаваемую подсказку для последующей задачи, а другая маска (например, коричневая по цвету) всегда скрывает неправильную неосознаваемую подсказку, то в определенных экспериментальных условиях (специфическая установочная серия) можно добиться переноса значения неосознаваемого стимула на сопровождающую его маску. В этом случае изначально семантически нейтральная маска начнет оказывать самостоятельный прайминг-эффект на решение задачи. Испытуемые решали серию из 40 анаграмм, до появления каждой из них испытуемому предъявлялся неосознаваемый прайм-стимул с последующей маскировкой. Прайм был либо правильной подсказкой (валидный прайм), либо неправильной (невалидный прайм). Валидный прайм непосредственно являлся словом-отгадкой. Маски были двух цветов: коричневого и синего. Установочная серия состояла из 20 задач. Все валидные праймы этой серии сопровождались масками синего цвета, а все невалидные — масками коричневого цвета. Затем, начиная с 20-ой задачи, из масок были «убраны» праймы, и испытуемый получал перед задачей «пустую» маску либо коричневого,

либо синего цвета (рис. 4). Так как условия предъявления праймов в установочной части эксперимента исключали возможность их осознания, то испытуемые не замечали разницы в экспериментальных условиях в первой и второй части эксперимента; для них задачи продолжали сопровождаться масками разных цветов.

Мы получили, что «пустые» маски коричневого цвета в контрольной части эксперимента стали оказывать негативный прайминг-эффект на решение следующих за ними задач (замедляли решение задач).

Цвет масок сам по себе обладал каким-либо влиянием на решение задач, что подтверждено результатами исследований контрольной группы. Таким образом, прайм с маскировкой является для испытуемого двойным стимулом, одна часть которого является неосознаваемой (прайм), другая — осознаваемой (маска). Изначально в эксперименте семантическое содержание имела только неосознаваемая часть двойного стимула, а именно слово-прайм, в то время как его осознаваемая часть — цветная маска — не имела значения для испытуемого и сама по себе не оказывала какого-либо эффекта на успешность решения последующих задач. Однако в результате установочной серии, состоящей из 20 предъявлений (в ходе которой маска коричневого цвета всегда скрывала в себе невалидный прайм, а маска синего цвета — валидный), значение неосознаваемой части стимула постепенно переносится на ее осознаваемую часть и маска сама по себе становится активно работающим праймом!

Резюмируя комментарий, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что далеко не каждое исследование прайминга может быть рассмотрено как исследование установки. Вместе с тем приведенные выше исследования с использованием парадигмы динамического прайминга демонстрируют возможность фиксации эффектов формирования установки в сериях неосознаваемых стимулов-праймов.

Литература

Иванчей И. И., Морошкина Н. В. Измерение осознанности. Старая проблема на новый лад // Когнитивная психология сознания: сб. статей. СПб.: ЛЕМА, 2011. С. 39–53.

Куделькина Н. С., Агафонов А. Ю. Динамические прайминг-эффекты: исследование регуляции неосознаваемой семантической чувствительности. По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2012.

Куделькина Н. С., Иванов А. А. Когда маска становится праймом? // Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 63–64.

Куделькина Н. С., Свиридова Т. А. Семантический перенос как эффект взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого уровней познания. По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2012.

Морошкина Н. В., Герикович В. А. Актуальные тенденции в исследовании имплицитного научения // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2014. Т. 4. С. 39–53.

Balota D. A. Automatic semantic activation and episodic memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1983. Vol. 22. No. 1. P. 88–104.

Balota D. A., Paul S. T. Summation of activation: Evidence from multiple primes that converge and diverge within semantic memory // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1996. Vol. 22. No. 4. P. 827–845. doi:10.1037//0278-7393.22.4.827

Bodner G., Masson J. Beyond binary judgments: Prime validity modulates masked repetition priming in the naming task // Memory & Cognition. 2004. Vol. 2004. No. 32. P. 1–11.

Bodner G. E., Dypvik A. T. Masked priming of number judgments depends on prime validity and task // Memory & Cognition. 2005. Vol. 33. No. 1. P. 29–47. doi:10.3758/bf03195295

Bodner G. E., Masson M. E. J. Memory Recruitment: A Backward Idea About Masked Priming // The Psychology of Learning and Motivation / B. H. Ross (Ed.). Burlington: Academic Press, 2015. P. 179–213.

Forster K. I., Davis C. Repetition priming and frequency attenuation in lexical access // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1984. Vol. 10. No. 4. P. 680–698. doi:10.1037//0278-7393.10.4.680

Shanks D. R., Wilkinson L., Channon S. Relationship between priming and recognition in deterministic and probabilistic sequence learning // Journal of Experimental Psychology, Learning, Memory, and Cognition. 2003. Vol. 29. No. 2. P. 248–261. doi:10.1037/0278-7393.29.2.248

Smith M., Besner D., Miyoshi H. New limits to automaticity: context modulates semantic priming // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition. 1994. Vol. 20. P. 104–115. doi:10.1037//0278-7393.20.1.104

discussion

Every Set is a Priming, but not Each Priming is a Set

COMMENTARY ON THE PAPERS “SET AND UNCONSCIOUS SEMANTIC PRIMING: TWO DIFFERENT LABELS OR TWO DISTINCT PHENOMENA?” BY A. KOYFMAN AND “COMPARING TWO PARADIGMS AND THE ‘PREPERSONAL LEVEL’ OF PRIMING” BY M. FILIPPOVA

Natalia S. Kudelkina

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

This commentary discusses an option for comparing two related phenomena: set (a central topic in the research of Dmitry Uznadze) and subliminal priming, one of the most important research topics in cognitive science. The discussion comes to the conclusion that both phenomena, set and priming, are effects of preceding cognitive activity and in this general sense are identical. At the same time, from a methodological perspective, not every instance of priming is an effect of the set. We review our studies using dynamic (serial) priming. In these studies, an experimental paradigm is used that combines the masked priming method and the method of ‘set’ formation (according to Uznadze’s concept). In other words, the possibilities of set forming effects toward unconscious stimuli were studied by manipulating the features of the organization of the preceding unconscious stimulus series.

Correspondence: Natalia S. Kudelkina, kudelkinans@gmail.com, 19 Mira st., 620002 Ekaterinburg, Russia

Keywords: priming, unconscious priming, subliminal priming, masked priming, set, set theory, Dmitry Uznadze, Uznadze effects

Copyright © 2017. Natalia S. Kudelkina. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received February 02, 2017, accepted March 31, 2017.

References

- Balota D. A. Automatic semantic activation and episodic memory // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1983. Vol. 22. No. 1. P. 88–104.
- Balota D. A., Paul S. T. Summation of activation: Evidence from multiple primes that converge and diverge within semantic memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1996. Vol. 22. No. 4. P. 827–845. doi:10.1037//0278-7393.22.4.827
- Bodner G., Masson J. Beyond binary judgments: Prime validity modulates masked repetition priming in the naming task // *Memory & Cognition*. 2004. Vol. 2004. No. 32. P. 1–11.
- Bodner G. E., Dypvik A. T. Masked priming of number judgments depends on prime validity and task // *Memory & Cognition*. 2005. Vol. 33. No. 1. P. 29–47. doi:10.3758/bf03195295
- Bodner G. E., Masson M. E. J. Memory recruitment: A backward idea about masked priming // *The Psychology of Learning and Motivation* / B. H. Ross (Ed.). Burlington: Academic Press, 2015. P. 179–213.
- Forster K. I., Davis C. Repetition priming and frequency attenuation in lexical access // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1984. Vol. 10. No. 4. P. 680–698. doi:10.1037//0278-7393.10.4.680
- Ivanchei, I. I., & Moroshkina, N. V. (2011). Izmerenie osoznannosti. Staraja problema na novyj lad [Measurement of awareness. New life of the old problem]. In *Kognitivnaja psihologija soznaniya: sb. statej [Cognitive psychology of consciousness: Paper collection]* (pp. 39–53). SPb.: LEMA. (In Russian).
- Kudelkina, N. S., & Agafonov, A. Y. (2012). Dinamicheskie prajming-jeffekty: issledovanie reguljicii neosoznavaemoj semanticheskoy chuvstvitel'nosti [Dynamic priming effects: Research on regulation of unconscious semantic sensitivity]. In *Po obe storony soznaniya. Jeksperimental'nye issledovanija po kognitivnoj psihologii [On both sides of consciousness. Experimental research in cognitive psychology]* SPb.: Barakh-M. (In Russian).
- Kudelkina, N. S., & Ivanov, A. A. (2011). Kogda maska stanovitsja prajmjom? [When mask becomes a prime?]. In *Psihologija XXI veka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii molodyh uchenyh "Psihologija XXI veka" [Psychology of XXI Century: Proceedings of International conference of young scientists]* (pp. 63–64). SPb.: SPb University Publishing. (In Russian).
- Kudelkina, N. S., & Sviridova, T. A. (2012). Semanticheskij pelenos kak jeffekt vzaimodejstvija osoznavaemogo i neosoznavaemogo urovnej poznanija [Semantic transfer as effect of interaction bbetween the conscious nad unconscious levels of cognition]. In *Po obe storony soznaniya. Jeksperimental'nye issledovanija po kognitivnoj psihologii [On both sides of con-*

- sciousness. Experimental research in cognitive psychology* Barakh-M. (In Russian).
- Moroshkina, N. V., & Gershkovich, V. A. (2014). Aktual'nye tendencii v issledovaniii implicitnogo nauchenija [Trends in research on implicit learning]. *Vestnik SPbGU. Series 16, 4*, 39–53. (In Russian). *Shanks D. R., Wilkinson L., Channon S.* Relationship between priming and recognition in deterministic and probabilistic sequence learning // *Journal of Experimental Psychology, Learning, Memory, and Cognition*. 2003. Vol. 29. No. 2. P. 248–261. doi:10.1037/0278-7393.29.2.248
- Smith M., Besner D., Miyoshi H.* New limits to automaticity: context modulates semantic priming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition*. 1994. Vol. 20. P. 104–115. doi:10.1037//0278-7393.20.1.104

ДИСКУССИЯ

О принципах анализа и сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А. Я. Койфман «УСТАНОВКА И НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРАЙМИНГ: РАЗНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЛИ РАЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ?» И КОММЕНТАРИЮ М. Г. Филипповой «РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОБЛЕМОЙ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДВУХ ПАРАДИГМ И „ДОЛИЧНОСТНЫМ УРОВНЕМ“ ПРАЙМИНГА»

Роман Сергеевич Шилко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. На материале сопоставления исследований установки и неосознаваемого семантического прайминга, представленного в статье А. Я. Койфман, мы сформулировали некоторые общие принципы анализа и сравнения понятий, развиваемых в разных подходах. Сформулировано четыре таких принципа: 1. Дифференцирование методической, теоретической и фактологической сторон проблемы; 2. Подробность и полнота изложения исходных материалов; 3. Аутентичность терминологии при изложении исходных материалов и при проведении анализа и сопоставления; 4. Поиск возможности включения сопоставляемых понятий или явлений в более общее концептуальное или эмпирическое содержание. Обсуждается продуктивность анализа и сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга путем выделения уровней установки и выявления их соотношения в контексте выполнения деятельности.

Контактная информация: Роман Сергеевич Шилко, shilko@psy.msu.ru; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: установка, неосознаваемый семантический прайминг, анализ и сопоставление феноменов и понятий

© 2017 Роман Сергеевич Шилко. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2017 г. Принята в печать 30 марта 2017 г.

Статья А. Я. Койфман (2016) представляется важной в двух аспектах. Первый аспект заключается в постановке непосредственной цели работы, состоящей в сопоставлении установки и неосознаваемого семантического прайминга, что четко отражено в вопросе, вынесенном в заголовок статьи. Второй аспект касается того, как именно проводится сопоставительный анализ установки и неосознаваемого семантического прайминга. Этот второй аспект мы и попробуем рассмотреть в данном комментарии, потому что нам он представляется интересным и сам по себе, и как усло-

вие успешной реализации первого аспекта. На основе анализа представленного в статье А. Я. Койфман (2016) сопоставления конкретных феноменов и понятий (установки и неосознаваемого семантического прайминга) мы постараемся сделать обобщение и сформулировать некоторые общие принципы анализа и сопоставления феноменов и понятий из разных подходов. В процессе анализа статьи А. Я. Койфман (2016) мы также рассмотрим некоторые изложенные в комментарии М. Г. Филипповой (2016) положения и замечания и обсудим их обоснованность.

Актуальность для психологии поиска основ для диалога и сближения разных подходов

Уже с первого абзаца статьи А. Я. Койфман (2016) можно видеть, что сопоставление указанных терминов (или феноменов) предполагается проводить в более широком методологическом контексте, как проявления интеграции психологического знания:

«Начинается работа по согласованию различных точек зрения, которая протекает по-разному в зависимости от близости исследовательских направлений, понимания открытых феноменов либо аспектов их изучения. Эта работа с необходимостью должна проходить на разных уровнях: с учетом теоретических основ, методологической традиции исследования и с опорой на феноменологию» (Койфман, 2016, с. 45).

Наверное, не нужно пояснять актуальность для психологии проблемы поиска основ для диалога и сближения разных подходов и направлений. И данная статья является хорошей иллюстрацией такой интеграционной работы. Попробуем на ее основе эксплицировать некоторые существенные принципы анализа и сопоставления феноменов и понятий из разных подходов на материале исследований установки и неосознаваемого семантического прайминга.

Дифференцирование методической, теоретической (концептуальной) и фактологической (феноменальной) сторон проблемы

Видится оправданным и даже необходимым представленное в статье А. Я. Койфман (2016) рассмотрение разных вариантов понимания установки и прайминга: как процедуры, как состояния и как эффекта. Вообще, при анализе какой-либо проблемы считается продуктивным различать такие стороны психологического знания, как (1) изучаемые явления (феномены), (2) используемые для изучения методы и (3) применяемые для понимания психической реальности понятия (теории) (см., напр., Дормашев, 2002). Процедура как способ (метод) изучения, эффект как изучаемая часть эмпирической реальности и состояние как концептуальная интерпретация, разумеется, предполагают разное понимание слов «установка» и «прайминг». Для придания однозначности используемой терминологии в статье А. Я. Койфман (2016) предлагается называть их, соответственно: процедура (условия) получения; «эффект установки» и «прайминг-эффект»; «установка» и «прайминг». Трудно представить более точное и четкое обозначение.

Возможно, именно с различиями в понимании прайминга как состояния и как эффекта, связано обсуждение вопроса о «доличностном уровне» прайминга. В статье А. Я. Койфман (2016) прайминг соотносится

с доличностным уровнем при описании его как *состояния* (пассивная готовность), причем в контексте концептуальных представлений Д. Н. Узнадзе об установке как *состоянии* активной готовности и А. Г. Асмолова об уровнях установки. Если учесть, что в понимании Д. Н. Узнадзе установка «является проявлением активности живого организма как целого» (с. 47), а необходимым условием возникновения установки к действию является «наличие какой-либо *потребности у субъекта поведения и ситуации*, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена» (с. 48), то при таком широком, глобальном понимании установки в школе Д. Н. Узнадзе представляется вполне естественным рассмотрение ее в контексте «...целостной личности, с ее мотивацией, эмоциональными и волевыми процессами и индивидуальной историей...» (с. 52). И вполне закономерным кажется дальнейшее использование теоретического конструкта «установка» при разработке теорий личности или при описании личностного развития. В комментарии М. Г. Филипповой (2016) содержится возражение против «доличностного уровня» прайминга и указано, что «...прайминг в такой же мере связан с мотивационно-потребностной сферой личности, в какой и установка» (с. 64). При этом связь прайминга с личностными особенностями обосновывается тем, что «этот эффект с успехом используется в различных исследовательских и диагностических техниках» (с. 64). То есть речь идет не о теоретических представлениях о механизмах прайминга как *состояния*, а подразумевается использование *прайминг-эффекта* и *процедуры* его получения, причем при изучении индивидуальных различий, связь которых с личностью хотя и кажется возможной, но для четкого понимания требует пояснения. В статье А. Я. Койфман (2016) как раз и подчеркивается преимущественно конкретная эмпирическая и методическая направленность изучения прайминга:

«Описание и объяснение прайминг-эффектов оказалось привязанным к предполагаемому модели субстрату, отличается конкретностью и открыто для эмпирической проверки, ...акцент на когнитивной составляющей и ограничение исследований рамками лаборатории поставило данную область исследований вне контекста целостной личности ...» (с. 52)

и далее

«...Ни в отечественной, ни в зарубежной традиции понятие „прайминг“ не используется для объяснения в общетеоретическом плане, а только для обозначения определенного класса феноменов в конкретно-психологических исследованиях» (с. 53).

Подробность и полнота изложения исходных материалов

Статья А. Я. Койфман (2016) содержит подробное описание истоков открытия установки и неосознаваемого семантического прайминга и их разных вариантов,

эволюции процедур их получения и трансформации концептуальных интерпретаций. Изложение полной и подробной истории изучения феноменов представляется важным как минимум по двум причинам. Первая причина — обеспечение возможности адекватного понимания читателем (возможно, не являющимся специалистом в данной области) содержания проводимого анализа и сопоставления, для чего важно подробно описать исходный материал: явления, методы, подходы. Вторая причина — составление «перечня», своего рода инвентаризация тех материалов, на основе которых будут проводиться анализ и сопоставление. По тому, что содержится в этом «перечне», можно составить представление о том, какие исследования привлекаются для анализа и сопоставления, а какие остались в стороне. Кроме того, можно даже попытаться определить, как именно автор понимает (интерпретирует) привлекаемые им исследования. Эту вторую причину можно рассматривать как аналог требования подробного описания методики эмпирического исследования для возможности его повторения. Предложенная в комментариях (Филиппова, 2016) идея о возможности сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга в рамках концепции сознания В.М. Аллахвердова представляется интересной, но остается малопонятной ввиду отсутствия подробного ее изложения по причине ограниченности формата комментария в журнале. Хочется выразить надежду на возможность познакомиться с подробным изложением данной идеи.

Аутентичность терминологии при изложении исходных материалов и при проведении анализа и сопоставления

Классическая психология сознания (В. Вундт) и классическая психофизика (Г.Т. Фехнер), Вюрцбургская школа (О. Кюльпе и Г. Уатт), грузинская школа психологии установки (Д.Н. Узнадзе), теория деятельности (А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов), когнитивная психология, модели семантической сети (А. Коллинз, Э. Лофтус), модели распределенных сетей (Д. МакКлелланд) — все эти и другие теоретические подходы, теории и модели, в рамках которых проводились исследования установки и/или неосознаваемого семантического прайминга, обладают спецификой своего содержания, что отражается в используемой терминологии. Поэтому при описании изучения установки или прайминга в том или ином подходе и уж тем более при сопоставлении представлений из разных подходов представляется очень важным делать это по возможности аккуратно и корректно с точки зрения использования соответствующей (аутентичной) подходу терминологии. Так, рассмотрение установки в контексте психологической теории деятельности (Асмолов, 1979) предполагает использование таких важных для этого подхода понятий, как личностный смысл, цель как осознанно предвосхищаемый результат действия, операция как способ выполнения действия, психофизи-

ологические механизмы и др. А в контексте моделей семантической сети прайминг описывается через ключевые понятия активации, распространения активации, элементы сети и др. Таким образом, использование аутентичной (соответствующей подходу) терминологии при анализе и сопоставлении понятий или явлений можно считать условием успешного смыслового анализа и соотнесения исходных материалов для получения корректных выводов. Соблюдение этого принципа аутентичности терминологии, но уже в более широком науковедческом контексте, видится нам и в использовании автором статьи (Койфман, 2016) термина «подход». В психологии часто для обозначения системы теоретических представлений и связанных с ними методических принципов используют термин «подход»: бихевиористский подход, когнитивный подход, деятельностный подход и т.д. Замена используемого в обсуждаемой статье (Койфман, 2016) термина «подход» термином «парадигма» в комментарии к статье (Филиппова, 2016) представляется нам неоправданной, потому что, в отличие от термина «подход», термин «парадигма» используется в науке (в т.ч. в психологии) в разных значениях. Парадигмальность психологического знания — отдельная дискуссионная тема, обсуждаемая в многочисленных публикациях. Для примера назовем лишь одну из них — сборник статей (Парадигмы в психологии..., 2012), во введении которого указано, что «психологи называют парадигмами и общие теории, и основные исследовательские направления, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, и более частные модели проведения исследований, и два основных „типа“ психологии — естественно-научную и гуманитарную, и модели экспериментального исследования, и многое другое» (с. 8).

Поиск возможности включения сопоставляемых понятий или явлений в более общее концептуальное или эмпирическое содержание

Наконец, еще один принцип, который, в отличие от изложенных выше, вряд ли может быть применим для всех ситуаций анализа и сопоставления и является скорее пожеланием, — это поиск возможности включения сопоставляемых понятий или явлений в более общее концептуальное или эмпирическое содержание. В комментарии (Филиппова, 2016) этот принцип представлен в виде идеи анализа и сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга в рамках концепции сознания В.М. Аллахвердова (1993, 2000). В статье А.Я. Койфман (2016) этот принцип реализуется через рассмотрение установки и неосознаваемого семантического прайминга в контексте деятельности. Так, один из выводов статьи состоит в том, что «...установки в большей степени определяют то, какое именно действие будет осуществлено, в то время как неосознаваемый семантический прайминг в большей степени проявляется

в форме изменения параметров выполнения действия, влияет на то, как действие реализуется» (с. 57). Такой вывод представляется вполне закономерным, если учесть, что в статье неоднократно предпринимается попытка рассмотрения установки и неосознаваемого семантического прайминга в рамках выполнения деятельности. Еще Д.Н. Узнадзе, изучая установку, рассматривал ее как общий механизм регуляции деятельности целостного субъекта — в связи с возникновением у субъекта потребности и ситуацией как возможностью эту потребность удовлетворить. Выявление уровней установки (Асмолов, 1979) позволило в свое время провести анализ этого состояния в рамках интеграции идей школы Д.Н. Узнадзе и теории деятельности (А.Н. Леонтьев), выделив смысловую установку, целевую установку, операциональную установку и психофизиологические механизмы — реализаторы установки. Так, смысловая установка определяет «выбор тех или иных целей, соответствующих мотиву деятельности. ... Процесс целеобразования приводит к возникновению целевой установки. Под целевой установкой понимается готовность субъекта совершить то, что сообразно стоящей перед ним цели, то есть осознанно предвосхищаемому результату действия» (Койфман, 2016, с. 49). На наш взгляд, такое понимание смысловой и целевой установок как раз и определяет то, какое именно действие будет осуществлено, — в упомянутом выше выводе статьи А.Я. Койфман (2016) это соотносится с установкой. А «под операциональной установкой понимается готовность к осуществлению определенного способа действия, возникающая в ситуации разрешения задачи на основе учета условий наличной ситуации и предвосхищения этих условий...» (Койфман, 2016, с. 49). Мы считаем, что понимаемая таким образом операциональная

установка отражает параметры выполнения действия, то, как выполняется действие. В упомянутом выше выводе статьи А.Я. Койфман (2016) это рассматривается как форма проявления прайминга. Таким образом, можно говорить о том, что оказавшаяся продуктивной идея анализа установки с выделением ее уровней путем рассмотрения в широком контексте психологической теории деятельности (Асмолов, 1979) получила свое развитие. Теперь на материале многочисленных исследований, в том числе и самых современных, выделение уровней и включение в контекст выполнения деятельности оказывается продуктивным для анализа и сопоставления установки и неосознаваемого семантического прайминга.

Литература

- Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., Печатный двор, 1993.
- Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
- Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Дормашев Ю.Б. Схема предмета психологии // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Выпуск 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 45–55.
- Койфман А.Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 45–62. <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Филиппова М.Г. Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 63–66. <http://cogjournal.org/3/4/pdf/FilippovaRJCS2016.pdf>.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.В. Корниловой, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2012.

discussion

On the Principles of Analysis and Comparison of Set and Unconscious Semantic Priming

COMMENTS ON A.YA. KOYFMAN'S "SET AND UNCONSCIOUS SEMANTIC PRIMING: TWO DIFFERENT LABELS OR TWO DISTINCT PHENOMENA?" AND M.G. FILIPPOVA'S "COMPARING TWO PARADIGMS AND THE 'PREPERSONAL LEVEL' OF PRIMING"

Roman S. Shilko

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Based on the material of the comparative analysis of set and unconscious semantic priming given in A. Ya. Koyfman's article, we formulated some general principles for the analysis and comparison of phenomena and concepts within different approaches. Four such principles are revealed: 1. differentiation of methodical, theoretical and factual aspects of the problem; 2. detailed presentation of original materials; 3. authenticity of terminology use in describing the original materials and during analysis and comparison; and 4. search for the possibility of including the compared concepts or phenomena in a more general conceptual or empirical content. The productivity of the analysis and comparison of set and unconscious semantic priming is discussed by distinguishing the levels of set and specifying their interrelation in the context of the current activity.

Correspondence: Roman S. Shilko, shilko@psy.msu.ru, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya st., 11, bld. 9, Moscow, 125009, Russia

Keywords: unconscious semantic priming, analysis and comparison of phenomena and concepts

Copyright © 2017. Roman S. Shilko. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received February 02, 2017, accepted March 30, 2017.

References

- Allakhverdov V.M.* Opyt teoreticheskoy psikhologii [Experience of theoretical psychology]. Saint-Petersburg: Pechatny dvor, 1993.
- Allakhverdov V.M.* Soznanie kak paradoks [Consciousness as paradox]. Saint-Petersburg: DNK, 2000.
- Asmolv A. G.* Activity and set. Moscow: Moscow University Publishing, 1979.
- Dormashev Y.B.* Schema predmeta psikhologii [Scheme of the thematic topic of psychology] // Uchyoniye zapiski kafedry obschey psikhologii MGU imeni M.V. Lomonosova [Scientific notes of the Department of General Psychology of Lomonosov Moscow State University. Issue 1] / B.S. Bratus', D.A. Leont'yev (Eds.). Moscow: Smysl, 2002. P. 45–55.
- Filippova M. G.* [Comparing Two Paradigms and the "Prepersonal Level" of Priming] // The Russian Journal of Cognitive Science. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 63–66. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/FilippovaRJCS2016.pdf>.
- Koyfman A. Y.* [Set and Unconscious Semantic Priming: Two Different Labels or Two Distinct Phenomena?] // The Russian Journal of Cognitive Science. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 45–62. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>.
- Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskiy analiz [Paradigms in psychology: the science of science analysis] / A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Yurevich (Eds.). Moscow: Publishing of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2012.